

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 47 НОЯБРЬ 1975

Геннадий Булыгин, Анатолий Митин, Ким Вахов, Валерий Тарубаров, Юрий Фоминов, Владимир Морозов, Борис Ганьков и Владимир Фоминов.

навстречу XXV съезду КПСС

БРИГАДА ВАЛ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 47 (2524)

22 НОЯБРЯ 1975

Есть в городе Калинине экскаваторный завод. Как у всякого крупного промышленного предприятия, у него много проблем. Завод справляется с ними успешно — по итогам социалистического соревнования за третий квартал ему присуждено знамя Министерства строительного, дорожного и коммунального машиностроения СССР. Свой пятилетний план Калининский экскаваторный выполнил досрочно. Можно было бы привести цифровые выкладки, отражающие постепенный рост производительности труда, объема выпускаемой продукции, снижение ее себестоимости и т. д. Но мы расскажем о людях экскаваторного, об одной его бригаде, ибо цифры не дадут живого представления о том, как нелегко даются успехи. Недаром сказано в Директивах XXIV съезда КПСС:

«ВЫПОЛНЯЮТ ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПЛАНЫ ЛЮДИ. КАЖДЫЙ СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК СВОИМ ТРУДОМ ПРИБЛИЖАЕТ ТОРЖЕСТВО КОММУНИЗМА».

ЕРИЯ ТАРУБАРОВА

Олег ШМЕЛЕВ
Фото Э. ЭТТИНГЕРА

Был такой разговор.

— Слушай, втулок нет, надо принести, — сказал Валерий.

— Приедет кар, пусть привезет.

— Ты ж знаешь, кара можно два часа прождать.

— Ну и плохо, грузы положено возить, а не носить.

— Какой груз?! — искренне изумился Валерий. — Втулка же легче буханки. А нам их нужно три штуки. И тут же два шага.

— Я не носильщик. Я Сборщик. — Слово «сборщик» звучало с большой буквы.

Все верно. И крыть, как говорится, нечем. И вообще этот собеседник Валерия всегда изрекал только неоспоримые истины. Он не боялся критиковать начальство — от цехового и выше, не пропускал ни одного случая заклеймить недостатки и клеймил во всеуслышание. Работал нормально, на смену являлся без опозданий и кончал смену точно в срок. Такой точный и правильный, что часы на его руке хотелось называть не часами, а хронометром. Такой правильный, что хоть садись и пиши с него портрет борца за научную организацию труда, борца против кустарщины и штурмовщины. И сейчас он прав: детали из одного цеха в другой должен доставлять внутризаводской транспорт. Но эти три втулки нужны были сию минуту, весит втулка меньше килограмма, идти за ними — сотня метров...

Валерий Тарубаров — бригадир, его собеседник — рядовой член бригады. Можно было бы приказать. Но завод не армия, бригада не взвод, на приказах далеко не уедешь. За втулками сходил сам Валерий, а его собеседник сказал по этому поводу свою очередную справедливую обличительную речь о неполадках в производственном процессе.

Случай этот заставил Валерия — может быть, впервые за всю его тридцатилетнюю жизнь — подумать, что есть на свете такая правильность, от которой становится тошно. Но разговор со Сборщиком (будем именовать его так, ибо бригада просила не называть фамилии, чтобы не ославить человека в печати), разговор со Сборщиком порождал в сознании некое противоречие, и это необходимо пояснить...

Калининский экскаваторный завод до 1975 года выпускал две марки машин — «Э-305Б» и «Э-302Б». Наверное, не найдется человека, который бы не видел, как эти механические землекопы (объем ковша 0,4 кубического метра) прокладывают траншеи под трубопроводы или выгрызают котлованы. Однако они, прямо скажем, давно перестали быть последним словом землеройной техники. Завод переходил на более совершенную модель — гидравлический

См. стр. 4—5.

Во время беседы. Фото В. Мусаэльяна (ТАСС)

В ДРУЖЕСТВЕННОЙ АТМОСФЕРЕ

11 ноября Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев принял в Кремле Федерального президента Федеративной Республики Германии Вальтера Шееля, находившегося в Советском Союзе с официальным визитом с 10 по 15 ноября. В беседе приняли участие член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко и заместитель федерального канцлера, министр иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншер.

Состоялся обмен мнениями, в ходе которого были затронуты вопросы состояния двусторонних отношений между СССР и ФРГ, а также перспективы их дальнейшего развития. При этом было выражено удовлетворение работой, проделанной в целях закрепления положительных перемен во взаимоотношениях обоих государств и вновь подтверждена решимость и далее наполнять сотрудничество между СССР и ФРГ живым, динамичным содержанием, обогащать его новыми конструктивными элементами. Беседа проходила в деловой, дружественной атмосфере.

В тот же день в Кремле член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный и член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко продолжили обмен мнениями с Федеральным президентом ФРГ В. Шеелем и заместителем федерального канцлера, федеральным министром иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншером.

В центре внимания находились вопросы, связанные с дальнейшим развитием процесса разрядки международной напряженности в период после завершения Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Во время пребывания в Советском Союзе Федеральный президент Федеративной Республики Германии посетил Ташкент и Самарканд.

Проводы на аэродроме в Москве. Фото А. Гостева

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ВАЖНЕЙШИЙ ИМПУЛЬС

Дмитрий **ВОЛЬСКИЙ**

Трудно добиться мира на Ближнем Востоке. Может даже создаться впечатление, что этот район — «некий остров напряженности в океане разрядки», как писал один западный публицист. В самом деле, общеевропейское совещание расчистило атмосферу в Европе, ликвидирован очаг войны в Индокитае, в бывших португальских колониях в Африке, если не считать Анголы, воцарился мир, основанный на принципах национальной независимости. А Ближний Восток все еще остается во взрывоопасном положении, что, конечно, не может не тревожить миролюбивые силы. Естественно, это вызывает озабоченность и Советского Союза, всегда выступавшего за то, чтобы и в этом районе был установлен прочный и справедливый мир.

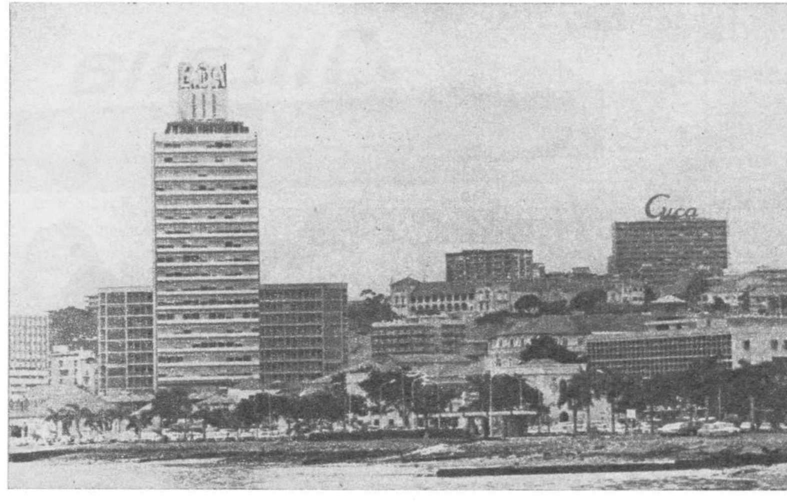
Последовательная линия советской внешней политики вновь проявилась в предложении, которое выдвинул недавно СССР. Речь в нем идет о том, чтобы Советский Союз и США, как сопредседатели Женевской мирной конференции по Ближнему Востоку, проявили совместную инициативу по возобновлению работы этой конференции. В чем актуальность, жизненная сила советского предложения, встретившего широкую общественную поддержку? Прежде всего в том, что оно нацелено на кардинальное, всеобъемлющее урегулирование затянувшегося конфликта, на устранение самих его истоков. Только вывод израильских войск со всех оккупированных в 1967 году арабских территорий и обеспечение законных прав палестинских арабов, в том числе их права на создание собственного государства, по-настоящему разрядили бы обстановку на Ближнем Востоке. Лишь на таких условиях может быть установлен там прочный мир, когда все государства этого района смогут жить и развиваться в условиях стабильной безопасности.

Но можно ли добиться этого иначе, чем с помощью совместных усилий всех заинтересованных сторон? Сама жизнь доказывает, что иного пути нет. Пресловутые частичные меры, основанные и на сепаратных решениях, явно уводят в сторону от мира на Ближнем Востоке. Не случайно, например, арабская печать подчеркивает, что опасный кризис в Ливане, осложненный постоянными израильскими нападениями на эту страну, вспыхнул вскоре после заключения известного синайского соглашения. Сами тель-авивские министры отнюдь не исключают возможности и более широкого военного вмешательства в ливанские дела, что, конечно, было бы чревато весьма серьезными последствиями, особенно в условиях гонки вооружений на Ближнем Востоке, которую нагнетает Израиль. Его военный потенциал, по подсчетам американского института Гопкинса, уже в феврале на 25 процентов превысил уровень октября 1973 года, и тем не менее Тель-Авив стремится получать все новое и новое оружие.

Видимо, определенные империалистические круги хотели бы и впредь делать ставку на израильский милитаризм, а не на коллективные усилия по урегулированию конфликта. Отсюда — и их противодействие возобновлению работы Женевской конференции, особенно участию в ней представителей Организации Освобождения Палестины. С нелегкой руки Тель-Авива пытаются закрыть палестинский вопрос. Но он существует и будет существовать, пока не удовлетворены законные права арабского народа Палестины. Игнорировать его права — значит закрывать глаза на объективную реальность. Да и вообще такая «страусовая позиция» явно противоречит духу времени. Позитивные тенденции международного развития — хочет того кто-нибудь или не хочет — не обходят стороной Ближний Восток. Показательны, в частности, осуждение сионизма XXX сессией Генеральной Ассамблеи ООН, принятие ею резолюции в поддержку национальных прав палестинских арабов.

И другое характерно: терпит банкротство концепция, будто ближневосточное урегулирование может быть достигнуто без Советского Союза. Конечно, израильским экспансионистам, империалистической военщине, неоколониалистским монополиям да и арабской реакции очень хотелось бы отстранить СССР от ближневосточных дел. Но не кто иной, как даже председатель Всемирного еврейского конгресса Н. Гольдман на днях признал бесперспективность подобных попыток. Что же касается миролюбивой международной общественности и прежде всего общественности арабских стран, то в конструктивной советской политике она видит один из важнейших факторов, способных обеспечить на Ближнем Востоке справедливый и прочный мир. Новая инициатива СССР по возобновлению Женевской конференции еще раз это убедительно подтвердила.

Почти два года назад была созвана Женевская мирная конференция, но она длительное время бездействует, ей не удалось даже приступить к выполнению своей основной задачи — решению ключевых вопросов урегулирования на Ближнем Востоке. Между тем механизм конференции как раз и соответствует этой задаче, поскольку он основан на совместных действиях всех заинтересованных сторон. И если, как предлагает Советский Союз, работа Женевской конференции будет возобновлена в полном объеме, если в ней с самого начала примут участие на равных правах Египет, Сирия, Иордания, представители арабского народа Палестины в лице ООП и Израиль, то есть непосредственно заинтересованные стороны, а также СССР и США, как сопредседатели конференции, то делу ближневосточного урегулирования будет дан важнейший импульс.

Луанда — столица Народной Республики Ангола.
Фото ТАСС

РОЖДЕНИЕ НЕЗАВИСИМОЙ АНГОЛЫ

11 ноября на карте африканского континента появилось 47-е независимое государство — Народная Республика Ангола.

...За три часа до полуночи, в 9 часов вечера 10 ноября, на улицах столицы страны Луанды началось факельное шествие «бойцов четвертого февраля». Именно они начали четырнадцать лет назад вооруженное восстание против колониального ига под знаменами МПЛА — Народного движения за освобождение Анголы. Десятки тысяч людей скандируют лозунги в поддержку народной власти: «Да здравствует наша борьба!», «Вместе с МПЛА — один народ, одна нация!», «Борьба продолжается — победа будет за нами!».

Ровно в полночь на площади имени Первого мая впервые звучит гимн нового государства, начинающийся словами «Вперед, народ!». Торжественно поднимается красно-черное знамя независимой Анголы. Красный цвет символизирует революцию и пролитую патриотами кровь, черный — многострадальный африканский континент.

На трибуне председатель МПЛА товарищ Агостиньо Нето — первый президент государства. «От имени ангольского народа и Центрального комитета Народного движения за освобождение Анголы,— говорит он под гром аплодисментов,— торжественно провозглашаю перед Африкой и всем миром независимость Анголы. В соответствии с сокровенным желанием народа МПЛА объявляет, что наша страна будет называться Народной Республикой Ангола».

11 ноября торжества продолжались. После официальной церемонии вступления товарища Нето в должность президента республики в городе состоялись многолюдные митинги и манифестации. На них вновь и вновь повторялись слова главы государства о том, что Народная Республика Ангола готова поддерживать отношения со всеми странами мира на основе взаимного уважения национального суверенитета, невмешательства во внутренние дела, уважения территориальной целостности, отказа от агрессии, полного равенства и признания принципов мирного сосуществования. Днем по луандийскому радио прозвучало послание Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного, который обратился к президенту Нето с поздравлениями и добрыми пожеланиями.

В тот же день в Луанде состоялись переговоры между делегациями Союза Советских Социалистических Республик и Народной Республики Ангола. Руководствуясь общими целями антиимпериалистической борьбы, учитывая признание Народной Республики Ангола Советским Союзом, а также основываясь на принципах Устава ООН и венской конвенции, регулирующей дипломатические отношения между государствами, обе стороны решили установить дипломатические отношения между СССР и НРА на уровне посольств. О дипломатическом признании НРА объявили также более 20 стран, в том числе ряд государств Африки.

Между тем, как стало известно в Луанде, раскольнические организации ФНЛА и УНИТА, под прикрытием которых силы международной реакции осуществляют вооруженную агрессию против Анголы, провели две другие церемонии пародийного провозглашения «независимости». Временным центром «политической власти» этих организаций объявлен город Нова-Лижбоа (Уамбо). В официальных кругах ангольской столицы отмечают, что ряд стран НАТО, а также КНР открыто вмешиваются во внутренние дела Анголы. Этим марионеточным организациям оказывается большая военная помощь.

Первые дни независимой Анголы нелегки. Но народ молодого африканского государства исполнен решимости довести революцию до конца, построить подлинно народное демократическое общество.

А. ГРЕЧУХИН

Встреча на аэродроме. Фото А. Гостева

БРИГАДА ВАЛЕРИЯ ТАРУБАРОВА

См. 2-ю стр. обл.

экскаватор «ЭО-3322А», а его производство требовало иной, более точной технологии и более четкой организации труда.

Слабым звеном в цепи был участок сдачи. С экскаваторами, основанными на механическом приводе, этот участок кое-как справлялся, но стиль работы был, что называется, патриархальным. По заводской терминологии, все творилось «на коленке». Гидравлика предполагает аккуратность и чистоту — чистоту в прямом смысле слова и во многих переносных.

И прежде, конечно, заботились о ритмичности, но добивались ее с большим трудом. И прежде, само собой, не поощряли прогульщиков и пьяниц, но как-то так получалось... Знаете, как бывает иной раз в иных цехах: не явившийся сегодня на смену рабочий не опасается наказаний, потому что знает — завтра будет аврал, начальник цеха попросит потрудиться лишних часика три, и уж он, прогульщик, постарается, и все ему простится. Странно выглядит, но факт: начальнику цеха не очень-то хочется расставаться с нарушителями дисциплины, потому что всякий нарушитель, если только он не совсем уж отпетый, страдает комплексом виноватости и, чтобы загладить вину, может в лепешку расшибиться по просьбе начальства. Схема немудрящая: я тебя простил — ты меня уважь. Эта схема исключает протест против штурмовщины — вот и весь секрет.

Гидравлика диктовала совсем другой стиль, другие взаимоотношения между цехами, участками и людьми, между руководителями и рабочими. Все предстояло отлаживать по высокому классу точности.

Участок сдачи экскаваторов — венец всего. Если он не справляется с делом, то работа четырехтысячного заводского коллектива идет как бы вхолостую.

Бригадиром на участок поставили Валерия Тарубарова, и выбор был не случаен. Он пришел на завод в 1960 году, шестнадцати лет от роду, еще не закончив школы, — семья жила трудно, надо было и самого себя кормить и родным помогать. Выучился на слесаря-сборщика, окончил десять классов вечерней школы, потом — индустриальный техникум, побывал на должности инженера-технолога. В 1971 году его приняли в партию. Крепко на ногах стоит, растут у него сын и дочка... Словом, и директор завода Павел Борисович Панкратов и секретарь парткома Евгений Сергеевич Шамаев, когда встал вопрос, кому «расшивать» узкое место, не сговариваясь, подумали о Валерии Тарубарове.

Валерию дали полную свободу в подборе бригады, сказали: «Бери, кого считаешь подходящим, из любого цеха. Найдешь со стороны — возьмем со стороны». Условие ставили только одно: чтобы бригада, подобранная Валерием, обеспечила выпуск минимум 150 машин в месяц.

Валерий знал: не все из тех, с кем вместе он работал на участке сдачи до сих пор, примут и выдержат новый ритм. Все люди его бригады обязаны будут действовать, как один, они должны быть притерты друг к другу без единого зазора. Перед ним стояла нелегкая задача — определить кандидатов на отсев, найдя им подходящую замену.

Он не сомневался сначала относительно того, кто назван тут Сборщиком. Разговор о втулках, которые надо было срочно принести из соседнего цеха, вызвал у Валерия противоречивые чувства. Да, прав этот Сборщик, детали им обязаны доставлять. Но они взялись за новое дело, оно еще не отлажено, значит, что же стоять сложа руки и метать критические стрелы? На всяком большом заводе недостатков хватает, так что Сборщику пищи для критики специально искать не приходилось. И он почти всегда прав. Но...

Есть еще, например, в бригаде слесарь Абдалин, пьянчужка. Придет с похмелья, руки трясутся — ключ на гайку накинуть не может, поворачивается, как сонный. Попробуй ему сказать, что так работать нельзя, он, сославшись на какое-нибудь ядовитое, но справедливое замечание Сборщика, огрызнется: «А так можно?» И выйдет, что не он виноват, а ты, бригадир, или начальник смены, или начальник цеха.

Нет, конечно, Валерий Тарубаров не против критики, он коммунист, член парткома. Но критика Сборщика представлялась ему просто демагогией, нудным брюзжанием, которое никакому делу не помогает, а только портит людям настроение. В ту новую бригаду, которая виделась ему, Сборщик решительно не вписывался.

Валерий посоветовался с товарищами из цеховой парторганизации, пошел к Владимиру Петровичу Антипову, недавно назначенному начальником цеха. Владимир Петрович все понял с полуслова. Сборщика перевели на другой участок.

У Валерия словно камень с души свалился, когда эта тяготившая его ситуация разрешилась так безболезненно. Теперь и с Абдалиным разговаривать можно было уже по-другому. Однако душеспасительные беседы оказались бесполезны, и Абдалина с завода уволили.

Взамен ушедших кого-то надо было искать.

Первым долгом Валерий подумал о Володе Фоминове. Они были товарищами еще с детства, в одной школе учились, но Володя окончил все одиннадцать классов, потом, поработав немного, ушел служить в армию, там его сделали специалистом — был ремонтником на радиолокационной станции. Отслужив, вернулся в Калинин, поступил на один завод электриком, а вскоре перешел на экскаваторный и стал работать на участке ходовых рам.

Дружбу они не теряли, и Валерий, приглашая Фоминова в бригаду, был уверен, что не ошибется. Он знал Володю, как себя самого.

У Володи есть брат Юрий, тремя годами моложе. Тоже после одиннадцатилетки служил в армии, а после службы работал на прядильно-ткацкой фабрике. Кто хотя бы понаслышке знаком с текстильным производством, тому известно, что на фабриках этих ключевая должность, ключевой пост — помощник мастера. От его знания станков, от умения ладить с людьми, и главное, от его отношения к делу зависит очень многое, если не успех производства в целом. А Юра Фоминов работал именно помощником мастера.

Валерий и Володя вместе говорили с Юрием. Он не сразу решился: не шутка — так резко менять профессию. Но, поразмыслив, все же согласился. И, увидев Юрия первый раз с собою рядом в цеху, Валерий тоже не сомневался, что на этого новичка можно положиться.

Чего доброго, он бы, наверное, вскоре уверовал в свое непогрешимое чутье на настоя-

С ОФИЦИАЛЬНЫМ ВИЗИТОМ

По приглашению Президиума Верховного Совета СССР 18 ноября в Советский Союз с официальным визитом прибыл Президент Итальянской Республики Джованни Леоне с супругой.

На аэродроме, украшенном государственными флагами Итальянской Республики и Советского Союза, Дж. Леоне встречали Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко. Во встрече приняли участие также другие официальные лица.

Вместе с высоким гостем в Москву прибыли министр иностранных дел Италии Мариано Румор, генеральный секретарь МИД Раймондо Манцини, другие официальные лица.

Выступая в тот же день на обеде в честь Президента Итальянской Республики Дж. Леоне, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный отметил, что этот визит — «крупное событие в советско-итальянских отношениях, которое, несомненно, будет способствовать дальнейшему развитию нашего сотрудничества».

НА ЛИНИИ — УЛАН-БАТОР

26 ноября монгольский народ отмечает 51-ю годовщину провозглашения республики. Сейчас в Улан-Батор приходит много поздравительных телеграмм. Их принимает девушка по имени Лянхуацэцэг Зунзагын.

●

Мы познакомились с ней в Москве на Всемирной встрече девушек в октябре этого года. Она телеграфистка на Главном почтамте и вот уже пять лет работает в здании на улице Карла Маркса.

...За широкими окнами шумит Улан-Батор. В адресах телеграмм, которые принимает и отправляет девушка, столицы самых разных государств: Рим, Могадишо, Буэнос-Айрес, Вашингтон. Широки международные связи Монголии!

Линия Улан-Батор — Москва самая загруженная. Быстро бегают по клавишам пальцы. Для участия в международном симпозиуме приглашен ученый из МНР; собираются на гастроли монгольские артисты; успехом на экзамене спешит порадовать родителей студент, обучающийся за рубежом... У Лянхуа учится в Польше подруга, она будет художницей. А теперь надо ждать вестей из Москвы, там осталось много друзей.

Вместе с Лянхуа работает Эрдэнэ — одна из первых выпускниц нового училища, которое готовит работников связи. Их требуется много стране — в каждом аймачном центре есть сейчас телеграф. Эрдэнэ прекрасно освоила сложную технику, какой оснащен главпочтамт,— кстати, сделана она в Советском Союзе.

Лянхуа пришла сюда после десятилетки. Ее наставницей была Бадамханд, которая на телеграфе уже почти тридцать лет и помнит то время, когда новости передавали гонцы на лошадях. В год, когда произошла революция, в Монголии было пять почтово-телеграфных контор. Сейчас телеграмма из столицы за считанные минуты приходит в самый дальний сомон. В каждой юрте теперь радиоприемник. А с помощью станции космической телесвязи «Орбита» можно стать свидетелем мировых событий, не выходя из дома.

По всей стране разъехались одноклассники Лянхуа. Один строит медно-молибденовый комбинат в Эрдэнэте, базу цветной металлургии Монголии. Другой выводит новую породу овец. Третий учит сельских ребятишек русскому языку. О каждом из них знает Лянхуа. Она словно слушает пульс республики.

— Потому я и люблю свою работу,— говорит девушка.— Я радуюсь каждой доброй вести, идет ли речь о трудовой победе шахтеров, или о новой квартире, полученной семьей бывших скотоводов, или о рождении еще одного гражданина МНР.

Вот так выглядит обычно рабочий день Лянхуа. Еще успевает она обсудить общественные дела, побывать на репетиции праздничного концерта — она играет на гитаре. А вечерами дома она открывает учебники: собирается поступать на факультет связи...

Б. ЛАБУТИН
Фото А. Бочинина

щих, работящих людей, но произошла осечка.

Возник вопрос о некоем Ш. По всем данным, опытный специалист, производит впечатление основательности.

Так как формированию бригады придавалось особо серьезное значение, директор завода Павел Борисович Панкратов интересовался каждым ее членом. Узнав о Ш., он сказал Валерию Тарубарову: «Смотри... Он, по-моему, порядочный лентяй». Валерий удивился: с чего у директора такое мнение? Оказывается, Павел Борисович знал Ш. по прежней работе.

Однако Валерий решил попробовать. Не то чтобы перевоспитать этого Ш. — яйца курицу не учат,— а была надежда, что тихий пловец, попав в быстрый поток, отставать от других не станет. Сначала вроде оправдывалась надежда, но вот бригада начала замечать, что товарищ Ш. филонит. Делает все, что положено, но происходит у него это в таком замедленном темпе, как при повторном показе голевых моментов в хоккейных матчах, передающихся по телевидению. Ладно, пока терпели, хотя эта прохладца могла рассматриваться как элементарная нечестность в денежном вопросе: зарплата-то начисляется на всю бригаду в целом и делится между ее членами поровну, независимо от того, кто как работал. Затем Ш. стал постепенно наглеть. Раз пришел на смену с опозданием в три часа. Валерий сделал ему замечание. Ш. оправдывался — наверстаю. А что там наверстывать? Бригада собирает экскаватор, и не будут же они, скажем, дожидаясь Ш., оставлять на его долю навешивание щек на рукоять, потому что после этого надо сразу соединять рукоять и щеки с цилиндром — есть такие операции в процессе сборки. Процесс имеет свою строгую последовательность, наверстывать тут нечего...

А спустя немного времени Ш. явился на работу не в спецовке, а в костюме. «Ты чего не переодеваешься?» — спросили у него. «А не хочется». «Совсем, что ли, сегодня работать не будешь»? «Настроения нет. Вчера отмечали — голова болит. Завтра наверстаю». Но «завтра» уже не было — расстались с Ш.

Это проклятое «наверстаю» шло от тех недавних времен, когда работали «на коленке», когда штурмовали. А бригада была уже не та. Прав оказался Павел Борисович Панкратов — не следовало брать Ш. А насчет идеи воспитания? Ну так, если субъектов вроде Ш. воспитывать до результата — работать времени не останется, только ходи за ними, холь и следи, чтобы не спотыкались.

Другое дело — Гена Булыгин. Он самый молодой в бригаде, только что из армии, а на завод его привел отец, который уже давно работает на экскаваторном. Его тоже надо было воспитывать, но совсем в ином смысле. Гена не имел навыка в обращении с металлом, с такими большими и сложными механизмами, как экскаватор. Он честно хотел научиться и стать вровень с товарищами. Но одним это дается легче, другим труднее. С Геной пришлось повозиться, и ничто не пропало даром...

Пятого члена бригады сосватал начальник цеха Антипов, рекомендациям которого Валерий верит безусловно. Это был Ким Петрович Вахов — именно так, по имени-отчеству, потому что он самый старший у них, ему за сорок. О нем знают, что он первоклассный трубач, играл и в московских джазах. Мог бы, наверное, зарабатывать на хлеб с маслом музыкой — и весело и не пыльно. Но Вахов, кроме того, и первоклассный слесарь-сборщик, настоящий универсал. И если человек, выбирая между карьерой джазового трубача и нелегким трудом на заводе, предпочел последнее — на него можно положиться.

Шестой в бригаде — Борис Ганьков. С ним все было ясно с самого начала, они с Валерием вместе работали на сборке еще до перехода на гидравлический экскаватор, до переформирования. А с седьмым — Владимиром Морозовым — вопрос имел несколько деликатный оттенок. Морозов, когда в цеху существовала еще трехсменная система, был мастером. Потом третью смену упразднили, а с нею и его должность, и Морозова стали перебрасывать с места на место — как говорится, работал на подхвате. И вот приходит он к Валерию и просит взять его в бригаду. Валерий даже растерялся немного: как это вдруг — мастер рядовым слесарем-сборщиком будет... Не по номенклатуре получается, неудобно бы вроде. Валерий сказал: «А как начальство посмотрит? Поговори с Антиповым, с Панкратовым... Если они не против — мы пожалуйста». Начальство было не против...

Пусть не обижается восьмой член бригады, что о нем будет сказано лишь несколько слов. Анатолий Митин пришел в бригаду всего два месяца назад с другого участка. Но коли его взяли — значит, верят, что не подведет.

Шли дни. Отлаживалась и притиралась бригада. Валерий отчетливо сознавал, что они все делают хорошо, на совесть, что они не восемь разрозненных рабочих единиц, а крепко спаянная дружина. Однако он был глава дружины, оценивал изнутри и не мог считать себя беспристрастным. Хотелось знать, как смотрят на них со стороны.

Валерий понял это, когда однажды парень из соседнего цеха остановил его и сказал:

— Если у вас кто уйдет, имей меня в виду. Ладно?

— Ладно,— ответил Валерий, взглянув сквозь толстые стекла очков в массивной темной оправе.

Что еще сказать о Валерии и его товарищах?

В математике существует способ доказательства от противного. Можно также обрисовать характер человека, отметив только отрицательные черты, которых он счастливо лишен, и не расписывая присущих ему положительных. Рассказывая о бригаде Тарубарова, я старался показать только то, от чего она избавилась, а все правильное,— но не из числа той демагогической правильности, которая так мила вышепоименованному Сборщику,— у нее, поверьте, есть. Иначе они не смогли бы собирать по восемь экскаваторов за сутки, а им, между прочим, по силам и десять, если бы не было задержек на конвейере и площадка пошире. Иначе не они бы выступили с призывом к другим добиваться звания бригады отличного качества. Пятилетку они обязались завершить к празднику и завершили.

В общем, создана и действует настоящая бригада, самого современного типа. Она в расцвете сил: средний возраст — меньше тридцати. Она грамотна и культурна: у всех образование не ниже десятилетки, а Морозов учится на четвертом курсе заочного политехнического института. Такую бригаду любой завод страны принял бы к себе с распростертыми объятиями. Только они никуда не пойдут. Они любят свой город, свой завод и свое дело.

К 80-ЛЕТИЮ А. И. МИКОЯНА

ВЕРНЫЙ ЛЕНИНЕЦ

Имя Анастаса Ивановича Микояна хорошо известно в нашей стране и за ее рубежами. Государственный и партийный деятель, Герой Социалистического Труда, он прошел большой жизненный путь, неразрывно связанный с судьбами социалистической Родины, Коммунистической партии Советского Союза.

Анастас Иванович родился 25 ноября 1895 года в одном из древних сел Армении. Он окончил армянскую семинарию, учился в духовной академии. И уже тогда стал заниматься в марксистском кружке. Двадцати лет А. И. Микоян вступил в ленинскую партию, и с тех пор главной его страстью, содержанием всей его жизни стали идеи коммунизма, беззаветная защита интересов партии и народа.

Как известно, империалисты и внутренняя контрреволюция всеми силами пытались свергнуть Советскую власть в России и восстановить господство капитала. Рабоче-крестьянская республика оказалась в огненном кольце фронтов. В чрезвычайно сложных условиях борьбы за власть Советов в Закавказье А. И. Микоян проявил замечательные качества политического бойца, храбрость, самоотверженность. В составе боевой дружины Бакинского комитета большевиков сражался он на улицах города, в марте 1918 года участвовал в ликвидации контрреволюционного мятежа мусаватистов, был ранен, а вскоре как комиссар бригады Красной Армии уже руководил боевыми действиями на фронте. Активное участие принимал А. И. Микоян в проведении первых социалистических преобразований в Закавказье — национализации бакинской промышленности и банков. Он вел руководящую работу в бакинском подполье, входил в состав Бакинской коммуны, возглавляемой С. Г. Шаумяном. Обстоятельства сложились так, что Анастас Иванович чисто случайно избежал гибели от рук английских интервентов и их меньшевистских пособников. А после освобождения из-под ареста — снова подпольная работа в Закавказье, участие в боевых операциях, активная борьба за Советский Азербайджан.

Член подпольного Кавказского краевого комитета партии, А. И. Микоян на лодке переправляется через Каспий в Астрахань, а оттуда в Москву, где в октябре 1919 года он встретился с В. И. Лениным и информировал его о положении в Закавказье. Он вернулся в Баку на головном бронепоезде Красной Армии, прибывшей сюда по зову восставшего азербайджанского народа 1 мая 1920 года. Заслуги А. И. Микояна на фронтах гражданской войны были отмечены орденом Боевого Красного Знамени.

Когда страна перешла к мирному строительству, перед Коммунистической партией встало много сложных проблем. Одержав победу над внешними и внутренними врагами, Советское государство политически окрепло, но в стране царила разруха, назревал экономический и политический кризис, вспыхивали контрреволюционные мятежи. В те дни с особой силой встал вопрос о перспективах и путях построения социализма в Советской России в условиях капиталистического окружения. От решения этого вопроса зависели судьбы социалистической революции. Партия, Ленин указали советскому народу столбовую дорогу к новой жизни. Они вооружили трудящихся научным планом построения социализма, наметили четкие перспективы его выполнения.

В сложных условиях становления Советского государства Анастас Иванович Микоян занимал твердую ленинскую позицию и был активным борцом за генеральный курс партии. Он последовательно отстаивал чистоту ленинского учения и активно участвовал в выработке политики партии и государства. Будучи секретарем Нижегородской партийной организации, секретарем Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б), а затем — Северо-Кавказского краевого комитета партии, А. И. Микоян решительно боролся против всех, кто пытался свернуть партию с ленинского пути, поколебать ее единство. Его выступления на местных партийных собраниях и конференциях, на всесоюзных коммунистических форумах всегда отличались большевистской принципиальностью, творческим подходом к решению поднятых жизнью вопросов, политической и научной обоснованностью.

В декабре 1925 года XIV съезд ВКП(б), членом Президиума которого был А. И. Микоян, принял исторический курс на индустриализацию страны, а вскоре был провозглашен переход к коллективизации сельского хозяйства. Реализация этих решений проходила в ожесточенной борьбе с оппозиционерами и во многом упиралась в проблему накопления. Среди ее источников важное место занимали торговля, кооперация, снабжение. От использования этих мощных экономических рычагов зависели дальнейшие успехи хозяйственного строительства. В 1926 году А. И. Микояна, верного ленинца, назначают наркомом внешней и внутренней торговли, в 1930 году — наркомом снабжения, в 1934-м — наркомом пищевой промышленности СССР. На этих постах А. И. Микоян полностью оправдал доверие партии. Он проявил себя руководителем ленинской школы, талантливым организатором, принципиальным коммунистом. Неукоснительно оберегая ленинский принцип монополии внешней торговли, он многое сделал для достижения полной экономической независимости СССР.

С 1937 по 1964 год Анастас Иванович Микоян был заместителем председателя Совета Народных Комиссаров, затем — Совета Министров СССР (с 1955 года — первым заместителем главы Советского правительства). Вместе с тем многие годы он по совместительству был наркомом, а затем министром внешней торговли СССР и внутренней торговли СССР. Его государственную деятельность всегда отличала связь с широкими трудящимися массами, служение интересам партии и народа, огромная работоспособность.

Неутомимо работал А. И. Микоян в годы Великой Отечественной войны. Он входил в состав Государственного Комитета Обороны (ГКО), отвечал за производство продовольствия, горючего и вещевого имущества для Красной Армии. Как член Политбюро ЦК ВКП(б) и заместитель председателя СНК СССР осуществлял общее руководство обеспечением Ленинграда продовольствием в период легендарной блокады, энергично организовывал доставку продуктов в осажденный город.

Анастас Иванович пользуется высоким доверием партии и советского народа. Начиная с X съезда РКП(б) он был делегатом всех съездов партии. С 1922 года по настоящее время А. И. Микоян входит в состав ЦК КПСС. В 1926 году его избрали кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б), в 1935 году — членом Политбюро ЦК ВКП(б), а в 1952—1966 годах он был членом Президиума ЦК КПСС. Трудящиеся страны избирали его членом ВЦИК РСФСР и ЦИК СССР, депутатом Верховного Совета СССР восьми созывов. В 1964—1965 годах А. И. Микоян возглавлял верховный орган Советской власти — Президиум Верховного Совета СССР, с 1965 по 1974 год был членом Президиума Верховного Совета СССР.

А. И. Микоян уделял большое внимание претворению в жизнь ленинской национальной политики, вопросам государственного строительства, развитию советской демократии, совершенствованию деятельности Советов. Анастас Иванович много раз выезжал за рубеж. Он достойно представлял Коммунистическую партию Советского Союза и Советское государство, способствовал укреплению мирового престижа нашей Родины, уз дружбы и сотрудничества с зарубежными странами.

В последние годы А. И. Микоян ведет большую литературную работу. Он автор многих работ по вопросам советской экономики и политики партии. К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина вышла в свет его книга «Мысли и воспоминания о Ленине», к полувековому юбилею СССР — брошюра «Советскому Союзу пятьдесят лет», в 1971 году — первая книга воспоминаний, «Дорогой борьбы», в 1975 году — вторая, «В начале двадцатых...». Автор рассказывает о многих событиях из жизни партии, о встречах с В. И. Лениным, о его роли в решении национального вопроса, в борьбе за единство партии, о замечательных революционерах, вместе с которыми А. И. Микоян боролся под знаменем Коммунистической партии.

За заслуги перед Коммунистической партией и Советским государством А. И. Микоян награжден пятью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, орденом Красного Знамени, медалями.

И сейчас, в день 80-летия Анастаса Ивановича Микояна, советские люди сердечно поздравляют юбиляра, желают ему больших творческих успехов, крепкого здоровья и счастья.

И. ДОНКОВ,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник ИМЛ при ЦК КПСС

С НАРОДОМ ЧИЛИ ПРОТИВ ФАШИЗМА!

Четыре дня, с тринадцатого по шестнадцатое ноября, проходила в Афинах Международная конференция солидарности с народом Чили. На стадионе Панионнос, в Высшей школе политических наук Пангиос, в культурном центре, муниципалитете — везде, где проходили заседания конференции, они становились волнующими манифестациями поддержки мужественной борьбы чилийских демократов, выливались в гневное осуждение ненавистной чилийской клики и ее покровителей, в страстный призыв к укреплению всемирного движения солидарности с Чили.

Несколько сот участников из более чем восьмидесяти стран мира, посланцы десятков национальных и международных организаций съехались на конференцию в Афины. Здесь были представители политических партий, члены правительств, руководители профсоюзов и деятели культуры, представители женских и молодежных организаций, священники. «Мы приехали из Америки, Европы, Азии, Африки, Австралии,— говорится в послании к чилийскому народу, принятом делегатами конференции,— чтобы выразить нашу солидарность с чилийским народом».

Солидарность! Это слово стало лозунгом конференции, проходившей под девизом: «С народом Чили против фашизма!». Оно присутствовало во всех выступлениях, во всех документах афинского форума.

— Нынешняя конференция является крупнейшей совместной акцией солидарности общественных и политических сил с народом Чили, с чилийскими патриотами и демократами, ведущими мужественную борьбу против фашистской диктатуры, за возвращение своей родины на демократический путь развития,— сказал руководитель делегации советских общественных организаций, председатель Советского комитета солидарности с чилийскими демократами, секретарь ВЦСПС С. А. Шалаев.

— Мы не случайно собрались здесь — в этой стране, в этом городе,— заявил на открытии пленарного заседания конференции министр иностранных дел Чили в правительстве Народного единства Клодомиро Альмейда.— В этом заключен особый смысл. Народ этой страны имел тот же трагический опыт, что и народ Чили. Как и в Чили, военная хунта в Греции силой оружия захватила власть, но народ продолжал бороться, как борется сейчас народ Чили. Народ Греции победил — победит и народ Чили!

Гневным осуждением фашизма прозвучало выступление председателя Международной комиссии по расследованию преступлений военной хунты в Чили Х. Франка. Глубокой уверенностью в конечной победе справедливого дела чилийских демократов, в неизбежности краха фашистского режима были наполнены единогласно принятые заключительные документы: воззвание к народам мира, послание к чилийскому народу, обращение к председателю Генеральной Ассамблеи ООН, программа дальнейших действий движения солидарности с народом Чили. Эти документы требуют прекратить кровавый террор и преследования демократов Чили, освободить всех политических заключенных, не допустить судебной расправы над Л. Корваланом и другими выдающимися деятелями Народного единства, над верными сынами чилийского народа.

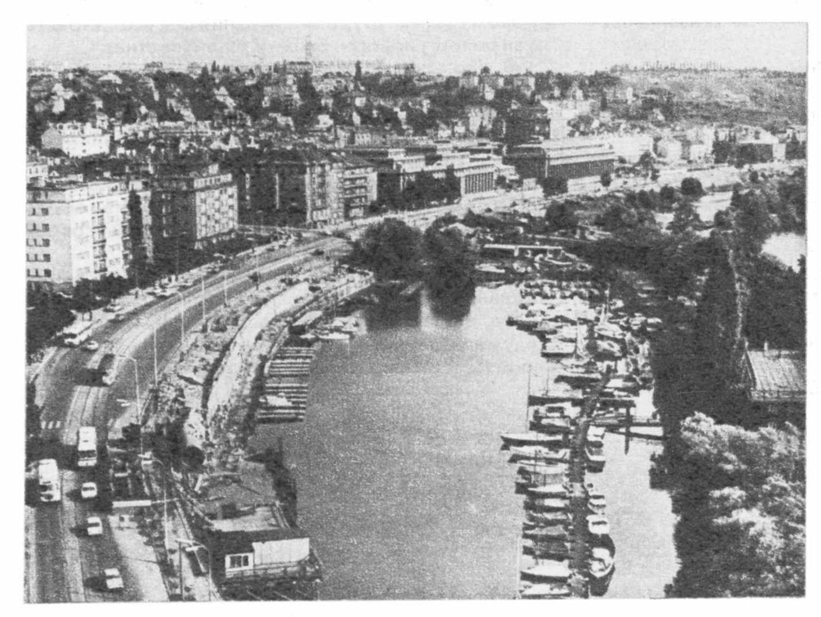
В зале заседания конференции. Телефото ТАСС

Делегаты конференции призвали еще прочнее крепить единство всемирного движения солидарности с народом Чили. Борьба с коричневой чумой, говорили участники форума, это задача интернациональная, ибо фашистская идеология и политика всегда были и остаются прямой угрозой для мира и прогресса во всем мире.

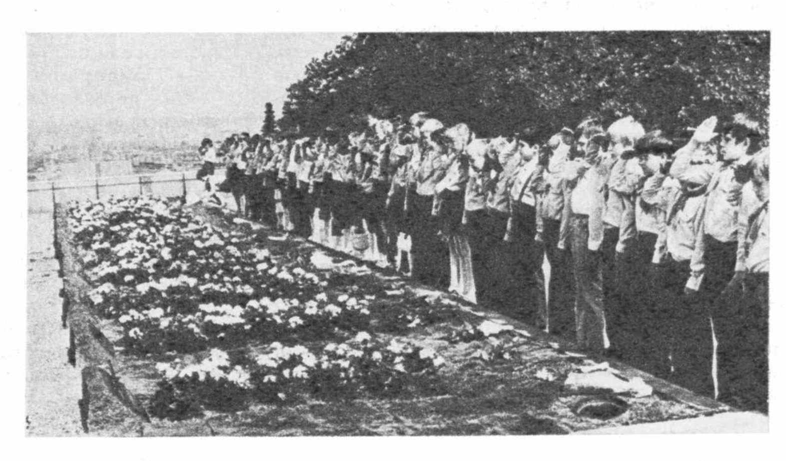
В. ДРОБКОВ

Афины
(по телефону)

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Над столицей занимается утро.

Пионерский салют у памятника советским воинам.

Погожим солнечным днем я поднялся по истертым каменным ступеням на Карлов мост. Руки привычно вскинули к глазам фотоаппарат. Приникнув к видоискателю, залюбовался — в который уж раз! — открывшейся панорамой красавицы Праги. Я хорошо знаю ее и другие города Чехословакии. Но всегда, приезжая сюда, испытываю радостное чувство узнавания знакомых мест и встречи с новым, с тем, что появилось за время твоего отсутствия.

В Праге состоялась выставка моих фотографий, воскресившая в памяти годы нашей совместной борьбы с фашизмом.

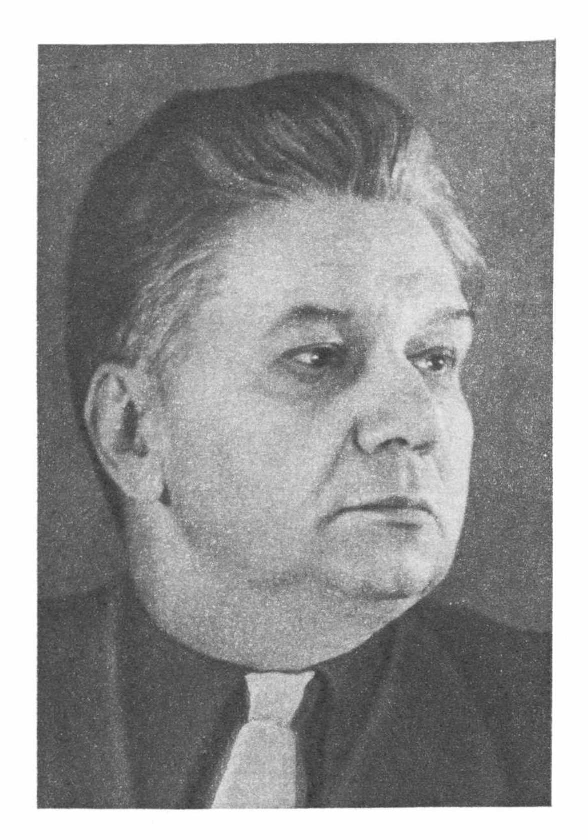
...Осень сорок четвертого. Я был тогда военным корреспондентом «Правды» на Первом Украинском фронте, где сражался чехословацкий корпус под командованием Людвика Свободы. Помню, как фотографировал чехословацких воинов, помню упорные и жестокие бои в горах и день 6 октября 1944 года, когда мы вышли на государственную границу Чехословакии.

Прошло тридцать лет. И снова я ощутил горячие объятия чехословацких друзей.

Александр УСТИНОВ.

Рождается знаменитый хрусталь.

Выходец из крестьянской семьи, уроженец донского края, Николай Стукалов, перебравшийся с матерью и сестренками в Ростов, где работал сначала «мальчиком» в мануфактурном магазине, затем слесарем и разносчиком газет, рано начинает писать стихи. Но жизнь, окружающая действительность дает мало вдохновения для возвышенных любовных «рондолетов». В 1916 году он пишет первый свой фельетон о запущенности бедняцких окраин Ростова и отправляет в юмористический журнал «Сатирикон». «Не смейтесь надо мной, платить мне не надо»,— просил автор и вскоре читал ответ: «И смеяться не над чем и платить не за что».

В октябре 1917-го он вступает в Красную гвардию, позже он секретарь ревтрибунала по борьбе с кулаками. Но мысль о работе в печати не покидает его. В 1920 году в ростовской газете «Донская беднота» появилась заметка за подписью «Ник. Погодин» — и уже этому имени суждено было прозвучать мощно и широко. Молодого репортера и фельетониста охотно печатают в газетах Ростова «Трудовая жизнь», «Трудовой Дон», «Молот». После появления в 1922 году первой корреспонденции Погодина в «Правде» он получает от М. И. Ульяновой, в то время секретаря редакции, приглашение работать в «Правде».

Близко знавшие драматурга утверждают, что мысль писать пьесы пришла к Погодину, когда он увидел в Ростове на афише фамилию товарища («Володька написал — и я напишу»). Но есть и другие свидетельства. Страстный обличитель мещанства и пошлости, талантливый журналист Погодин не мог стоять в стороне, когда театры «кормили» зрителей пьесками игривого, фривольного содержания. И когда в ответ на критику он услышал: мол, критиковать легко, написали бы сами, то сказал весьма серьезно:

— Придет время, напишем...

Он сдержал слово. Вслед за «Темпом» появились «Поэма о топоре», «Мой друг», «После бала», «Аристократы»...

Н. Охлопков говорил, что с погодинскими пьесами на сцене утвердился «ненадуманный тип» героя. В драматургию пришел человек, видевший и знавший реальную жизнь. Актеры обожали «погодинские диалоги» — в них всегда было возможно раскрыть свое дарование. Многие пьесы Погодина стали поистине сценическим триумфом блистательных мастеров театра — М. Астангова, М. Бабановой, Дм. Орлова, Л. Свердлина, Е. Самойлова, Б. Ливанова, А. Грибова, М. Штрауха, Б. Щукина, Б. Смирнова...

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ НИКОЛАЯ ПОГОДИНА

ПОДВИГ ДРАМАТУРГА

Часто после премьеры он говорил: «Конец. Больше пьес не пишу. Надоело. Одна трепка нервов». А сам писал следующую, не мог не писать. Он не был бы Погодиным, каким его знали, если бы повседневно и ежечасно не влекло его, страстного публициста («В душе я газетчик»,— не раз признавался он), стремление отразить на сцене современные социальные процессы, показать характеры реально существующих людей.

Николай Погодин принес в нашу драматургию героику трудовых будней первой пятилетки. С Погодиным пришел на сцену рабочий класс, жизнь которого он, корреспондент «Правды», объездивший всю страну, знал не по книгам.

К тому лету 1929 года, когда в скромном домике под Москвой он писал свою первую пьесу «Темп», вскоре принятую театрами, поверившими в него сразу и навсегда, он успел пройти немалый путь познания и осмысления жизни, имел большой опыт журналистской работы...

Настоящим подвигом писателя можно назвать его обращение к ленинской теме, образу вождя революции. Внимание драматурга к ленинской теме логично и закономерно — его влекла мысль показать средоточие и истоки революционных идей, перевернувших старую Россию. 13 ноября 1937 года вошло в историю театра и советской драматургии как день особо памятный — в Театре имени Евг. Вахтангова состоялась премьера пьесы «Человек с ружьем» с Б. Щукиным в роли Ленина.

Драматическая трилогия — «Человек с ружьем», «Кремлевские куранты», «Третья патетическая» — стала вершиной в творчестве Погодина.

«Кремлевские куранты» с успехом были показаны МХАТом в Лондоне, Париже, Нью-Йорке. Б. Смирнов, исполнявший роль Ленина, вспоминает о том неподдельном интересе, какой проявляли зарубежные зрители к пьесе об основателе нашей партии и государства. О драматургии Погодина высоко отзывались Бертольт Брехт и Мартин Андерсен-Нексе.

В 1959 году Н. Ф. Погодин удостоился высшей награды — Ленинской премии.

Всего им было написано сорок пьес и повесть «Янтарное ожерелье» («Томлюсь прозой»,— как-то сказал он), масса статей, рецензий, очерков. В жизни Погодина случались и творческие неудачи. Но он умел прятать свое огорчение от окружающих. Был искренним, непосредственным и признавался, что ему одинаково дороги как пьесы, снискавшие известность, так и не нашедшие долгой сценической жизни («Иные родители детей неудачливых любят больше, чем благополучных»).

Он очень любил сцену, театр, всячески пропагандировал искусство актера. Редактируя в течение семи лет журнал «Театр», он сделал его интересным, массовым в полном смысле слова. Это он, Погодин, настоял, чтобы в журнале регулярно печатались пьесы. Когда же он читал перед актерами собственные драмы, то, по признанию многих, слышавших его, он словно проигрывал каждую роль, помогая исполнителям видеть каждого персонажа.

В жизни он был человеком разносторонних интересов (очень любил музыку, интересовался новинками радиотехники), но самый пристальный интерес он питал к людям, ко всему новому в их труде и исканиях — его страсть узнавания нового была общеизвестна.

В его пьесах всегда точно было отражено Время. «Не отставать от жизни» — это было кредо драматурга, написавшего пьесу «Цветы живые» — о первых бригадах коммунистического труда. Последний год своей жизни он работал над трагедией «Альберт Эйнштейн», стремясь по-своему глубоко осветить образ одного из примечательнейших людей современности.

Его всегда привлекали характеры могучие, цельные, натуры незаурядные, оставившие след в истории человечества. Таким ищущим, вдумчивым художником предстает он в своих книгах, статьях, пьесах, кинофильмах.

Ю. НОВИКОВ

ФРАНЦИЯ. САЛОН 1974—1975

В Москве, в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, открылась выставка «Живопись современных французских художников. Салон 1974—1975».

На снимке: директор музея изобразительных искусств И. А. Антонова и президент Общества французских художников Жорж Шейссьял у его картины «И все началось сначала».

Фото А. Награльяна.

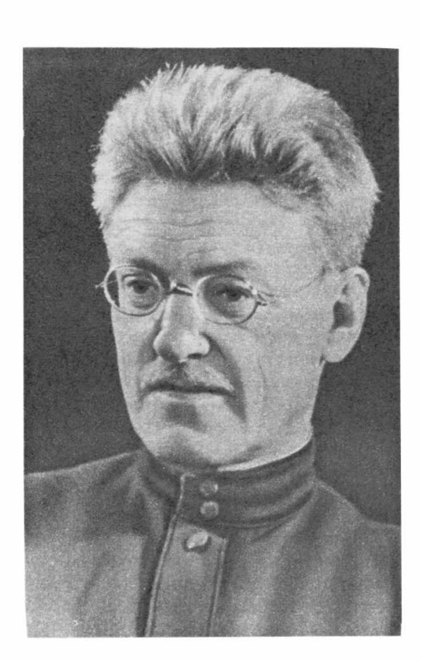
А. Лысенко. Род. 1916. ПОБЕДА. 1945-й ГОД. 1970—1975.

Б. Рыбченков. Род. 1899. МОСКВА—КРЕМЛЬ. 1974.

НА КУТУЗОВСКОМ ПРОСПЕКТЕ. 1974.

Виталий ЗАКРУТКИН

САД

Рисунок П. Караченцова.

...И снова все были на берегу Дона. Как и прошлой весной, мужчины постарше степенно сидели на бревнах, на опрокинутых вверх днищем лодках, а кто и просто на корточках. Женщины и девушки, как это спокон веков было заведено в станице, не садились в присутствии мужчин — стояли, лузгали семечки, говорили о домашних делах,— но взгляды их были устремлены к реке, по которой с гулом и грохотом неслись ноздреватые, свинцового оттенка льдины. По самой кромке берега с криком, с радостным смехом гоняли мальчишки. За рекой, в еще прозрачном, не одевшемся листвой лесу деловито хлопотали грачи.

На песке, под береговым обрывом, ловко орудуя черным, горячим квачом и паяльной лампой, уже смолил свою верткую кайку неугомонный Егор Иванович Ежевикин. Ему помогал такой же заядлый рыбак, его племянник Мишка Бендерсков.

Андрей подошел к Егору Ивановичу, поздоровался.

— Браконьеры готовятся первыми? — усмехаясь, сказал он.

Однако Егор Иванович не принял его шутки, вытер потный лоб рукавом телогрейки.

— Это ты напрасно, дорогой агроном. Браконьером я никогда не был и не люблю этого баловства, а посидеть с удочкой в кайке сызмальства привык, особливо попервости, когда последний ледок еще плывет, не растаял.

Мишка Бендерсков незаметно подмигнул Андрею: заливает, дескать, дядя Егор, при случае он и сетчонку поставит и перемет забросит.

— Я пошутил,— сказал Андрей,— не обижайся, чемпион дятловских рыбаков...

Весь день на берегу толклись люди: одни приходили, другие, особенно женщины, уходили, управлялись по хозяйству и снова возвращались. Тяжелые льдины плыли и плыли, с грохотом раскалывались, наплывая и громоздясь одна на другую, скапливались на крутой излучине, образуя торосистое ледяное поле. Но непрерывная работа воды, неодолимое стремление реки туда, в низовья, где ее принимало море, делали свое дело. Река шумела, пенилась, с неодолимой силой и яростью поднимала огромные льдины на дыбы, переворачивала их исподом вверх. Над перевернутыми льдинами кружились стаи голодных каркающих ворон...

Егор Иванович присел на просохший бок лодки, закурил.

— Нонешней весной будет большая вода,— сказал он,— в верховьях много снега, под Воронежем, говорят, наворочены цельные горы. Значит, водичка зальет все наше займище, наполнит озера. Хор-ро-шо!

Он посмотрел на Андрея, хитровато ухмыльнулся.

— А ты, Митрич, за сад не боишься? Не думаешь, что яблони наши могут поплыть аж в Азов?

— Не думаю,— сказал Андрей.— Со стороны Донца сад обвалован, а донская вода, даже самая высокая, до сада не доберется.

Егор Иванович покачал головой:

— Гляди не прогадай, Андрей Митрич! Насчет водички у меня свои приметы есть. Я тебе прямо говорю: разлив будет сурьезный...

Он не ошибся.

Весенние дни шли обычной чередой, и вначале ничто как будто не предвещало беды. Светило солнце, на займище проклюнулись нежно-зеленые стрелки ранних трав, с юга одна за другой летели стаи уток, казарок, больших и малых куликов. Лес на ближнем острове был наполнен верещанием вьющих гнезда птиц. Андрей каждое утро спешил побывать в саду. Ходить туда пешком было трудно, на проселках, особенно по низинам, еще держалась густая грязь, поэтому он с рассветом бежал в конюшню, седлал закрепленного за ним Орлика, ехал в сад.

Андрей полюбил эти утренние поездки. Сытый, караковой масти жеребец, екая селезенкой, шел легкой, машистой рысью. Отражая зарю, розово светились озера. На их поросших камышом берегах крякали утки, на невысоких курганах разгуливали важные дудаки, и все вокруг, как всегда бывает весной, было свежим, радостным, бодрящим. Вдыхая запахи влажной земли, воды, первой зелени, конского пота, Андрей думал о том, как все это хорошо и как важно и правильно то, что он, агроном Ставров, вместе с другими людьми работает на этой доброй, теплой земле, что высаженный им сад через два-три года поднимется, станет взрослым, и каждое дерево широко раскинет ветви, будет плодоносить и щедро отдавать людям за их заботы и нелегкий труд...

В это утро Андрей, как всегда, подъехал к деревянному дому-сторожке, в котором с весны хозяйничал Егор Иванович Ежевикин. Тот уже сидел над костром, ладил железную треногу с котелком. Отворачиваясь от дыма, он снял потертый лисий треух, помахал Андрею:

— Здорово, товарищ агроном!

— С добрым утром,— приветливо ответил Андрей.

— Зараз мы сварим ушицу, трошки сгоним оскому,— сказал Егор Иванович.— Попались мне на крючки лещики и один добрый-таки сазанчик.

Присев на опрокинутый ящик, Андрей закурил и стал следить за тем, как ловко управлялся Егор Иванович с выловленной в Дону рыбой, как аккуратно чистил ее острым самодельным ножом (фабричных ножей Егор не признавал, он мастерил их из полотна стальной пилы), как доставал из видавшего виды брезентового охотничьего мешка разные приправы, ополаскивал в ведре с чистой речной водой, опускал в котел и при этом приговаривал:

— Сперва положим картошечку с укропчиком... укропчик даст ушице добрый дух. Он хотя и сухой, прошлогодний, а запах свой держит. Теперь опустим туда рыбку, травку с кислинкой, почистим лук и разделим его на две половины, одну покладем зараз, а другую опосля того, как уха прокипит, чтобы лучок остроту не потерял. Теперь посолим, перчика ей поддадим.

Перед тем как снять котел с треноги, Егор Иванович достал из мешка бутылку, заткнутую очищенным от зерен кукурузным початком.

— Уха, которая по-казачьи сдобрена горьким перчиком, без запива не пойдет,— сказал он, посмеиваясь.

— Это что? Вино?— спросил Андрей, поглядывая на мутноватую жидкость в бутылке.

— Кто ж из истинных казаков задержит вино до весны?— укоризненно проговорил Егор Иванович.— В бутылочке у меня святая водичка из яблок да из поздних слив, сотворенная с прибавкой сахара. Водичка, к слову сказать, прочищает мозги и сничтожает перхоть.

Балагуря, Егор Иванович наполнил горячей ухой большую миску, достал пару деревянных ложек, разлил самогон в граненые стаканы, чокнулся с Андреем.

— Изыди, все хмельное, останься, лимонад,— торжественно крестя стакан, сказал он и проглотил самогон одним глотком.

Когда острая, пропахшая дымком уха была съедена, Андрей поднялся и сказал:

— Спасибо, уха прямо-таки царская, давно такой не ел. Ну, а теперь, Егор Иванович, подбрось-ка жеребцу сенца, и давай походим с тобой по саду, потом защитный вал осмотрим.

Они медленно пошли по междурядьям, всматриваясь в каждое деревцо. Тонкие, но уже окрепшие стволики были давно побелены и, казалось, светились под лучами утреннего солнца. Набухшие соками почки распускались, на ранних сортах глянцево блестели нежные листья.

И тем горше стало на душе, когда подошли они к берегу Донца. Вода в реке поднялась почти до самой кромки обрывистого берега. Видно было по всему, что скоро, может, через несколько дней, река выйдет из берегов и ее мутные потоки подберутся прямехонько к неширокому земляному валу, который защищал молодой сад от возможных наводнений.

...Андрей потом надолго запомнил эти три весенних дня. В Дятловскую, пришпоривая Орлика, он мчался как угорелый и думал об одном: «Пропал сад... деревца захлебнутся в воде, они же как малые дети... Надо спасать их,

---

Главы из третьей книги романа В. Закруткина «Сотворение мира». Полностью книга публикуется в журнале «Октябрь».

надо уговаривать людей, ведь это все для них... для всех...»

В станицу он прискакал потный, разгоряченный, разыскал Ермолаева, Младенова, Фетисова. По приказу Ермолаева больше ста рабочих наутро были отозваны с огородов, парников, коровников. Володя Фетисов бегал по дворам, беседовал со стариками-пенсионерами, уговорил учителей, чтобы они пришли в сад и привели учеников старших классов. К вечеру из районной МТС прислали старый, разболтанный грейдер. К нему сразу же приставили двух трактористов, чтобы за ночь отремонтировать видавшую виды машину. Вся Дятловская гудела, как потревоженный улей. С вечера станичники готовили совковые и штыковые лопаты, сапки, грабли, женщины загодя укладывали в корзины харчи, а рано утром все потянулись к саду.

Возле Донца люди постояли, осматриваясь. Река уже вышла из берегов. По неприметным низинкам вода мелкими, на первый взгляд совсем не опасными лужицами потекла в сторону сада, туда, где в сотне метров от берега слабо зеленел первый ряд стройных деревцев.

— Милые вы наши,— ласково запричитали сердобольные старухи.— Стоят и не ведают, какая беда на них идет...

— А яблоньки славные, одна в одну...

— Как же не пожалеть такую красу?

— Известное дело, надо помощь им оказать...

В четырех местах, там, где было пониже, вода уже приблизилась к невысокому земляному валу, стала кое-где подмывать поросший редкой травой откос.

Вдоль вала начали забивать остро обрубленные колья, натягивать на них шнур.

— Там, где шнур натянут, начинайте копать канаву,— громко говорил Андрей,— чем глубже будет канава, тем лучше. Землю отбрасывайте в сторону вала, ее подберет грейдер. Будем укреплять вал, пророем канаву до того мысочка, отведем донецкую воду в Дон...

Трассу, по которой должна была пройти отводящая воду канава, проложил трактор с плугом. Следом за трактором потянулась темная борозда. К ней, не мешкая, кинулись люди, замелькали лопаты, сапки. Кое-кто вытаскивал влажную землю ведрами.

Среди школьников Андрей мельком увидел Наташу. В неудобных больших калошах, которые поминутно спадали с ее маленьких ног, с выбившимися из-под материнского платка растрепанными косичками она, согнувшись, тащила наполненное землей ведро.

— Ты что? Надорваться хочешь?— сердито закричал Андрей.— Ну-ка брось ведро и возьми сапку!

Наташа остановилась, испуганно посмотрела на Андрея. Ей хотелось сказать, что ведро не тяжелое, она даже шагнула навстречу Андрею, но споткнулась и упала на колени, потеряв калоши. Девчонки засмеялись. Андрей подошел, взял опрокинутое ведро, помог Наташе подняться и увидел в ее глазах слезы.

— Дурочка,— мягко сказал он,— разве так можно? Иди помой руки и работай сапкой или лопатой.

— Я же хотела как лучше,— всхлипывая, прошептала Наташа,— мне сад жалко.

— Ладно, ладно, я понимаю,— улыбаясь, сказал Андрей.— Ты молодец, Таша, но ведра с землей больше не таскай.

Он выбрал большую совковую лопату, поплевал на ладони и стал выбрасывать из канавы землю. Трактор с плугом уходил все дальше, вдоль борозды появлялось все больше людей, они работали молча, стараясь не отстать от соседей. Солнце поднялось выше, стало жарко. Глаза Андрея заливал соленый пот, ладони горели, но ему стыдно было бросить лопату и хоть немного отдохнуть. Он с затаенным страхом посматривал в сторону реки, на далекий противоположный берег, слушал тревожные крики грачей над полузатопленным лесом и думал: «Неужто не успеем, неужто не справимся и сад пропадет? Нет, нет, не может быть. Надо только не останавливаться, работать быстрее». Во рту у него пересохло, он часто сплевывал горькую, тягучую слюну, ему казалось, что силы вот-вот оставят его и он уронит лопату и рухнет на влажную, холодную землю.

Сколько времени прошло, Андрей не знал. Углубляя канаву, люди подвигались все дальше, но до поросшего старыми тополями мыса, где сливались две реки, было еще далеко. Мимо Андрея, толкая перед собой тачки с землей, проходили мужчины, усталые женщины с ведрами, а он, стиснув зубы, сипло дыша, выбрасывал и выбрасывал из канавы землю, и, казалось, ей не будет конца.

Как во сне, услышал он голос Наташи.

— Андрей Дмитриевич, люди проголодались. Вас зовет дядя Егор. Пойдемте обедать.

Она с жалостью смотрела на его потное, исполосованное пылью лицо, подошла ближе, тихо повторила:

— Пойдемте обедать. Давайте лопату, дядя Егор ждет...

Наташа подала Андрею мыло, стала из кружки сливать ему на руки воду, сняла с плеча чистое полотенце.

— Спасибо, Таша,— сказал Андрей.— Сразу легче стало, как гора с плеч свалилась.

На сухом взлобке невысокого кургана, расстелив брезент, сидели Ермолаев, агроном Младенов, Егор Иванович, Володя Фетисов. На откосе земляного вала, на поваленных бревнах, а то и просто на земле рассаживались смертельно уставшие дятловцы. Женщины доставали из корзин куски сала, бутылки с молоком, вареный картофель. Несмотря на усталость, Андрей радовался тому, что станичники сразу откликнулись на его просьбу помочь саду.

— Ежели денька три так поработаем, сад останется целым,— утешил его директор совхоза Ермолаев.

Пообедали быстро, не задерживаясь. И опять замелькали в руках у людей лопаты, ведра, заскрежетали нагруженные землей тачки. Высоченный тракторист Филя, которого все в станице называли Полтора Километра, согнувшись в тесной для его гигантского роста кабине грейдера, стал подбирать выброшенную из канавы землю, оттаскивал ее к валу и там разравнивал.

Андрей снова взялся за свою совковую лопату. Солнце уже пригревало вовсю — он снял пиджак и расстегнул воротник сорочки. С каждым взмахом лопата становилась все тяжелее, но, поглядывая на беззащитные деревца, боясь того, что люди не успеют преградить путь губительной воде, он упрямо выбрасывал из канавы землю, дышал, как запаленный конь, но работу не оставлял.

Работавшие поблизости женщины, не выдержав, заговорили о нем:

— А молодой агроном, видать, настырный парень.

— Не иначе в деревне возрастал.

— Мокрый весь, будто его искупали, а отдохнуть стыдится.

— Ничего, такой сдюжает, порядок наведет.

Языкастая Панка Бендерскова, смазливая бабенка, от которой сбежали два мужа, игриво проворковала:

— Чегой-то он все один да один, жинка толечко разок показалась в станице и кудысь умотала. Может, приголубить его? Жалко такого мужика, даром добро пропадает.

— Нишкни, шалава, еще услышит,— оборвал ее кто-то.

И Андрей, медленно подвигаясь по канаве, выбрасывая лопатой землю, думал о Еле, о Димке, и зло его разбирало... Вспомнилась последняя его поездка в город. То, как торопился он утрясти совхозные дела в городских учреждениях, чтобы поскорее попасть домой. Но радость его приутихла уже на пороге... Когда вошел он, худой, обветренный, с исцарапанными руками, весь пропахший табаком, Еля вместо того, чтобы кинуться к мужу, обнять... только руками всплеснула:

— Поглядите, на кого он похож! Чучело чучелом! Я уверена, что Димка тебя не узнает.

Андрей сам поцеловал Елю, поздоровался с тещей, устало опустился на стул. Четырехлетний Димка вбежал в комнату, на секунду остановился, разглядывая Андрея, потом кинулся к нему с криком:

— Папка приехал!

Подхватив сына на колени, Андрей прижал его к груди, стал целовать белобрысую голову, волнуясь, вдохнул ребячий запах волос. Пока Еля с матерью накрывали на стол, а Платон Иванович, придя с работы, переодевался, Андрей с Димкой на руках бродил по комнатам, осматривая квартиру тестя. Квартира оказалась просторной, светлой. Здесь все было чисто, все, как всегда, выглажено, каждый стул стоял на своем месте. Неутомимые руки Марфы Васильевны делали свое дело. Только в большой солнечной комнате, где жили Еля с Димкой, царил ералаш. По всему полу были разбросаны игрушки, посреди комнаты красовался велосипед с отломанным колесом.

— Не парень, а прямо-таки башибузук растет,— ласково ущипнув Димку, сказал Платон Иванович.— Но это лучше, чем быть размазней...

Еля вышла к столу в клетчатом платье — его очень любил Андрей,— тщательно причесанная. Губы она упрямо продолжала красить, хотя давно знала, что мужу это не нравится. За обедом, заметив, что Андрей часто поглядывает на часы, Еля обидчиво нахмурилась.

— Куда ты так спешишь?

— Боюсь опоздать на пароход,— сказал Андрей.

Он был неразговорчив и печален, ел плохо, много курил. Здесь, в этой чистой, светлой квартире, окруженный близкими ему людьми, он вдруг почувствовал, что между ним и женой теряется, исчезает что-то очень важное. Он еще не знал и не мог понять, в чем заключается это важное и что его напугало, но на какое-то мгновение ему показалось, что он здесь лишний, что с каждой встречей они с женой все больше удаляются друг от друга.

Закурив, он тихо спросил:

— Что ж ты, Елка, думаешь делать дальше?

Марфа Васильевна и Платон Иванович тревожно переглянулись.

Тряхнув волосами, Еля повертела вилку.

— Думаю идти работать.

— Куда?

— Мне предложили уроки музыки в школе,— сказала Еля.— Это близко отсюда и для меня очень удобно.

— А до меня не близко и, значит, не очень удобно тебе...— усмешка покривила губы Андрея.

— Я знала, что ты заведешь об этом разговор,— сказала Еля.— Но неужели тебе непонятна самая простая логика?

— Самая простая логика такова: если женщина замужем, она должна быть там, где живет ее муж,— не удержался, возвысил голос Андрей.— А у нас с тобой что получается?

— Я не хочу сидеть на твоей шее и превращаться в домашнюю хозяйку. Кто ж виноват в том, что тебя загнали в такую дыру, где нет даже самого захудалого клуба?

По выражению потемневших Елиных глаз Андрей понял, что она злится. И сразу же присмирел, испуганно распахнул глазенки Димка. Андрею стало стыдно за свою несдержанность.

Марфа Васильевна примирительно коснулась руки Андрея, заговорила ласково, как говорят с капризным ребенком:

— Ты зря обижаешься, Андрюша. У тебя там у самого чужой потолок над головой, живешь в захудалой хибарке, и ничего у вас в Дятловской нет своего: ни кровати, ни стола, ни стула. Как рассказала нам Еля, в станице даже пекарни нет, каждый печет хлеб дома. Зачем же тащить туда жену прежде времени? Где она будет работать? Кому там нужна е е музыка? Да и с дитем что вы будете делать?

— Я, конечно, в ваши дела не вмешиваюсь,— со свойственной ему деликатностью счел нужным оговориться Платон Иванович,— но и мне кажется, что торопиться тут не следует. Надо полагать, что совхоз построит жилье, пекарню, все, что положено для нормальной жизни, тогда и семью можно забирать. А тем временем Еля пусть поработает здесь, да и ребенок подрастет, окрепнет...

Андрею нравился тесть. Человек простой, незлобивый, Платон Иванович по-своему жалел дочь. Ему не хотелось, чтобы Еля с Димкой уехали в Дятловскую, где, конечно, все неустроено, все надо начинать на пустом месте. Андрей понимал состояние Платона Ивановича, и ему сейчас стало неловко. Не знал он только того, что еще до его приезда Платон Иванович, скрывая это от дочери, не без тревоги говорил Марфе Васильевне о том, что при Елином характере ее надо пока удержать от отъезда в Дятловскую, потому что ничего хорошего из этого не получится и что из-за неустроенности деревенской жизни она будет ссориться с мужем.

— Согласен ты со мной, дорогой зять?— спросил Платон Иванович.— Подождем немного, или пусть Еля собирается?

— Думаю, что ей надо решить это самой,— сказал он тогда.

Вернувшись в Дятловскую, Андрей много раз спрашивал у Ермолаева, когда в конце концов начнут строить совхозные дома для специалистов, но тот ничего утешительного не мог ему сказать, ссылаясь то на нехватку денег, то на отсутствие строительных материалов. Впрочем, чем дальше шло время, тем больше Андрей убеждался в том, что даже при наличии квартиры Еля вряд ли откажется от города. Она, если судить по ее редким письмам, привязалась к школе, в которой преподавала музыку, была довольна тем, что Димка хорошо учится, и ни разу не упомянула о возможности ее переезда в Дятловскую...

Солнце уже было на закате, когда к Андрею подошел секретарь парткома Володя Фетисов и сказал, отдуваясь:

— Пожалуй, хватит, Андрей Дмитриевич, народ уморился. Школьники, так те прямо на ногах не держатся. Надо отпускать людей домой, иначе завтра никто не придет.

— Школьников можно отпустить,— сказал Андрей,— а мы чего будем бросать так рано?

— Женщины начали ворчать, ведь их ждут коровы, свиньи и прочая живность,— продолжал настаивать Фетисов,— нельзя заставлять людей работать до одурения. Так мы сами себе навредим.

Андрей вздохнул, сказал, как будто оправдывался:

— Я не поеду, останусь тут и жеребца своего оставлю. Буду следить за рекой. Если что, не обижайтесь: поскачу в станицу и разбужу всех. Боюсь я за сад.

...Стемнело. Рассыпая искры, сухие ветки быстро прогорели. Костер стал угасать. Сквозь тонкий слой пепла еще светились тускнеющие жаринки. Андрей сидел на обрубке бревна, смотрел на остатки костра, и ему так же, как когда-то в детстве, казалось, что он один летит высоко над землей, а где-то внизу сверкают далекие огни огромного города, и в этом городе живет великое множество людей, и у каждого из них своя судьба, свои беды и радости, свои большие и малые дороги.

За левобережным лесом взошла огромная красноватая луна. В ее неверном свете Андрей увидел крайние ряды деревцев в саду. Они чуть угадывались на фоне звездного неба. «Вот и моя дорога привела меня к этому саду,— подумал он,— и разве я когда-нибудь смогу покинуть его? Ведь в каждом деревце живу я сам и все они живы мною, от меня они ждут защиты, ласки, заботы, во мне их жизнь...»

В займище стояла нерушимая тишина поздней ночи. В этой тишине Андрей слышал плескание сонной рыбы в реке, шуршание ежей в сухих бурьянах на берегу, смутные, таинственные звуки, которые едва доносились из леса, из трав и которые показались ему невнятным, недоступным человеку голосом живой земли...

ИЗ ЛАБОРАТОРИИ В ЦЕХ

МОСКВА

БАТАРЕЙКА ПИТАЕТСЯ... ВОЗДУХОМ

Работницу института Клавдию Петровну провожали на пенсию. А за два дня до этого она положила в свой шкаф батарейку, очень похожую на ту, что мы обычно вставляем в транзисторный приемник или магнитофон. Положила и забыла об этом кому-нибудь сказать. Так батарейка и пролежала в шкафу семь лет. А когда ее нашли и посмотрели на дату выпуска, то просто из любопытства решили проверить — работает ли? Проверили, и оказалось — она вполне пригодна для эксплуатации. Это была одна из первых опытных батареек (или точнее — щелочных элементов), которые выпускаются теперь на Новосибирском заводе конденсаторов в количестве четырех миллионов штук в год.

Но это уже конец истории, а начиналась она с того, что в положительные качества новых элементов не верили, говорили, что они недолговечны, взрываться в тепле будут, щелочь у них потечет. Но щелочь не потекла, потому что корпус батарейки хитроумно загерметизирован. И не взрываются они — хоть в костер бросай. Для обычных батареек срок хранения 18 месяцев, а при интенсивной работе — сами знаете — не больше полугода. А вот щелочные элементы служат в 2—3 раза дольше. К тому же с помощью несложного устройства их можно подзаряжать от сети, как аккумулятор. При этом срок работы увеличивается в десятки раз.

И еще одним замечательным свойством обладают новые элементы. На их корпусе есть три отверстия, залитые полимерной пленкой. Ее можно проткнуть, и тогда элемент будет подзаряжаться от... воздуха, забирая из него кислород, необходимый для восстановления электрического потенциала.

Сегодня для производства новых элементов во Всесоюзном научном институте источников тока создана первая в мире автоматическая линия. Серийное изготовление таких линий началось в нынешнем году в Германской Демократической Республике.

Весь процесс сборки автоматизирован. Человек лишь наблюдает за работой машин, которые собирают батарейки со скоростью три тысячи в час.

Создание автоматической линии велось под руководством заведующего отделом института Ф. Х. Набиулина, начальника технологической лаборатории З. М. Бузовой и начальника конструкторской лаборатории Е. М. Герцика.

В. СЕРЕГИН

ТАЛЛИН

ПОСТОЯННАЯ ПРОПИСКА

Таллинскому ордена Трудового Красного Знамени электротехническому заводу имени М. И. Калинина пошел второй век. Он является ведущим предприятием по выпуску силовых полупроводниковых преобразователей тока, крайне необходимых электропоездам, железнодорожным подстанциям, метрополитенам, металлургическим станам, авиационной промышленности. И прежде всего высоковольтным установкам передачи электроэнергии на большие расстояния.

Конечно, такая сложная продукция потребовала высокой культуры труда, прогрессивной технологии и очень глубоких научных знаний. Она потребовала, чтобы наука не была лишь консультантом на заводе, а имела здесь постоянную прописку.

История прописки науки на этом заводе такова.

Семь лет назад три неразлучных друга — Герман Ашкинази, Виктор Кузьмин и Владимир Зумберов — приехали работать на завод, с отличием закончив Ленинградский политехнический институт. Все трое были влюблены в физику и мечтали заниматься наукой на производстве. Но у директора завода Виктора Антоновича Гарныка в тот момент все мысли были направлены не на науку, а на план! И все же Виктор Антонович, обстоятельно переговорив с молодыми инженерами, выяснив их склонности, способности, направил Ашкинази в специальное конструкторское бюро, а Зумберова и Кузьмина — в опытный цех.

Еще в институте Герман Ашкинази задался целью создать высокочастотные полупроводниковые приборы, которые бы значительно снижали потери энергии. Этой проблеме была посвящена его дипломная работа, которую он проводил в Физико-техническом институте имени А. Ф. Иоффе. Результаты ее одобрил директор «физтеха» академик В. М. Тучкевич, предлагал остаться в аспирантуре. Но Ашкинази хотелось почувствовать пульс заводской жизни, заняться своей темой в масштабах производства.

Едва был создан опытный образец нового преобразователя, как директор завода издал приказ о создании в СКБ специальной высокочастотной лаборатории, назначив Германа Ашкинази ее руководителем.

Начался новый этап работы. Необходимо было прибор размножить, разработать технологию его серийного производства, то есть опытный образец довести до промышленной серии.

На первых порах приборы радовали своими показателями. Однако когда полученный образец нагрели до температуры 100—120° (а высоковольтной аппаратуре приходится работать в таких условиях), он вдруг «поплыл», то есть превратился в обыкновенный проводник, утерял все свои свойства, стал пропускать ток.

Попробовали нагреть первые образцы, которые с такой гордостью были продемонстрированы дирекции. И тут произошло совсем непонятное: на приборы, полученные точно таким же методом, температура совершенно не действовала. Это крайне озадачило исследователей.

Несмотря на сложившуюся ситуацию, директор В. А. Гарнык принял решение не прерывать работу молодых инженеров. Новые приборы были заводу необходимы.

Вызвав к себе Германа Ашкинази, Виктор Антонович подписал приказ о его командировке в Ленинградский физико-технический институт имени А. Ф. Иоффе.

— Там проконсультируетесь с учеными, детально обсудите все неясные вопросы. А главное, не унывайте,— напутствовал он молодого инженера.

И вскоре причина неполадок выяснилась. Дело было в том, что хотя основным материалом полупроводниковых силовых приборов являлся кремний, но к нему добавлялось некоторое количество атомов золота. И тут нужна была точнейшая дозировка. Малейшее отклонение в ту или другую сторону моментально сказывалось на работе прибора.

Однако прошли еще долгие два года, пока в СКБ не появились те самые приборы с высокими параметрами, которые были потом удостоены диплома ВДНХ СССР и Знака качества.

Напряженная работа на заводе не помешала Герману Ашкинази написать кандидатскую диссертацию. И тема ее была крайне нужна заводу — силовой управляемый полупроводниковый прибор. В нем нуждаются все основные отрасли энергетической промышленности. Сейчас он выпускается на таллинском заводе серийно. Предприятие получило за него золотые медали на Лейпцигской международной ярмарке и ВДНХ СССР.

Теперь при заводе имеется свой научно-исследовательский институт. Ашкинази там заведует лабораторией, которая разрабатывает высоковольтные сверхмощные преобразователи, используя новые материалы. А его друг, Виктор Кузьмин, стал заместителем начальника СКБ, защитил кандидатскую диссертацию.

Вникая в увлекательные планы моего собеседника, я невольно подумала о том, как перекликаются они со словами Леонида Ильича Брежнева, сказанными им на XXIV съезде КПСС:

«Перед нами, товарищи, задача исторической важности: о р г а н и ч е с к и с о е д и н и т ь д о с т и ж е н и я н а у ч н о-т е х н и ч е с к о й р е в о л ю ц и и с п р е и м у щ е с т в а м и с о ц и а л и с т и ч е с к о й с и с т е м ы х о з я й с т в а, шире развить свои, присущие социализму, формы соединения науки с производством».

М. АНГАРСКАЯ

КАЛИНИН

ТРЕНАЖЕР ДЛЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ

Всем известно, что для обучения пилотов, шоферов и людей целого ряда других профессий существуют тренажеры. А недавно появился тренажер и для преподавателей. В этом нет ничего удивительного. Ведь найти контакт с аудиторией порой не легче, чем вести в сложных условиях машину или даже самолет. Пожалуй, именно от аналогии с самолетным тренажером в Калининской академии противовоздушной обороны возникла мысль о создании специального кабинета, который так и называется «тренажер преподавателя».

В центре кабинета — кафедра, снабженная специальной сигнальной системой. «Тренирующийся» преподаватель читает свою лекцию. При помощи системы зеркал он может сам следить за собой, вносить необходимые коррективы в манеру держаться. Но самоконтролем «тренаж» не ограничивается. За столом с пультом управления сидит руководитель эксперимента — преподаватель-методист, держащий в своих руках нити управления лекцией.

Вот на световом табло прямо перед лектором загорается надпись: «Говорите медленнее!» — это сигнал с командного пункта. Еще через некоторое время: «Повторите формулу!» И так далее. Набор таких команд-поправок достаточно широк и разнообразен. В кабинете можно читать лекцию и непосредственно перед аудиторией, точнее — перед большой, во весь экран фотографией, изображающей будущих слушателей.

Бывает, что на уроке или лекции возникает какая-то непредвиденная ситуация. Ну, скажем, с грохотом падает стул. Молодого преподавателя это очень легко может сбить с мысли, лишить уверенности. Спокойно реагировать на подобные неожиданности тоже учит тренажер, умеющий искусственно создавать звуковые или световые «помехи».

Кабинет оснащен современными средствами обучения — магнитофонами и диктофонами,

РАДИО РЕВОЛЮЦИИ

К сожалению, до сих пор неизвестно имя радиста, решившегося на этот смелый шаг. Он вышел в эфир без позывных. Его появление было внезапным, но многие дежурные радисты — слухачи — на кораблях и суше успели зафиксировать работу таинственного передатчика. Обращаясь ко всей революционной России, неизвестный кинул в эфир клич нового дня: «Защитите Всероссийский съезд Советов!»

Н. Н. Митрофанов. Радио Октября. День за днем... Издательство политической литературы. М., 1974.

Это было ночью 24 октября 1917 года, в самый канун вооруженного восстания.

О первых одиннадцати днях радиолетописи пролетарской революции рассказывает Н. Митрофанов в книге «Радио Октября. День за днем...». Каждая глава — два полных оборота часовой стрелки. Двадцать четыре оборота стрелки минутной. Ведь минуты и даже секунды часто предрешают успех. Автор приводит новые архивные документы, часто совершенно неизвестные радиограммы, рассказывает о людях, стоящих у истоков советской радиосвязи, показывая нам высокий подвиг тех часто безвестных радистов, что осветили начало революции искрами первых пролетарских радиограмм.

Особое место занимала радиостанция крейсера «Аврора». Именно отсюда были переданы первые сообщения о пролетарской революции, обошедшие весь мир.

Документы, которые приводит в своей книге Н. Митрофанов, полны скрытого драматизма.

Понимая важность радио как средства агитации и пропаганды, контрреволюционеры в России делают отчаянные попытки завладеть радиостанциями. Керенскому удается на два дня захватить Царское Село. «В Москве красная гвардия разбита; Керенский к вечеру подойдет к Петрограду... Ликвидация авантюры большевиков — дело ближайших дней или даже часов» — такую ложь передают в эфир контрреволюционеры.

Однако на Царскосельской станции, оказывается, в эти часы работал преданный революции радист. В 22 часа 15 минут 29 октября 1917 года радист эсминца «Украйна» с изумлением прочел в передаче из Царского Села: «Всем. На эти воззвания не обращайте внимания». В 22 часа 21 минуту история повторилась, только в радиотелеграфном журнале линкора «Гангут» фраза выглядит несколько иначе: «Всем. Не обращайте внимания на все эти воззвания». Итак, неизвестный по крайней мере дважды старался показать, что его заставили распространять заведомую клевету.

Кто же был этот храбрец?

Автор называет имя отважного радиста. Его звали Александр Ионович Чибисов. Он родился в 1890 году в деревне Анютино, Починковского района, теперь Горьковской области.

Следует отметить, что Н. Митрофанов выступает перед нами не только как талантливый историк-архивист, сумевший собрать неизвестные документы, но и как ини-

кино-, диа- и кадропроекторами... Отработать навыки проведения занятий с использованием всей системы так называемых «аудиавизуальных наглядных пособий» — еще одна цель ученых.

Пока тренажер для преподавателей работает (надо признать, очень успешно) только в Калининской академии. Но уже сейчас создается второй экземпляр — для Министерства высшего и среднего специального образования СССР, всерьез заинтересовавшегося калининским экспериментом. Такие тренажеры появятся в педагогических вузах страны, в институтах усовершенствования учителей. И это дело не такого уж далекого будущего.

М. СЛУЦКИЙ

СВЕРДЛОВСК

СЕКРЕТЫ «КОМАРИНОГО РАЯ»

С трассы проектирования сибирской железной дороги вернулась первая экспедиция Института экологии растений и животных Уральского научного центра АН СССР. Исследователи изучали «эпицентры» размножения гнуса, выяснили, чем определяется скорость размножения комаров и мошек и как бороться с этими насекомыми, чтобы обеспечить строителям нормальные условия работы.

— Сейчас на борьбу с комарами тратятся миллионы рублей, но без особого успеха. А трасса будущей дороги — почти наверняка самое комариное место на земле,— объясняет директор института академик С. С. Шварц.— Одновременно с экспедицией работала лабораторная группа. Ею доказано, что в зависимости от плотности личинок в том или ином месте скорости их развития и биологические особенности оказываются существенно различны. И это дает возможность надеяться на создание в ближайшем будущем совершенно безопасных биологических методов регуляции развития насекомых. В лабораторных условиях мы это уже умеем делать.

Совсем же уничтожить комаров ядами нельзя. Комары жизненно необходимы тундре. Вместе с грызунами они обеспечивают круговорот веществ в почве.

Озера занимают примерно треть площади тундры. И цифра органических веществ, переносимых комарами из водоемов в почву, выражается числом со многими нулями.

Где же выход?—спросите вы. Плотность комаров нужно регулировать, обеспечивая людям нормальные условия жизнедеятельности. Вот к этому мы и стремимся.

М. КАЗАКОВ

циативный журналист, обладающий острым пером. Он встретился с радистами — друзьями и коллегами Чибисова. Все они говорили об Александре Ионовиче как о человеке смелом, отважном. Чибисов был удивительно скромным и о своем подвиге никому не рассказывал. Он потом работал в лаборатории талантливого изобретателя А. Ф. Шорина, бывшего начальника этой радиостанции. Умер Александр Ионович в 1943 году.

В 22 часа 13 минут 30 октября 1917 года, когда еще никто не знал о разгроме Керенского, морзянка Царского Села сообщила: «Всем. Сообщения из ставки нет. Провокатора Керенского тоже нет — удрал».

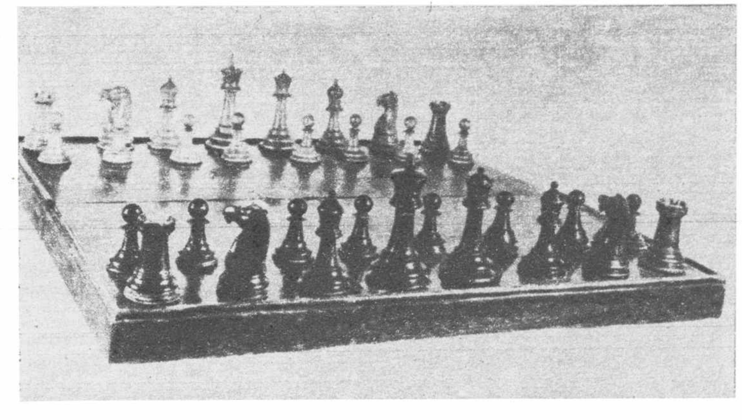
Через две минуты сигнал повторился. Радист был лаконичен: «Керенского нет — удрал».

Эти слова мог слышать весь мир. Радиоокно в Европу вновь служило революции.

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

«БЫЛ ВСЕГДАШНИМ УЧАСТНИКОМ ШАХМАТНЫХ ВЕЧЕРОВ»

Давно это было, в начале 90-х годов прошлого века. В Самаре на квартире поднадзорного Н. С. Долгова ежевечерне собирались любители шахмат. Часто захаживал сюда один из сильнейших шахматистов России, присяжный поверенный А. Н. Хардин. Был всегдашним участником этих вечеров и его помощник Владимир Ильич Ульянов. Вначале Хардин давал Владимиру Ильичу коня вперед. «Через год-два Владимир Ильич стал побеждать,— вспоминал Д. И. Ульянов,— и они перешли на пешку и ход».

...Сыну народника Долгова — Петру Николаевичу было без малого восемьдесят шесть, когда я с ним познакомился. Но события самарского детства он помнил ясно и отчетливо. К сожалению, это была наша единственная встреча. Вскоре Петра Николаевича не стало. Семейный архив, любезно предоставленный мне его женой Марией Ивановной, помог восстановить некоторые события прошлого.

— Осталось ли что-нибудь из самарских вещей Николая Степановича? — спросил я Марию Ивановну.

Хозяйка показала мне старинные шахматы. Их почтенный возраст можно определить с первого взгляда — от времени они потемнели, потрескались. Доска кое-где расслоилась. Тяжелые фигуры сохранились все, но и в них недостает некоторых деталей. Еще и еще раз рассматриваю доску изнутри и в самом углу обнаруживаю потускневшую надпись: «Н. Долгов».

— Муж очень берег эти шахматы,— вспоминала Мария Ивановна,— они напоминали ему вечера в Самаре на квартире отца, когда за этой доской долгими часами просиживал молодой Владимир Ильич.

Но не только игры ради навещал В. И. Ульянов старого народника. «Шахматисты собирались обычно вечером, между 7 и 8 часами,— вспоминал П. Н. Долгов.— Владимир Ильич приходил ранее других и беседовал с отцом». Шахматные вечера у Н. С. Долгова служили хорошим прикрытием для конспиративной работы. Здесь была явка для приезжих революционеров. Я попросил Марию Ивановну подарить долговские шахматы музею. Она согласилась, и вскоре я передал их Ленинградскому филиалу Центрального музея В. И. Ленина.

С. РУБАНОВ

СТРОИЛА... ДРУЖБА

Торговый комплекс «Дружба». Фото С. Крячко.

В Чернигове многие знакомые советовали мне:

— Побывай в нашем универмаге «Дружба».

— Но мне не надо ничего покупать!

— Все равно зайди — получишь удовольствие.

В огромном, сверкающем витринами зале было свежо, кондиционированный воздух снимал усталость. И никакой толчеи, нет заграждений, нет контролера и традиционной кассы в конце прилавка. Собственно, это не прилавок и даже не рекламная витрина, а выставка товаров, радующая широтой ассортимента и обилием вариантов одного и того же изделия. Пройдя с десяток стендов, выходишь к очень широкой лестнице в центре зала. Она ведет на второй этаж. Любопытно: побываешь в одной секции или трех — все равно придешь к этой лестнице. Здесь можно и расплатиться — сразу за все покупки. То же самое и на втором этаже.

К услугам покупателей — кафетерий, детское кафе, «Гастроном», кафе-бар и столовая для сотрудников.

— Кто строил этот торговый центр? — спросил я у заместителя директора Валентина Николаевича Никулинского.

— Дружба, —ответил он.— Посудите сами: многие наши сотрудники побывали в Чехословакии и ГДР, где их обстоятельно знакомили со всеми новинками организации и культуры торговли. Проектировал весь наш комплекс — в него входит одиннадцатиэтажный корпус областных и городских торговых организаций и этот наш двухэтажный дворец — рижский институт «Латгипроторг», часть оборудования поставлена из ЧССР, часть — из ГДР, оформляли здание внутри специалисты России и Латвии... Ну, и, естественно, наши украинские строители.

С. КАЛИНИЧЕВ, соб. корр. «Огонька»

«ВАМ ПИСЬМО...»

— Какая странная нынче осень,— рассуждал про себя Рихард Пент.— Уж октябрь, а порыжел только клен. Не хотят листья стареть. А кто хочет? Мне вот уже семьдесят пять, а разве я считаю себя стариком?..

Он шел по улице Комсомоли. С ним здоровались прохожие. В ответ почтальон снимал свою восьмиугольную фуражку и вежливо раскланивался. Его хорошо знают жители таллинского центра. Да и как не знать Рихарда Пента? Ведь пятьдесят пять лет он разносит письма и телеграммы, газеты и журналы.

Скептик, может, и усмехнется: надо же, какую профессию выбрал Пент! Для мужчины можно найти более интересное дело...

В те годы Эстония была буржуазной республикой. Однажды отец Рихарда — рабочий с завода «Ильмарине» — сказал ему: «Сынок, надо семье помочь. Уволили меня...» На этом и закончилась учеба Пента. Как-то в поисках заработка попал он на Центральный почтамт. Оттуда и вышел на улицы Таллина с сумкой почтальона.

Много дорог осталось с тех пор позади. Друзья подсчитали, что за годы работы Рихард Пент прошел чуть не 300 тысяч километров, и шутят: «Наш Рихард скоро до Луны дойдет!»

Пент всегда в движении. Хотя почтовые ящики теперь висят при входе в подъезд, он не ленится подняться наверх и вручить журнал, чтоб не смялся в маленьком ящике.

Аккуратность. Вот, пожалуй, одна из главных черт его характера. Рихард Пент — бригадир. С него берут пример другие почтальоны. Ныне он заслуженный работник связи ЭССР.

А. ХАРЧЕНКО

Фото У. Оксбуша.

Старейший таллинский почтальон Рихард Пент.

„ОГОНЬКУ" СООБЩАЮТ

Олег ШЕСТИНСКИЙ

РОДН

СОЛОВЬИНОЕ ГНЕЗДО

Улетели соловьи,
унесли с собою песни
и покинули свои
гнезда из овечьей шерсти
там, где посреди плато
жил армянский род издревле...

...Соловьиное гнездо
мне прислали из деревни.

Ленинград в осенней мгле,
запах дыма и бензина...
Оживает на столе
вещий голос соловьиный.

Что хотел сказать мой друг,
романтический и пылкий,
воскрея армянский юг
неожиданной посылкой?

Может, намекал,
чтоб впредь,
когда рощи в белой пене,
мне проникновенней петь
для цветущих поколений?

А быть может, просто то
пожелал, чтоб сырой ночью
мне приснилось вдруг воочью
материнское гнездо?

Может быть, напоминал,
что, когда я так страдал
от коварства и измены,
то, распятый ложью злой,
скрылся с пасмурной душой
здесь за каменные стены?

Главное, мне не спешить,
видя сущность за намеком;
но задумаюсь о многом,
но подумаю, как жить.

МОНОЛОГ ТРАВЫ СОРА

Я трава.
Мое имя — сора.
Я цвету не в лугах беззаботных.
Мне цвести наступает пора
на могилах озер пресноводных.

...Рыб брюхатых бродил здесь
косяк,
донный ил забивало икрою,
рыбы тешились тихой игрою,
пока сети не ставил рыбак.

Распушив молодые чубы,
здесь покачивались, как гуляки,
камыши... Обстоятельно раки
обходили их, словно столбы.

Сквозь зеленую толщу воды
солнца луч пробивался,
как странник,
и светился придонный песчаник
в полдень матовым блеском
слюды.

Головастик, малек и рачок —
каждый сызмальства к мысли
приучен:
если слышатся скрипы уключин,
затаись иль беги со всех ног.

Жизнь кипела в озерном миру
с рыбьих плясок до рыбьей
кончины
в мелких сетях во время путины
под рыбацкую песнь на ветру...

Я трава.
Мое имя — сора.
Я цвету не в лугах беззаботных.
Мне расти наступает пора
на могилах озер пресноводных.

...Перехвачено горло реки
так, что хрустнули позвонки,—
оборвалась струя водяная...
И озерная ровная гладь
стала медленно оседать,—
все теснее черта круговая...
И взошла я на высохшем дне,
никому не нужна и не люба,
даже лошадь губой своей грубой
полднем не прикоснется ко мне,
ибо горечь озерного дна,
всю трагедию доли подводной
мои стебли впитали сполна,
и для пищи я стала негодной.
Алый цвет в мои листья проник,
где расту — дно становится алым...
Я как вопль о пощаде,
как крик,
заглушенный нахлынувшим
шквалом.
Я молчу. Я ведь только трава.
Я расту, но для жизни мертва.
Не украшу я косы влюбленной,
в добрый дом не внесу красоту,
даже не подступлюсь и к скоту,
скот вдали, на равнине зеленой.
К тростнику, длинной мордой
склонясь,
не прискачут каурые кони...
Естества нарушается связь,
глохнут звуки подземных
гармоний.
Я прошу об одном, об одном,
чтобы люди смотрели, смотрели,
как расту над обугленным дном
я без пользы, без смысла,
без цели,
и задумывались при том.

●

Чингизу АЙТМАТОВУ

Дождя не несут облака
в далеком Аксуйском ущелье,
и вытончилась река,
забыв про разгул и веселье;
и жухнет по склонам трава,
и пахнет засохшею мятой,
и пыль пеленою косматой
окутывает дерева.

Но вовсе не в страхе безвольном
меж скудных водою Тянь-Шань
в саду и на поле свекольном
шла жизнь у киргизских крестьян.
Они пролагали арыки
и скважины рыли в те дни,
и были не просто велики —
родительски нежны они
к земле, без дождей изнуренной,
о влаге мечтающей в снах,
коричневой, а не зеленой,
не в жите до звезд, а в камнях.
Киргизия, пусть не под ливнем,
но ты мне навеки явись
сверкающим яблоком дивным,
что с ветки срывает Чингиз.

НЕВОЛЬНО НЫНЕ Я СЕБЯ ЛОВЛЮ...

Невольно ныне я себя ловлю
на том, что женщинам красивым
давно не признавался, что люблю,
и не был с ними в первый раз
счастливым.

Но я не уклонялся — видит бог! —
на жизненном пути от чувств,
нежданных,
поскольку видел в милых
и желанных
не просто женщин,
а добра исток.

ПИСЬМА ИЗДАЛЕКА

Я скучаю по моим деревьям
и по их тени,
потому что на Руси издревле
ведь росли они;

потому что по шумящим кронам,
подымая гам,
было славно не одним воронам,
а скворцам, щеглам;

потому что душу мне лечили
сосны поутру,
потому что в юности учили
ясности, добру;
потому что наполняли волей
парус чувств моих,
потому что подступали к полю
маков молодых;

потому что под листвой дубовой
уж который год
мать себе гнездо в земле суровой
горько-горько вьет;

потому что, где простор рябинам,
где покой берез,
размышляли мы о жизни с сыном,
чтоб он духом рос.

ОЙ ОЧАГ

●

Мне по сердцу пасмурность неба,
размытый и облачный фон,
когда по-осеннему немо
все кружится стая ворон.

И дождик шуршит ненароком,
не радуясь и не спеша,
как будто в сиротстве глубоком
его коченеет душа.

Но в этот лишь миг, а не прежде,
не позже, а в этот лишь час
поверю я зыбкой надежде,
лукаво скользнувшей у глаз.

ОБЛЕТАЕТ ОДУВАНЧИК...

Облетает одуванчик,
стебель, голый, как болванчик,—
пожалеем молодца...

Где бы он ни появлялся,
щеголь в шапке красовался,
щеголь белым был с лица.

Шапка — пышный пух лебяжий —
забубенна у него;
на лугу наряда краше
не найти ни у кого.

Ветер
хвату дал по шапке —
голым стал, поджавши лапки.

Про цветы писать не гоже
длинно так... Пишу я все же,
потому что, правый боже,
вижу я,
с кем из людей
обликом чванливым схожий
одуванчик-дуралей.

●

Народному писателю Якутии
Н. Е. МОРДИНОВУ

Старик к родному очагу
пришел, где не был с детских
дней...
Лишь три столба на берегу
среди саранок и камней.

А первый столб суть коновязь,
коней вязали за него,
когда сюда, принарядясь,
съезжался род на торжество.

Второй — остался от двери,
в которую когда-то мать
красавицей, ясней зари,
вошла, чтобы хозяйкой стать.

А возле третьего столба,
над люлькой хлопоча с утра,
мечтала мать, чтобы судьба
была бы к мальчику добра...

Старик к родному очагу
пришел, где не был с детских
дней...
Лишь три столба на берегу
среди саранок и камней.

Вой комариный над травой,
да шум листвы, да птичий крик...
Но голос матери живой
вдруг ясно различил старик —

тот, что баюкал в холода,
чтоб крепче малышу уснуть;
тот, что в нелегкие года
рыдал, готовя сына в путь.

И горько смог старик понять,
что не было на свете дня,
когда бы не витала мать,
его от горестей храня.

ЭМИГРАНТАМ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

Они покидали Россию,
убежище скорбно просили
и ждали великих щедрот:
мол, патокою заграничной,
особенной, ароматичной,
набьют до оскомины рот.

Но драли халявое лыко
с продажной и бедной души...
Их выжмут до нервного тика,
как курвам, заплатят гроши.

Хотели того или нет,—
они себя сами судили...
Нигде не оставили след,
лишь в доме своем наследили.

●

На празднике каракалпаков
по-детски, едва не заплакав,
воспринял я голос-свирель...
И песни пролились, как ливни,
и мне показалось, что дивней
не знал ничего я досель.

Наверно, вздохнули б и камни,
вдруг поняв, как сердце горит...

О царственный плач Ярославны!
О бабье рыданье навзрыд!

ПОСЛАНИЕ ДРУГУ

1.

Уже с берез осыпалась листва,
смородина протягивает прутья,
для печки по утрам колю дрова,
по лужам шлепаю до перепутья.
Скворечни потемнели от дождей,
застуженные бедные вороны
уже не спрячутся среди ветвей,
поскольку вовсе обнажились
кроны.
А рыбы глубоко ушли на дно,
как ни гляди,— их быстрых стай
не видно,
а по ночам тревожно и бесстыдно
сирень стучит, как нищенка,
в окно.
И вспоминаю солнечную синь,
благоухание осенней дыни,
и, хоть я севера исконный сын,
я что-то загрустил по солнцу ныне.

2.

А закрою лишь глаза,
тебя вижу, Рауза!
Как на озере соленом,
может, день, а может, два,
но я был в тебя влюбленным,—
это, право, не слова.

А закрою лишь глаза,
тебя вижу, Рауза!
И в застолии ковровом
я под деревенским кровом
сам себя судом судил,
потому что, как изменщик,
бравый взгляд с красивых женщин
при тебе не отводил.

А закрою лишь глаза,
тебя вижу, Рауза!
Ты прости мне не для виду,
ты прости мне для души,
если я нанес обиду,
и письмо мне напиши...

А закрою лишь глаза,
тебя вижу, Рауза!

НА АМАЗОНКЕ КОММУНИСТ ЛУИС...

На Амазонке коммунист Луис
советовал индейцам-дровосекам
не продавать барышникам
задаром
из джунглей древесину.

— Убьем,— шепнули в узком
переулке
Икитоса, показывая нож.
— Засудим,— угрожали
спекулянты.
— Повесим живо в джунглях
вверх ногами,—
хрипели недобитые фашисты.

А он одно твердил:
— Не продавайте...

Когда же без посредников
продали
индейцы древесину, то купили
на выручку подержанные парты,
чтобы учились грамоте их дети.

Поймите только —
в малярийных джунглях
сегодня парты выстроились в ряд
у бедных хижин посредине луга!

— Ведь это праздник,—
я сказал Луису.
— Нет, лишь канун...
— Чего канун?
— Победы...

Ю. ЛУШИН,

фото автора

«АРКТИКА» ПРОТИВ АРКТИКИ

Удар потряс корабль от самого днища до верхушки грот-мачты. Спросонья я не сразу сообразил, где я и что со мной, и мне привиделось ташкентское землетрясение и улица Пушкина, где жил я тогда. Мощные толчки посыпались градом, все вокруг задрожало. Да, так начинаются землетрясения, которые рушат дома. Но тут было другое. Так полярные льды встретили наш атомный ледокол «Арктика» ранним июньским утром. Итак, «Арктика» против Арктики. Кто кого?

Я выскочил на пятую палубу и замер в изумлении. Весь огромный круг, очерченный кольцом горизонта, искрился и сиял льдом. Невозможно вообразить и описать такое количество льда. Его надо видеть. Белое солнце белых ночей Арктики висело почти над центром этого кольца, которому суждено было на многие дни очертить и круг нашей жизни. Ледокол легко, даже непринужденно проламывал льды, палуба его подрагивала под ногами, как кузов грузовика, несущегося по плохо накатанному проселку. Временами огромный корабль как бы подпрыгивал на ухабе, подминая торос или особенно мощную льдину. Тогда где-то внизу, под днищем, раздавался глухой удар, дрожь от которого передавалась всему ледоколу. Я пытался привыкнуть к этим ударам, к постоянному шороху, скрежету и шуршанию ломающихся льдин. Иногда, казалось, я забывал о них, но вдруг где-нибудь в кают-компании за обедом или в плавательном бассейне, в шахматном салоне или финской бане, в спортзале или библиотеке, в каюте или кинозале резкий толчок вновь выводил меня из равновесия, и снова возвращалась все та же мысль: а что, если «Арктика» встретит льдину, которую не сможет одолеть? Я вглядывался в лица людей, но ни в ком из членов экипажа, начиная с капитана и кончая хлебопеком, не находил и тени сомнения, которое долго не отпускало меня. Более того, вскоре я узнал, что «Арктика» как раз искала именно такие льды, чтобы испытать и проверить свои силы и возможности.

— Нам нужен, так сказать, крепкий орешек,— сказал по этому поводу капитан ледокола Юрий Сергеевич Кучиев, — будем его искать...

Но пока «Арктика» не встретила льда, который бы остановил ее, все ей давалось как-то уж слишком легко, и это, с одной стороны, радовало капитана, с другой — настораживало. Конечно, «Арктика», как всякий корабль, обладала индивидуальностью, которой наделили ее люди, спустившие ледокол на воду. И теперь те, кто работал на нем, должны были изучить, понять и полюбить его почти так же сильно, как мужчина любит женщину, но не так слепо, потому что, не замечая недостатков корабля, легко переоценить его возможности, и в трудную минуту это с неизбежностью скажется. Впрочем, такая переоценка достоинств судна экипажу как будто бы не угрожала, большая его часть участвовала в постройке корабля и знала в нем, как говорится, каждый винтик.

Любой день плавания для «Арктики» был премьерой. Ведь ледокол вышел в свой первый рабочий рейс. И, словно чувствуя это, он вовсю старался показать, на что способен. Но как же я удивился, когда узнал, что еще ни разу в этом рейсе атомные установки корабля не использовали своей полной мощности. «Арктика» не всегда работала в полную силу, но и этого оказалось достаточно, чтобы, пройдя два моря, приблизиться к ледовой Енисейской перемычке. Это называлось провести разведку льда корпусом, и разведка показала, что караванам судов придется в Карском море несладко.

— Быстро идем,— говорил, склонившись над картой, гидролог Валерий Лосев,— не успевает за нами авиаразведка...

Он взял цветные карандаши, и карта покрылась темными и светлыми, голубыми и зелеными пятнами, но преобладал коричневый цвет, обозначавший тяжелые льды. Лосев выпрямился, посмотрел на свою работу и снова сказал:

— Да, быстро идем!

Лицо его осталось непроницаемым, и я так и не понял, доволен он или нет. Авиаразведка, однако, не отстала и сообщила, что в районе мыса Желания ледовая перемычка меньше по протяженности раза в три. Правда, судам, огибая Новую Землю, придется изрядно давать кругаля, но это с лихвой компенсируется скоростью по чистой воде. Штаб ледовой проводки утвердил такой вариант. Теперь оставалось взломать Енисейскую перемычку и приступить к проводке судов. Они уже спешили к мысу Желания.

Легко сказать — взломать. За всю историю освоения Арктики никто еще не пытался покорять здесь льды в столь раннее время. «Арктика» же начинала эту работу на две-три недели раньше обычного. Она крушила льды, а вместе с ними рушились традиции. Я понял это, когда увидел возбужденное, радостное лицо дублера капитана Владимира Николаевича Красовского. Он вбежал в каюту с возгласом:

— Невероятно! Не прошли, а пролетели Енисейскую перемычку. Такого еще не бывало...

Бурное изъявление чувств было так несвойственно сдержанному Красовскому, что даже мне, новичку, стало понятно: свершилось нечто необычное.

ДУБЛЕР

— Невероятно,— еще раз повторил Красовский, стремительно пересекая каюту.— Значит, скоро начнем проводку судов. Надену-ка я по такому поводу соколовскую фуражку...

— Что это за фуражка?— заинтересовался я.

— Вот она! На вид самая обычная. Когда меня переводили сюда, на «Арктику», с ледокола «Ленин», где я тоже был дублером капитана Бориса Макаровича Соколова, тот и подарил мне фуражку. Подарком я очень дорожу: Соколов — мой первый учитель. Когда-то вместе начинали плавать на «Сибирякове», он — старпомом, я — четвертым помощником...

— Значит, фуражка как бы напутствие?

— Что-то вроде этого.

Такая должность — дублер капитана — существует только на некоторых ледоколах и создана для того, чтобы освободить капитана от обязательных вахт. Тут дублер совсем не то, что, скажем, в футболе. На «Арктике» Владимир Николаевич Красовский никого не заменяет, не дублирует, а самостоятельно несет свою службу.

Я знал, что Красовский опытен, что встречает на "Арктике" свою пятнадцатую навигацию и всякое случалось в его морской судьбе. Кстати, вырос он далеко от моря, но Енисей, на берегу которого стояло родное его село Байкит, рано научил его плавать и не бояться воды. Можно было предположить, что Енисей, впадающий в Ледовитый океан, и вывел его на ледовые дороги Арктики, но это совсем не так. Мечтал Красовский о другом — неделями бродил с геологами по тайге и готовился к поступлению в Томский политехнический. А потом прочел где-то, что есть такое Высшее инженерное морское училище имени Макарова в Ленинграде, и круто изменил свою жизнь. О выбранной дороге Красовский не пожалел ни разу, хотя встречались на ней трудные перевалы. Но, может, благодаря им-то и не пожалел? Он и в школе стремился не просто решить задачку, а решить оригинально, пусть сложным, но не избитым способом...

Удивительно, как тесно переплелись в его судьбе Ленинград и Енисей. Женился в Ленинграде, а жена оказалась сибирячкой с Енисея. Плавал на ледоколе «Ленинград» и спасал попавший в беду дизель-электроход «Енисей»...

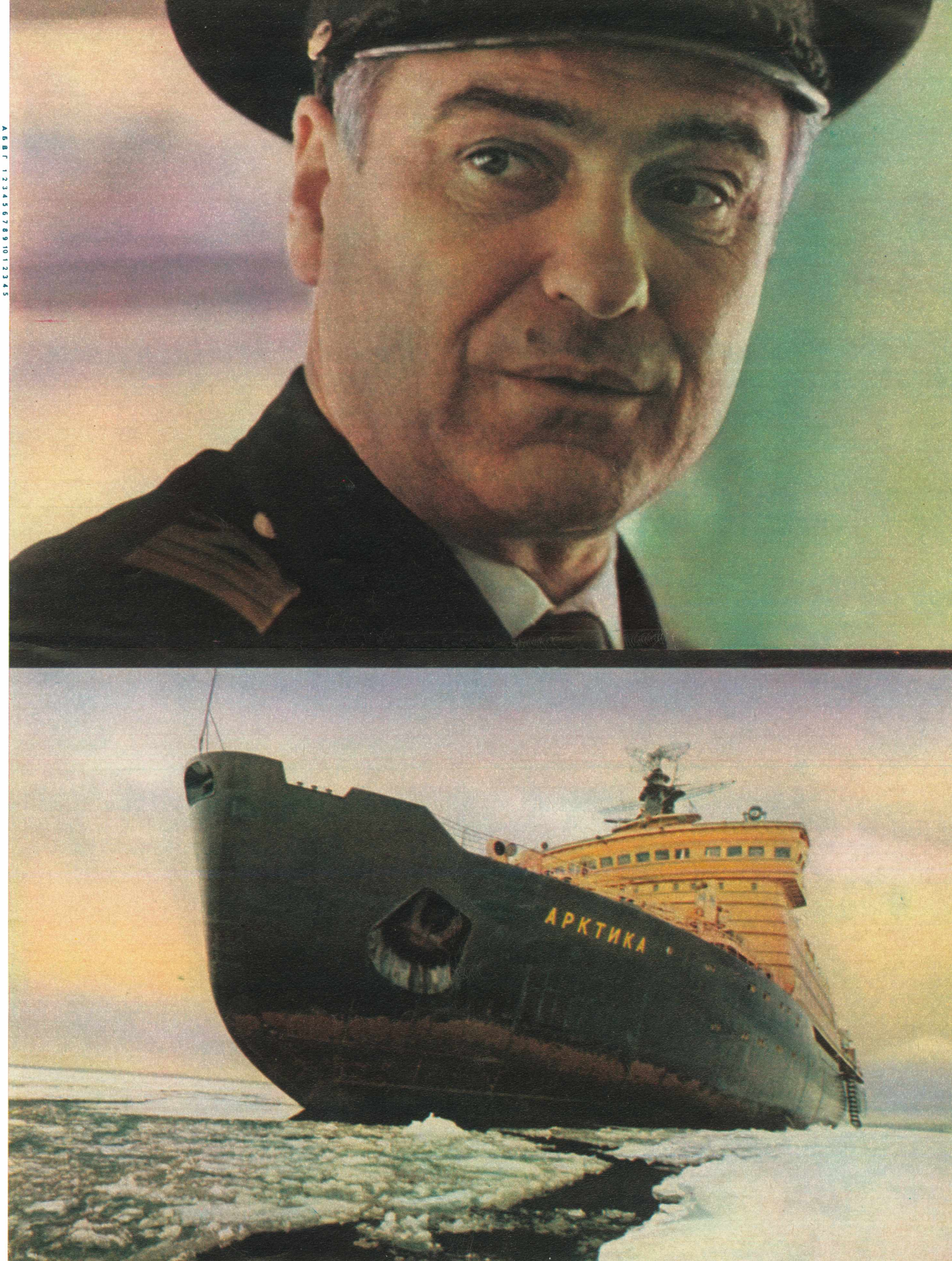
Тогда, в 1964 году, Красовский был уже старпомом. Шторма жестоко потрепали «Енисей». Он потерял руль, не имел хода, в танках — пробоины. Часть команды и спасатели делали все возможное, чтобы держать судно на плаву. Из Бухты Провидения его надо было срочно вести во Владивосток. «Ленинград» взял электроход на буксир и 29 октября вышел в открытое море. Каждый моряк знает, что это время, мягко говоря, не для морских прогулок. У берегов Камчатки их настиг первый шторм. Чугунные валы били в борт ледокола и в раненый электроход. Буксир отдали на целый километр, рассчитав скорость так, чтобы большая часть его провисала под водой, смягчая таким образом рывки. Старпом с командой все время следили за тросом, но

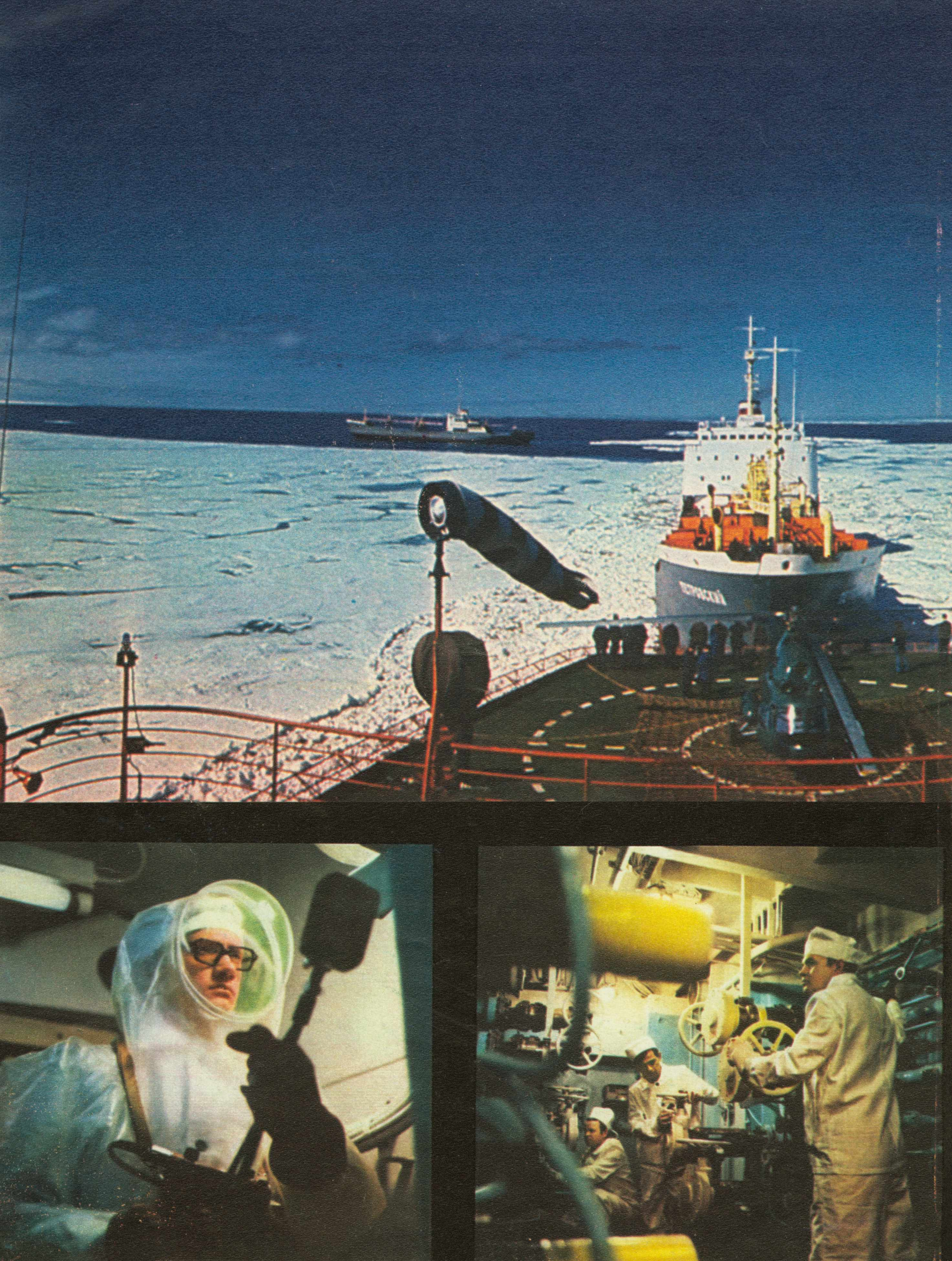
■

Дублер капитана Владимир Николаевич Красовский. ❊ «Арктика» против Арктики. Кто кого!

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

Начало проводки. ❊ Учебная тревога. ❊ Чистота — залог точности. ❊ Старший инженер Станислав Курицын — свой человек в мире электроники. ❊ Интерьер «Арктики».

АРКТИКА

беда грянула с той стороны, откуда никто ее не ждал: не выдержала и лопнула соединительная скоба на якорной цепи, к которой крепился буксир, и тот мгновенно ушел под воду. Беспомощный «Енисей» понесло в океан. Ледокол остановился и лег в дрейф, опасаясь намотать трос на винты. Его развернуло лагом к волне, началась жестокая болтанка, крен доходил до сорока градусов. Положение осложнялось тем, что на лебедку входило всего 500 метров троса, а в воде было вдвое больше. Пришлось освобождать от тонкого троса барабан другой лебедки и при намотке укладывать лаги (витки) вручную, поскольку канатоукладчик для толстого троса не подходил. Все это заняло 16 часов непрерывной работы под ураганным ветром и ледяным дождем. «Енисей» отнесло уже миль на 30, связь с ним шла по рации. Там держались стойко. Наконец суда сблизились, «Ленинград» снова взял дизель-электроход на буксир и повел его вперед, подальше уходя от шторма... Но на пути к Курилам их догнал еще более мощный ураган. Единственное спасение — уходить от берегов, и они ушли. Ветер достигал 25 метров в секунду, скорость упала до двух узлов. Они пришли во Владивосток 8 ноября. Их ждали гораздо позже.

— Что главное в такой ситуации? — спросил я Красовского.

— Спокойствие, выдержка, хладнокровие и расчет.

— А в проводке каравана во льдах?

— Как вам сказать? Видите вон там, на льду, нерпочку? Через каждые тридцать секунд она поднимает голову и осматривается. Условный рефлекс. У нас он тоже должен быть. Надо не только вперед смотреть, но и оглядываться: какой канал получается за нами, как себя льды ведут...

Через минуту я увидел Красовского в ходовой рубке, началась его вахта. Из-под козырька соколовской фуражки он зорко вглядывался во льды. Потом обернулся и, посмотрев на проложенный «Арктикой» канал, поднял вверх большой палец...

УКРОТИТЕЛЬ

Он стоял перед медвежонком Машкой и казался чем-то озадаченным.

— Что-нибудь случилось, Александр Георгиевич?

— Да в общем-то ничего особенного. Знаете старый анекдот? Подходит некто к ребенку и восторгается: какой хорошенький мальчик, как тебя зовут? Таня, отвечает «мальчик». Так и у нас получилось. На Диксоне дали мне медвежонка Машку (угодил случайно в капкан), а она оказалась Мишкой. Ну ничего, подрастет — станет Михаилом четвертым. Это четвертый мой воспитанник. Походит с нами навигацию, окрепнет, и отдадим его в Ленинградский зоопарк.

— Остальные тоже там?

— Нет, Михаил третий живет в Хельсинки, мы подарили его Президенту Финляндии Урхо Кекконену.

С этого разговора и началось мое знакомство с инженером по электрорадионавигационным приборам Александром Георгиевичем Гамбургером, или, как его здесь величают, с укротителем.

Удивительно, но на «Арктике» мне так и не удалось встретиться с потомственным моряком, и Гамбургер не был исключением. Прадед его, специалист по гальванопластике, приехал из Германии в Петербург в XIX веке да так и остался в России. Скульптуры, отлитые Иоганном Гамбургером, можно видеть и сейчас в Екатерининском парке города Пушкина. А отец Александра Георгиевича стал агрономом, жил в Ташкенте.

— Я был ужасно самостоятельным мужчиной,— Александр Георгиевич рассказывал о себе с известной долей иронии,— еще в третьем классе увлекся радиотехникой, а после шестого решил, что все науки превзошел и пора приступать к изобретениям. Но изобрести почему-то ничего не удавалось. Пошел работать в гараж. Был помощником шофера, киномехаником, слесарил в мастерских, пока не понял, что все же учение — свет. Тут подвернулись какие-то курсы по подготовке, и, окончив их, я, к великому своему удивлению, поступил в техникум связи при Ленинградском учебном комбинате...

В то время как раз начиналось комплексное изучение Северного морского пути — снаряжались различные экспедиции, создавались морские карты глубин и берегов. Однажды в коридорах техникума Александр наткнулся на группу молодых моряков, которые почтительно рассматривали простейший навигационный прибор. Разговорились, Гамбургер узнал, что моряков послало на учебу гидрографическое управление и что у них на судах отрабатывается новый метод измерения расстояний с помощью радиоволн. Создана специальная аппаратура, а специалистов пока нет.

«То есть как это нет?» — подумал я и попросился во вторую гидрографическую экспедицию. Попал в нее, так сказать, зайцем, тайно бросил техникум. Говорю же: я был самостоятельным мужчиной. Там меня быстренько разоблачили и потребовали, чтобы я окончил техникум. Пришлось экстерном защищать диплом, и через год уже официально меня направили на работу... Ходили мы на маленьких деревянных гидрографических судах в район Диксона.

24 июня 1941 года он должен был отправиться в очередную экспедицию. Билет в Мурманск уже лежал в кармане, но 22-го началась война. Гамбургер бегом в военкомат. Ему: «Ждите, понадобитесь — вызовем». Делать нечего, пошел домой, а там ему повестка — сдать мотоцикл на нужды обороны страны...

Мотоциклы сдавали в Гостином дворе. Подходила его очередь.

— Как мне ехать,— сокрушался рядом какой-то старший лейтенант,— три мотоцикла мне выделили, а я один.

— Возьмите меня,— мигом предложил Гамбургер лейтенанту.

— Ты кто такой?— Он молча пролистал военный билет, почесал в затылке и, сказав:— Попробуем,— двинулся к военкому. Пробыл там долго, но вышел довольный:— Заводи мотор...

— Так на второй день войны стал я красноармейцем-мотоциклистом взвода разведки и управления, а на следующее утро был уже на Карельском перешейке. Потом воевал в тридцать третьей армии Первого Белорусского фронта, с ней и победу встретил в Берлине. Вот так. А после войны вернулся к родной гидрографии...

И подошел такой момент, когда в службе гидрографии я должен был стать административным начальником, но это не по мне. И тут, как подарок, предложение от Бориса Макаровича Соколова, капитана атомохода «Ленин»: «Не хотите ли с нами поплавать?» «А кем?» «Навигатором». Я согласился. И сразу же попал в интереснейшую экспедицию. Впервые в практике мы высаживали десант ученых на СП-10 с ледокола, а не с самолета. И время необычное — октябрь. Было на пути одно щекотливое место — пролив Санникова. Глубины там — десять метров с небольшим, а осадка ледокола — ровно десять. Представляете? Но прошли ювелирно. С той поры ледоколы — моя любовь. Здесь и началось увлечение медведями. Да что рассказывать, вечером я фильм вам покажу о Михаиле третьем...

Вечером в кинозале смотрю фильм о знаменитом медведе, историю которого знают, наверное, на всем Великом северном пути. Фильм в 1969 году сняли финны в Хельсинки и подарили копию Александру Георгиевичу. А через два года ледокол «Мурманск», на котором ходил тогда Гамбургер, прибыл в столицу Финляндии на ремонт. Естественно, укротитель отправился в зоопарк навестить своего любимца. Директор зоопарка Илко Койвисто рассказал ему, что сначала медведь ничего не ел, тосковал, но потом вроде бы поправился, хотя на свою кличку «Миша» так и не откликался.

— «Интересно, узнает ли он вас?» — спросил меня Илко. Мы отошли метров на десять, спрятались за угол дома, и я крикнул: «Миша!» Что тут было! Мы думали, медведь клетку сломает. Илко говорит: «Все понятно, идите скорее к нему». Открыли клетку. А Миша стал матерым зверем. Встал на задние лапы, я до его головы дотянуться не могу. Сказал ему, Мише, об этом — он голову ко мне нагнул. Исключительно талантливый...

Мы вышли на палубу, под ночное солнце Арктики. Миша четвертый, возможно, будущая знаменитость, встал и потянулся носом к укротителю. Узнал. Гамбургер отчего-то вздохнул и сказал: «Вот выйду на пенсию — всерьез дрессировкой займусь...»

АС

Меня поразили его спокойствие и уверенность. На пятачке кормы, где только-только умещался размах вертолетного винта, где впритык за кормой на коротком буксире идет судно, вертолетчик Евгений Миронов взлетал и садился совершенно уверенно. К тому же ледокол шел со всей скоростью, на какую был способен, и встречные льдины нет-нет да и подбрасывали его. «Вот уж кто за свою жизнь полетал, наверное, над льдами»,— думал я про Миронова. А он мне сказал:

— Нет, на ледовой разведке я впервые... А вообще-то летаю тринадцать лет, и все на Севере...

— И все на вертолетах?

— Нет, я ведь бывший военный летчик, кончал Ейское летное училище в шестидесятом году. А тут подошло сокращение армии, и остался я, как говорится, не у дел. Поступил почему-то в Ленинградский горный институт. С небесной высоты ринулся в глубины земные...

— Но потом все же вернулись в небо?

— Вернулся. С практики после второго курса приехал, меня уже разыскивают. «Летчик?» Летчик, говорю. «Есть работа на Севере, в Мурманске,— к геологам летать, к оленеводам, пожары лесные тушить...» Я и не дослушал. Прекрасно, говорю, согласен. Дали мне сначала АН-2, потом уже пошли вертолеты.

— И где сложнее?

— Конечно, на вертолете, особенно вот на этом — на МИ-2. Машина верткая, динамичная, легкая, ошибок не прощает. К тому же летаешь один, на МИ-4, скажем, экипаж, есть с кем посоветоваться. А тут все приходится самому делать — площадку выбирать где-то в лесу или на болоте, решение принимать в сложной ситуации. Полетов легких не бывает, и расслабляться никак нельзя. Вот в прошлом году на Кольском полуострове было много лесных пожаров. В день приходилось вывозить на тушение по триста человек. Дым, огонь, и надо не сбиться с ориентиров, найти место для посадки, учесть направление ветра, скорость движения огня. Летишь весь в дыму, а под тобой вдруг свечой вспыхивает дерево, и огонь рвется по кронам в ту сторону, где ты только что сесть собирался... Мы, как музыканты, должны все время быть в форме. Даже небольшой перерыв в полетах сразу дает о себе знать. Из отпуска, допустим, приходишь и сам чувствуешь: что-то не то.

— Ну, что же, полетим?

— Давай. Только при взлете сиди тихо, в кресле не крутись.

Взревел двигатель, винт, вращаясь, слился в сплошной круг. Вертолет плавно приподнялся над палубой, потом ринулся с нее куда-то вниз, на льды, все набирая скорость, и я почувствовал то, что, наверное, чувствует каждый нормальный человек, попадая в чужую для себя стихию: что сейчас мы непременно врежемся в торос, а если не врежемся, то развалится винт или заглохнет мотор... Но ничего такого не произошло, вертолет взмыл вверх и в сторону от ледокола. Под нами поплыла ледяная пустыня, у которой, кажется, совсем не было границ.

КАПИТАН

Сухощавый, невеликого росточка, Кучиев вдребезги разбил мое представление о ледовых капитанах-богатырях, ворочающих ручищами штурвалы кораблей. Кстати, штурвал «Арктики» гораздо меньше руля «Запорожца», самого маленького нашего автомобиля. Вахтенному матросу достаточно легчайшего усилия, чтобы корабль сменил курс, чтобы где-то там, во чреве ледокола, пришли в движение титанические гребные валы и начали вращать три 50-тонных винта почти шестиметрового диаметра. Управлять «Арктикой» — одно удовольствие, как выразился Кучиев. Вот он стоит, напряженно вглядывается в лобовой иллюминатор, защитив глаза темными очками от слепящего света. Иногда отдает короткие распоряжения, и послушный им ледокол легко находит свою дорогу во льдах. Я стою рядом, тоже вглядываюсь в белую пустыню и... ничего не вижу, никакой дороги. Что служит ему ориентирами? Может, он видит сквозь толщу льдов? Я, конечно, понимаю: громадный опыт, знания, мастерство. Но что-то должно быть еще, помимо всего этого. Что? Талант? Да, несомненно, талант ледового капитана.

Странно, думаю я. А ведь этот талант мог бы и не проявиться. В осетинском ауле Тиб, где родился и провел детство Кучиев, даже древние

■

Инженер-химик Виктор Панкратов. ❊ Абориген Арктики знакомится с «Арктикой». ❊ В кают-компании. ❊ На велосипеде тут далеко не уедешь. ❊ Пекарь Анна Шерстнева.

старцы, наверно, не вспомнят, чтобы кто-то из их земляков стал полярным капитаном. Не было этого. И льды тут видели лишь на вершинах гор... Мальчишкой Кучиев мечтал об океане, но только о воздушном. Самолетами бредил, видел себя на стремительном истребителе — выше гор, выше облаков, выше орлов. Но не получилось — ни выше облаков, ни выше гор, ни даже выше крыши. Не приняли в летное училище: не те данные. Поступил в железнодорожный институт, но, к счастью, быстро понял, что занимает не свое место, и решительно, как он делал все, забрал из института документы. Но куда же податься? В аул? Нет, ни за что на свете, туда он должен приехать победителем. С тоской бродил по московским улицам, не зная, что предпринять. А небо манило по-прежнему и даже еще сильнее. Запретный плод всегда кажется самым сладким. Тогда решился он сделать еще одну попытку и пошел на прием к депутату от своей республики Марку Ивановичу Шевелеву, известному полярному исследователю, который был в то время заместителем начальника Главсевморпути, пошел, чтоб поговорить о жизни. Поговорили хорошо. Правда, Марк Иванович не устроил Кучиева в летчики, но, горячий патриот освоения Арктики, посоветовал ему: «Испытайте себя Севером, юноша. Мне кажется, вы подойдете друг другу, а там видно будет...»

И Кучиев поехал испытывать себя Севером на далекий Диксон. Конечно, Диксон тогда был не тот, и песню про него сочинили много позднее: «...четвертый день пурга качается над Диксоном...». А вот характер пурги, морозов, режущих ветров и прочих прелестей Севера не изменился, так что я легко мог воссоздать тогдашнюю обстановку, потому что на Диксоне мне бывать приходилось. Вчерашний южанин стал полярником, врожденный кавалерист — моряком. Начал он матросом второго класса на маленьком, в 400 лошадиных сил, буксирном пароходе «Василий Молоков». И тут — война. Фашисты пытались обстреливать Диксон, и буксир «Василий Молоков» оказывал посильную помощь раненым судам...

На каких бы кораблях ни ходил потом Кучиев — на «Таймыре», «Сибирякове», «Ермаке», «Красине», «Малыгине», «Илье Муромце», на атомоходе «Ленин»,— он всегда с особой нежностью вспоминал «Василия Молокова». Потому что тот маленький буксир научил его побеждать не только трудности жизни, но и собственные слабости.

Пророчество Шевелева сбылось. Кучиев незаметно для самого себя привык к Северу и уже не мыслил иной жизни. Он окончил штурманские курсы, а затем заочно училище Макарова. С его мнением считались уже признанные авторитеты. Однажды на ледоколе «Мурманск» он подменял капитана Федосеева. У Земли Франца-Иосифа на пути у них встала гряда мощного торосистого льда. На море наползал туман, и ледовый разведчик сообщил с самолета неутешительный прогноз. Надо было отходить назад, чтобы переждать непогоду, но за кормой шел с важными грузами транспорт «Лена». Кучиев знал, что ждать в этих льдах можно и день и неделю — как получится. Он понимал также, что одна из главных добродетелей в Арктике — умение выжидать, и постиг в совершенстве науку великого северного терпения, но тут ждать было некогда. И он отдал приказ, лишенный на первый взгляд логики: «Кормой вперед!»

Ледокол развернулся и, осторожно приблизившись к торосам, стал молотить их винтом. Двигались вперед буквально по сантиметру, но двигались, и за сутки прошли ровно милю того страшного льда. Рисковал ли Кучиев? Да, конечно, но что-то подсказывало ему, что риск должен оправдаться. И он оправдался...

В 1971 году Юрий Сергеевич ходил капитаном на атомоходе «Ленин». Из Мурманска вышли тогда необычайно рано, чтобы провести в восточный район Арктики ледокол «Владивосток». Мощные припайные льды, неподвластные ледоколу, прикрывали подходы к берегам. Бывало, ни звезд, ни солнца, одна только белая пустыня вокруг. Но они упорно шли вперед. Там, в этом рейсе, Кучиев отметил тридцатилетие своей службы на ледоколах. Отметил на вахте. Вообще-то на ледоколе капитан от вахты освобождается и ведет корабль только в особо сложной ситуации. Как раз такая тут и была. Ледокол врубался с разгону в торосы или обходил стороной ледовые горы, нащупывал слабые звенья во льду, лежал в дрейфе, выжидая удобный момент, и снова шел вперед. Тут тоже был риск, но он оправдался. Что это — просто везение или некая закономерность?

Сам Кучиев, кстати, об этих вехах своей жизни не молвил ни словечка. Все это я узнал от его товарищей. Сам же он мягко, но решительно уходил от ответов на вопросы о себе.

— Юрий Сергеевич, припомните самый сложный рейс в вашей жизни?

— Мне часто задают такой вопрос, и я всегда теряюсь. Каждая арктическая навигация трудна, но все они как-то на один лад — выматывают.

— Чем отличается ледовый капитан от обычного?

— Привычкой к однообразной обстановке, привычкой к Северу. Вода тоже однообразна, но льды не вода. Никто еще не сумел разгадать их до конца, и ни в каком училище вас не научат маневру во льдах. Тут опыт играет огромную роль. И не только он. Нужна еще быстрая реакция, четкость, интуиция, порой больше интуиции, чем расчета. Эта работа не для всех...

— Почти как у летчиков-истребителей...

— Намекаете на давнюю мою любовь? Ну что же, я и сейчас не могу спокойно видеть аэродромы. И на самолетах поэтому не летаю. Зато сын мой младший, Сережа, пилот.

— Что самое сложное в вашей работе?

— Проводка судов, вы ее скоро увидите...

ПРОВОДКА

Проводка каравана — для ледокола главное дело. Я поднялся в ходовую рубку, чтобы увидеть, как это все будет происходить, но ничего необычного не заметил. Спокойно, буднично отдавались приказы. А чего я хотел? Для всех этих людей проводка судов и была обычной работой.

— Главное — создать тон проводки,— объяснял Кучиев.— Что такое тон? Ну, психологическое настроение. Чтобы без окриков и хамского понукания, без пренебрежительного отношения к транспортному судну, на котором идет твой собрат...

Я стал наблюдать, как создается тон. Кучиев поздоровался по радио с капитанами транспортов, узнал загрузку кораблей и поздравил команды с открытием навигации. Затем объявил:

— Прошу построиться в таком порядке. Впереди «Поной» и «Пустозерск», за ними «Бакарица» и «Петровский».

Старпом Анатолий Алексеевич Ламехов, как раз началась его вахта, прокомментировал:

— У «Поноя» загрузка меньше всех, поэтому его поставили впереди. Он самый легкий, стало быть, ему придется труднее всех. Остальные везут тяжелые грузовики для Норильского горно-металлургического комбината, а в обратный рейс все загрузятся ангарской сосной. Ну, кажется, пошли.— И он отдал приказ: — Малый вперед...

Суда постепенно втягивались в канал, пробитый накануне, но уже загроможденный обломками льдин. Ледокол без видимых усилий расталкивал и подминал их под себя, но они, почти не поврежденные, всплывали за кормой. Кучиев, обернувшись, внимательно следил за транспортами.

— Идут,— сказал Ламехов.

— Пока да,— согласился капитан, но похоже, что-то ему не нравилось.— «Поной», «Поной», ответьте, я «Арктика».

— «Арктика», я «Поной». Слушаю вас...

— Как себя чувствуете?

— Пока нормально.

И с той стороны это неопределенное «пока». Чего они опасаются?

— Увеличим скорость?— предложил Кучиев.

— Попробуем,— отозвался капитан «Поноя».

Скорость увеличилась, но расстояние между ледоколом и караваном не возросло. Значит, суда выдерживают темп, предложенный «Арктикой», поэтому караван так и будет идти по следу ледокола много часов подряд, пока не откроется чистая вода, если только...

— Я «Поной», вызываю «Арктику»!— раздался в этот момент голос.

— Слушаю вас,— немедленно откликнулся Кучиев.

— Прошу снизить скорость, Юрий Сергеевич, не успеваю за вами.

Я оглянулся и увидел, что «Поной» действительно начал отставать. Вот что означало то самое «пока», которым обменивались капитаны. Скорость упала, казалось, мы стоим, но никто не смотрел вперед, кроме рулевого. Все смотрели туда, где, выбиваясь из сил, пытался выбраться из ледяных тисков «Поной». На расстоянии он казался совсем маленьким и беспомощным. Он отставал все больше. Еще несколько минут, и «Поной» превратится в крохотную точку на горизонте, а потом совсем скроется из виду. Кучиев ждал. Я видел, как ему не хочется ждать, но ничего другого не оставалось. И тут расстояние между нами стало медленно сокращаться.

— Кажется, идет!— воскликнул я.

— Нет,— отозвался Ламехов,— это мы сдаем назад. «Поною» не пробиться. Поведем его на коротком буксире. Притянем канатом вплотную к корме и потащим.

— Сложная операция?

В ответ старпом пожал плечами — дескать, обычное дело.

Канат толщиной в руку, которым подтягивали «Поной» к корме, натянулся струной и аж дымился от напряжения. Льды нехотя освобождали дорогу транспорту.

— Эгей, как настроение?— крикнул я, надеясь, что кто-то из экипажа «Поноя» отзовется.

— Терпимо,— ответили с транспорта и добавили неожиданно философически:— Благодаря вам теперь топлива малость сэкономим...

Вот уж о чем «Арктике» нечего беспокоиться, так это о топливе, думал я, спускаясь вниз, к центральному пульту управления — ЦПУ. Одной зарядки атомного горючего ей хватит на несколько лет. А паровые ледоколы могли находиться в море без захода на базу всего 20 суток. Дизель-электроходы с полными запасами топлива продлили этот срок, но за час серийный ледокол типа «Москва» сжигает почти три тонны нефти. И дело не только в этом. В процессе сгорания меняются ледокольные свойства судна, в конце пути вес его становится значительно меньше, и на мощный лед сил уже не хватает. Атомоходам «Ленин» или «Арктика» это не грозит. К тому же окружающую среду атомоходы берегут как никакие другие суда.

В ЦПУ стояла лабораторная тишина. Дежурила смена Юрия Пилявца, старшего механика атомной паропроизводящей установки. С чем сравнить ЦПУ? Не знаю. Поверьте, невозможно рассказывать, что такое ЦПУ. Для этого нужно окончить институт да еще специальные курсы по атомной подготовке в училище Макарова. Кстати, это — обязательное требование для всего командного и инженерно-технического состава экипажа ледокола.

— Все нормально?— спросил я старшего инженера-дозиметриста службы радиационной безопасности Юрия Смирнова, зная, впрочем, наперед, что он ответит.

— Как всегда, по нулям. Радиоактивная тревога ни на «Ленине», ни тут еще ни разу не объявлялась.

Да, тут, на «Арктике», воочию убеждаешься, что атомная энергия — самая чистая энергия, если направляют ее в нужное русло люди с чистыми руками. Я смотрел на мигающие разноцветные огоньки на щитах управления, на всевозможные рукоятки и кнопки, ту или иную из которых время от времени нажимал кто-нибудь из инженеров, на ряды цифр, вспыхивавших в окошечках, и на то, как эти цифры аккуратно заносились в вахтенные журналы, и понимал, что и тут идет обычная, будничная, может быть, даже скучная для этих людей, но необходимая работа.

— С какой скоростью идем?— спросил я Пилявца.

Он объяснил мне.

— Ого! Это же почти нормальная скорость для транспортов по чистой воде, а мы еще «Поной» ведем на буксире...

— У некоторых судов скорость и того меньше.

— Когда же будем у Диксона?

— Видимо, к утру, когда проснешься...

А вот это было уже необычно быстро. Впрочем, я тоже начал привыкать к рекордам «Арктики», к ее характеру.

К утру острые лезвия ветров искромсали туман в клочья. Под бурные аплодисменты волн «Арктика» вышла на чистую воду и остановилась.

— Приспустить флаг! — приказал капитан.

Мимо нас тоже с приспущенными флагами проходили «Поной», «Пустозерск», «Бакарица», «Петровский». Поравнявшись с ледоколом, они прощально ревели гудками сирен, и «Арктика» отвечала им низким басом.

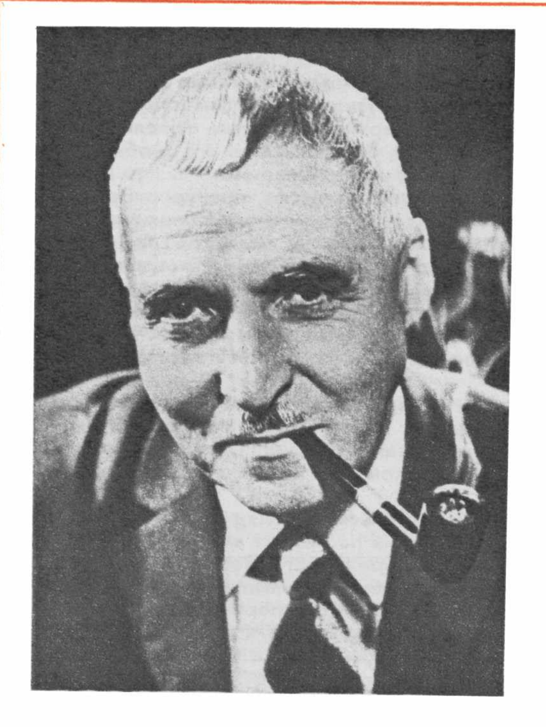
— Проводка закончена, есть ли вопросы?— обратился по радио Кучиев к капитанам судов.

— Спасибо за отличную проводку. Чистая работа,— ответили те.

Транспорты постепенно растворялись в сини воды. Лица моряков как-то внезапно посерьезнели. И тогда капитан скомандовал:

— Полный вперед!

«Арктика» снова врезалась в льды. Такая у нее работа...

СУДЬБА И КНИГИ

Поколению, к которому принадлежит Константин Михайлович Симонов, довелось пережить немало. Судьбы сверстников революции формировали Испания и Халхин-Гол, закаляли невиданные битвы Великой Отечественной. Спустя десятилетия часто воспринимаем мы то время сквозь призму литературы, и потому так значимы и важны сегодня книги художников, которые жили и боролись в годы величайших испытаний человеческого мужества и стойкости. Очень многим из писателей, попавших в горнило последней войны, не довелось увидеть салют победы. И на оставшихся легла ответственность рассказать в книгах своих то, что ушедшие сумели бы, но уже никогда не расскажут. Ибо лучше всего поведать о войне могут люди, сами испившие ее горькую чашу.

Хороших книг о войне появилось с той поры немало, и среди них книги Симонова — одни из самых любимых у читателей.

Его жизнь с детства связана с армией. Воспитывавшийся в семье командира Красной Армии, К. Симонов был хорошо подготовлен к тому, с чем впоследствии столкнула его жизнь, что стало главной темой его самых разнообразных произведений. «Хорошо это или плохо, но, очевидно, я до сих пор был и продолжаю оставаться военным писателем...» Эти слова, сказанные Константином Симоновым около десяти лет назад, исключительно точно определяют основную линию его творчества.

Если открыть сейчас довоенные поэмы и стихи Симонова — а начинал он как поэт,— то первое, что явственно ощущается в них, — это конкретное, порой публицистично выраженное предчувствие грядущих испытаний:

Слышишь, как порохом пахнуть стали
Передовые статьи и стихи?
Перья штампуют из той же стали,
Которая завтра пойдет на штыки.

Не обошла поначалу и Симонова характерная для всей предвоенной нашей литературы тенденция романтизации сражений. Но уже с испанскими событиями, той первой войной с фашизмом, «на которую готовы были пойти все, но попали добровольцами лишь немногие», в творчество Симонова ворвалась подлинная правда жизни. Он не был рядом с республиканцами, но забываешь об этом, читая его испанские стихи. В них впервые проявилось то, что станет впоследствии отличительной чертой поэзии Симонова,— острое журналистское чувство события, действия, выраженное негромкими, но идущими от самого сердца словами.

Для Симонова и многих его героев Испания явилась первой школой открытой борьбы с фашизмом, борьбы, которая еще не окончена. «Чилийский фашизм сегодня, — сказал недавно Симонов, — это фашизм в осаде, это фашизм в блокаде международного гнева... Ну, а если бы это было не так? Если бы он мог рассчитывать на всеобщее равнодушие и конечную безнаказанность? Сколько еще тысяч мертвых все прибавлялось и прибавлялось бы к тем тысячам, которых он уже сделал мертвецами?»

В 1939 году Симонов в качестве сотрудника газеты «Героическая красноармейская» стал участником упорных боев с японскими милитаристами в районе реки Халхин-Гол. Здесь он делал то, что два года спустя в течение долгих четырех лет будет делать на другой, гораздо более страшной войне,— писал о сражениях и о бойцах. И наносная романтика в его стихах появлялась все реже, сменяясь спокойным, углубленным взглядом человека, видевшего смерть и потому знающего истинную цену жизни.

Когда бы монумент велели мне
Воздвигнуть всем погибшим здесь,
в пустыне,
Я б на гранитной тесаной стене
Поставил танк с глазницами пустыми;
Я выкопал его бы, как он есть,
В пробоинах, в листах железа рваных,—
Невянущая воинская честь
Есть в этих шрамах, в обгорелых ранах.

В степях Монголии родился у него замысел первой пьесы «Парень из нашего города» — итог раздумий о судьбах своего поколения и об испытаниях, его ожидающих. «Человеческий конфликт, построенный на условных умозрительных ситуациях, приобрел в моем сознании реальные и более суровые черты, связанные не только с «музой дальних странствий», а с настоящей разлукой и с настоящей опасностью» — в этих словах писателя ключ к характеру главного героя пьесы Сергея Луконина, одного из наиболее удачных драматургических образов, созданных Симоновым.

С первых же дней Великой Отечественной войны корреспондент «Красной звезды» Константин Симонов на фронте. Очерки Симонова, появлявшиеся в «Красной звезде», не затушевывают тяжесть войны, но каждый из них внутренне оптимистичен, ибо полон веры в конечную победу. Эти очерки писал человек, сам не раз переживший то, о чем ему доводилось рассказывать на газетных полосах. Много позже, когда настанет время ему писать широкие художественные полотна о войне, именно личные впечатления, пережитое станут тем живительным соком, что напоит его книги. «Работа военных корреспондентов была не самой опасной работой на войне. Не самой опасной и не самой тяжелой. Тот, кто этого не понимал, не был ни настоящим военным корреспондентом, ни настоящим человеком. А те, кто это понимал, сами стремились сделать свою работу и опасной и тяжелой...» — так сказал Симонов о журналистах на войне. Работа корреспондента давала возможность писателю познать войну во всех ее ипостасях — от командного пункта армии до самого передового окопа, в котором уже слышна доносящаяся неиздалека вражеская речь. Наверное, именно поэтому в известной трилогии К. Симонова «Живые и мертвые», удостоенной Ленинской премии, встречаемся мы с изображением «всей войны», увиденной с самых разных точек, масштабно и в то же время конкретно и точно.

В те годы К. Симонов пишет необычайно много — из-под его пера выходят очерки, статьи, пьесы, стихи. Это многообразие жанров диктовала сама жизнь, тяжелая и героическая военная жизнь наших людей. Во второй год войны создает Симонов пьесу «Русские люди», ставшую наряду с «Фронтом» Корнейчука и «Нашествием» Леонова классикой советской драматургии военных лет. В этой пьесе развивается тема борющейся Родины, несколько ранее столь пронзительно зазвучавшая в одном из лучших симоновских стихотворений — «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины», строфы которого поражают глубиной философского проникновения в понятия Отчизна, Жизнь, Смерть и красотой лирического чувства любви к своей земле, усиленного войной.

Как будто за каждою русской околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши прадеды
молятся
За в бога не верящих внуков своих.

Ты знаешь, наверное, все-таки Родина —
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти проселки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских могил.

Не знаю, как ты, а меня с деревенскою
Дорожной тоской от села до села,
Со вдовьей слезою и с песнею женскою
Впервые война на проселках свела.

В эту тяжелейшую пору людям необходимы были такие жгучие строки, и о том, как жадно ловили они искреннее поэтическое слово, говорит удивительная судьба стихотворения Симонова «Жди меня...», моментально облетевшего всю страну — и фронт и тыл, — ставшего поистине народным. Слова «жди меня, и я вернусь» давали надежду и обязывали, доходили до глубины сердца, становились частью жизни.

И вполне естественно, что журналист, писатель, прошедший войну с первого до последнего дня, Константин Симонов в наступившее мирное время пишет три больших военных романа — «Живые и мертвые», «Солдатами не рождаются», «Последнее лето», — составивших трилогию «Живые и мертвые», которая вошла в строй лучших книг о Великой Отечественной, публикует ряд повестей о войне, печатает свои военные дневники. Не замыкаясь в рамках художественной прозы, Симонов в послевоенные годы работает во многих жанрах. Он пишет пьесы «Русский вопрос» — о судьбе журналиста, отказавшегося клеветать на Советскую Россию в послевоенной Америке, и «Четвертый», где слышится волновавшая его еще с испанских событий тема интернациональной солидарности. Он обращается к кино и создает интересные фильмы — «Если дорог тебе твой дом», «Чужого горя не бывает...», «Шел солдат...»; он едет в сражающийся Вьетнам и пишет цикл стихов, заставляющий вспомнить его фронтовую поэзию, но не откладывает в сторону и перо журналиста — мы помним его яркий, трагический очерк о трактористе-комсомольце Анатолии Мерзлове, героически погибшем, спасая от огня колхозное поле. Словом, Константин Михайлович Симонов всегда в гуще жизни, в центре событий. Он остается боевым по духу писателем, а это значит — художником переднего края.

Владимир ЕНИШЕРЛОВ

«В «золотой период» американского кино, когда киностудии были «фабриками сновидений», Голливуд снимал до пятисот картин в год: например, еще в 1949 году на экраны была выпущена 491 картина... А вот, скажем, в 1974 году была выпущена только 241 картина. Но все они отвечали запросам зрителя» (журнал «Америка», октябрь 1975 г., № 228).

В. НИКОЛАЕВ

Городок Лексингтон в штате Вирджиния всегда был тихим и безмятежным. Расположенный в уютной зеленой долине, он являл собой картину мира и покоя. Полусонное существование городка было нарушено, когда в его центральную улицу ворвался новенький «матадор», модная машина для состоятельных людей. За рулем сидел представительный мужчина, дымящий дорогой сигарой. В местном отеле он снял лучший номер, назвавшись Мэлом Гринбергом, агентом из Голливуда.

Так по-современному въехал в провинциальный Лексингтон современный американский Хлестаков. Он, правда, не стал вымогать деньги у представителей местных властей. Он уже сделал почти все, что задумал, назвавшись голливудским киноделъцом. После завершения и разоблачения его аферы ошеломленные лексингтонцы никак не могли поверить, что приняли самого обыкновенного прохвоста за делового человека. «У него как раз был тот самый голливудский шик»,— сказал Норман Андерсен, предоставивший ему апартаменты. «Иногда вы сразу настораживаетесь по отношению к незнакомцу, но он не вызывал никаких подозрений»,— заявила Рут Херринг, весьма почтенная и авторитетная лексингтонка.

Чем же очаровал Гринберг весь город? Деньгами! Вернее, обещанием озолотить Лексингтон. Он договорился использовать за 10 тысяч долларов для съемки будущего фильма одно пастбище близ городка, забронировал в отеле тридцать номеров для якобы приезжающих из Голливуда актеров. А это предвещало всеобщее оживление деловой активности в захудалом городишке. Местные бизнесмены радостно потирали руки.

Мало этого. Гринберг объявил, что для съемок в большом количестве потребуются статисты из местных жителей, намекнул, что нередко великие актеры кино начинали со статистов. Этого было достаточно. Многие захотели подзаработать, а некоторые, особенно девицы и молодые женщины, подумали: «Чем черт не шутит!» Народ валом повалил в номер к Гринбергу. Сейчас очевидцы вспоминают: «За четверть часа через него проходило по четыре человека!» Всем им Гринберг рассказывал о будущем фильме и называл имена якобы снимающихся в нем звезд. Фермеров он приглашал на съемки в сцены кавалерийских атак, горожан собирался нарядить в солдатскую форму, девицам обещал бальные сцены и светские приемы. Были согласованы и твердые расценки: 34 доллара за день съемок, 22 — за день простоя; 500 долларов тому, кому будет поручено произнести с экрана хотя бы одно-единственное слово (пусть даже «здравствуй» или «до свидания»), и затем по 50 долларов за каждое последующее слово. Привлекательным особам женского пола Гринберг обещал участие в «голых сценах», за что каждой исполнительнице сулил 12 тысяч долларов. Претендентки на эту роль охотно обнажались перед ним, и он их придирчиво рассматривал. Санди Фергюсон, девица из местного колледжа, которую Гринберг нанял в качестве своего секретаря, потом свидетельствовала: «Он никого не неволил. Попробуйте пообещать любой девушке 12 тысяч, и она охотно пойдет на это».

Засыпался Гринберг на сущем пустяке. Он говорил, что фильм будет историческим, и поэтому им заинтересовались местные краеведы; люди они, как известно, въедливые. Их смутила необходимость «голых сцен» в фильме о славном прошлом Америки. Краеведы навели справки о Гринберге в Голливуде, в частности, обратились по его якобы домашнему адресу и узнали, что там находится платная стоянка для автомашин. Краеведы сообщили об этом местным властям, прокурор Эрик Сислер вызвал к себе Гринберга, побеседовал с ним и отпустил с миром. Гринберг вернулся в отель, где с негодованием бросил: «Мне опротивел этот городишко!» Хозяин отеля пытался успокоить разгневанного постояльца. Но тот швырнул ему чек и отбыл в своем «матадоре».

Вскоре выяснилось, что чек, оставленный Гринбергом, оказался простой бумажкой, за которую нигде никто не даст и цента. Афериста начали искать. И нашли уже в штате Огайо, где он подвизался в той же роли «агента Голливуда».

Почему этот делец так легко заманивал в свои сети в общем-то не очень легковерных американцев? Потому, что им хорошо известно: кино — это прибыльное дело, одна из разновидностей бизнеса. Они тоже захотели испить из этого источника, коль скоро он сам пробился к их крыльцу.

Сугубо деловой, предпринимательский взгляд на кино давно укоренился в США. Характеризуя один из последних американских фильмов, «Аэропорт-75», журнал «Нью-йоркер» пишет: «Этот фильм ниже всякой критики. Можно подумать, что он был задуман как самая низкопробная шутка. Хочется смеяться над ним до потери сознания. Только обстановка, созданная в фильме, не располагает к шуткам, так как людей в нем просто-напросто подвергают унижениям. Скорее же всего руководство студии «Юниверсал» и режиссер Джек Смит настолько циничны и бесталанны, что это идиотское создание отвечает их представлению о том, каким должен быть фильм для массового зрителя».

«Для массового зрителя», но не в силу заботы о нем, его эстетическом наслаждении, а в силу именно его «массовости», что означает кассовый сбор.

Кстати, «Аэропорт-75» — типичный образец последней, наимоднейшей голливудской волны, которую составляют так называемые «фильмы ужасов». В чем дело? Что вдруг за мода? Как известно, Голливуд раньше называли «фабрикой грез», а ныне он стал «фабрикой ужасов».

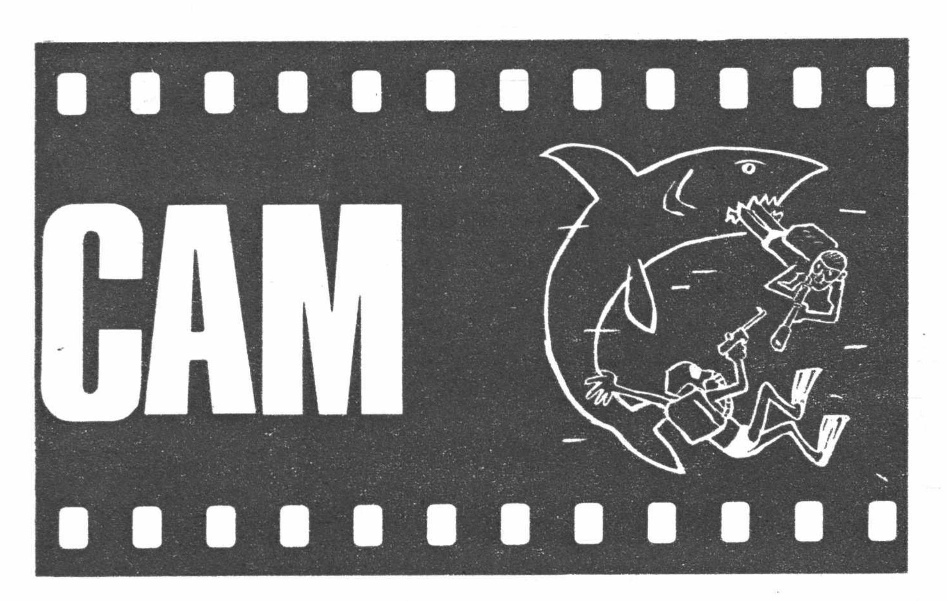
Своего рода началом и эталоном кинопродукции такого рода стал американский фильм Уильяма Фридкина «Изгоняющий дьявола». Когда я смотрел его, то действительно временами становилось страшно, но в этом чувстве у меня лично было больше страха за искусство и людей, которые еще будут смотреть этот фильм. Начать с того, что главная героиня (ее играет девочка!) изрыгает с экрана невероятные непристойности, а взрослые люди с умным видом изгоняют из нее... дьявола по всем церковным правилам. Причем действие происходит не в средние века, а в наши дни. Изгоняют они дьявола, кстати, успешно, девочка поправляется и больше не сквернословит. Так из нагромождения всяческих ужасов вылезает вполне определенный вывод: ни простые смертные, ни медицина (она очень эффектно показана в фильме) не помогли, а вот церковь всемогуща!

Переход Голливуда и других его собратьев по кинобизнесу на стезю ужасов — не случайная прихоть, а веление времени. Дело в том, что в последние годы Голливуд и другие центры по производству кинорез начали прогорать. С одной стороны, только патокой сыт не будешь, с другой — эти фальшивые грезы очень уж контрастировали с суровой действительностью. Из года в год катастрофически падала посещаемость кинотеатров, а кинофирмы катились к банкротству. Пробовали объяснить кризис кино тем, что зрителей от него увел телевизор. Но оказалось не так. Стоило Голливуду и другим перейти на «фильмы ужасов», как народ снова валом повалил в кинотеатры. Уже в 1974 году в них было продано по всей стране свыше одного миллиарда билетов. В том же году прибыли Голливуда подскочили на 25 процентов по сравнению с предыдущим.

Такие фильмы, как «Изгоняющий дьявола», собирают огромную аудиторию. Казалось бы, странно! Ведь их режиссеры стараются пере-

щеголять друг друга в запугивании зрителей. Один из создателей фильма «Вздымающийся ад», Пол Стадер, говорит: «Мы сажаем группу людей в лифт и поджигаем их волосы и одежду. Съемка ведется быстро и с небольшого расстояния. Как только сцена отснята, актеров тут же заливают водой из брандспойта. Если на секунду опоздать, то они погибнут».

Фильм этот — о пожаре в небоскребе, о чем рассказывается с жуткими натуралистическими подробностями. Горит самый высокий в мире небоскреб, горит в торжественный день его открытия. Собравшиеся на праздник пытаются спастись от огня на крыше, все пути для их отступления отрезаны. «Главная роль в кинодраме,— пишет американская пресса,— предоставляется огню, причем актеры в данном случае выполняют функции необходимого «живого реквизита». Их жалкое положение лишь сильнее подчеркивает беспощадность бушующего пламени». Во время съемок из 57 павильонов, где они проходили, уцелело только восемь. Остальные были уничтожены главным действующим лицом фильма — огнем, взорваны или затоплены. Не мудрено, что на производство картины было израсходовано 14 миллионов долларов! Хочешь доходов — не жалей денег, говорят американцы. «Декорации интерьера,— пишет критик Дюпре Джонс,— были выполнены с таким вкусом и роскошью, что при виде превращающейся в пепел дорогой мебели и украшений у зрителя захватывает дух не меньше, чем от вида объятого пламенем здания. (Здесь опять же сказалась традиционная проницательность голливудских постановщиков, прекрасно понимающих психологию зрителя: уничтожение дорогих вещей волнует всегда больше, чем уничтожение дешевых)». Так что ни павильоны, ни вещи не щадили. Но и за 14 миллионов не удалось сжечь перед кинокамерой хотя бы одного из шестидесяти каскадеров (специальных актеров, дублирующих киноартистов при съемке опасных для жизни трюков. — **В. Н.**). Все равно у зрителя создается полная иллюзия того, что люди на экране горят живьем. Как это достигается? А вот так: «Чтобы создать впечатление охваченного пламенем человека, каскадер предварительно окутывает себя огнеупорной материей «номекс», которая должна покрывать все тело, но не стеснять при этом движений. Затем он с головы до ног обливается легковоспламеняющейся жидкостью. Но вот эпизод заснят, и пламя тушат с помощью обычных огнетушителей. Само собой разумеется, что каскадер не может иметь при себе запаса кислорода, который, как известно, легко воспламеняется. Поэтому, вдохнув кислород перед съемкой, которая длится не более минуты, он просто задерживает дыхание».

Если в этой ленте на психику зрителя действуют огнем, то в другой картине, «Землетрясение», применяют стереофонические и вибрационные трюки в зале. В целях рекламы и для полной ясности слово «смерть» вынесено в заголовок одного из таких фильмов Голливуда: «Смертельные гонки — 2000 год». Через весь североамериканский континент, из Нью-Йорка в Лос-Анджелес, мчатся гонщики. В борьбе за первенство учитывается не только скорость, но и количество сбитых по ходу гонки пешеходов. Смерть в самом неприкрытом, ужасном виде — вот лейтмотив кинопродукции этой новой волны. В последнем и самом нашумевшем таком боевике героиней является акула-людоед, пожирающая беспечных купальщиков. За большие деньги из самых современных материалов был создан макет гигантской акулы, позволивший авторам фильма донести до зрителя весь кошмарный процесс пожирания человека акулой. В результате снова фантастические прибыли!

Что же привлекает зрителей в той отвратительной смеси ужасов, жестокости, насилия и секса, какой начинены такого рода фильмы? На Западе объясняют это явление по-разному. Пишут, что настроение всеобщей паники, страха и неустроенности изменило сегодняшнего зрителя по сравнению со вчерашним. Ему, мол, нужны «фильмы ужасов» в качестве лекарства, наркотика от настоящих ужасов окружающей его действительности. К тому же зритель после всех этих киноужасов остается невредимым и спокойно выходит из кинотеатра на улицу, и у него, возможно, возникает даже ощущение уверенности в себе. Продюсер Ирвин Аллен, специалист в этом «ужасном» жанре, признается: «Секрет успешного производства фильма такого рода состоит в том, чтобы построить сюжет вокруг «обычного парня», скажем, продавца из лавки скобяных товаров, и поставить его в катастрофическую ситуацию, из которой он выходит невредимым. Тогда зритель в зале подумает: «Если уж этот парень смог выпутаться, то чем я хуже его».

Существует и другая точка зрения. Считают, что современного кинозрителя уже ничем не прошибешь, что он потерял способность что-либо воспринимать и его можно встряхнуть только с помощью сильнодействующих средств. Социолог Эрих Фромм так объясняет тягу современного американца к теме насилия: «Человек все более отчуждается от самого себя и от других. Он страдает от хронической депрессии, чувства бессилия и загнанности. У него нет ни веры, ни идеала целенаправленной жизни. Он оказался во власти безжизненного мира полной технизации и бюрократизации, в котором человек становится придатком машины. Он превратился в самодействующий товар, почти не обладающий чувствами».

Есть и еще более глубокое объяснение феномена «фильма ужасов». Так, американская газета «Дейли уорлд» пишет: «Нет сомнения в том, что культ насилия является важным аспектом процесса дегуманизации. Он помогает поддерживать буржуазное общество, а во времена кризиса готовит почву для появления тех сил, которые оказывают массовую поддержку реакции. Культ насилия может выполнять также роль знаменосца реакционных и пессимистических идей о человеке и обществе, которые подрывают борьбу рабочего класса за ликвидацию капитализма и учреждение нового социального порядка». Близкое к этой точке зрения мнение высказывает критик Жерар Брен: «В этих фильмах используются изощренные технические приемы (широкий экран, ультра- и инфразвук), которые буквально «раздавливают» зрителя и создают у него ощущение бессилия».

Естественно, что «волна ужасов» захлестнула и телевидение. Но у последнего, помимо этого недуга, есть и другая болезнь.

Будучи в Вашингтоне, я в течение почти двух часов наблюдал по цветному телевизору процедуру приводнения вернувшихся со «Скайлэба» космонавтов. Передача на меня произвела большое впечатление. Но еще больше поразило то, что даже эта, можно сказать, историческая передача прерывалась коммерческой рекламой, прославлялись присыпка от пота, средство от геморроя, стиральный порошок и т. п.

Кто навязывает вкусы и мнения? Богатые фирмы. Они платят до 60 тысяч долларов за 60 секунд рекламного времени. Что такое это рекламное время? Вакханалия потребительской философии. Профессор Гарвардского университета О. Тэйлор пишет, что «американцы набивают себе головы кадрами благополучной жизни, интересуются только предметами потребления и не задаются вопросами о положении дел в собственной стране и в мире вообще». Конечно, эта характеристика относится далеко не ко всем американцам, но она вполне выражает то, к чему логически ведет засилье рекламы на телевидении.

Свыше 60 миллионов семей в США имеют телевизоры. Ежегодный доход коммерческих телестудий — 4 миллиарда долларов в год. Немало? Еще бы! Телевизионно-рекламный бюджет одной только фармацевтической промышленности составляет 100 миллионов долларов в год.

Опошление телевизионных передач коммерческой рекламой — далеко не единственная болезнь американского телевидения. При этом надо учитывать, что любой недостаток этого средства информации в США имеет резонанс поистине огромный. Подавляющее большинство американцев, которым сегодня по тридцать с небольшим лет, во многом познавали и познают жизнь через посредство телевизора. Подсчитано, что средний американец проводит перед его экраном ежедневно 3 часа 40 минут. Таким образом, к 18 годам он имеет за плечами 22 тысячи часов, так сказать, «телевизионного образования». А маленькие дети, как правило, смотрят телевизионные программы гораздо чаще, чем взрослые. К моменту поступления в школу они уже знают об окружающем их мире во много раз больше, чем знали их бабушки и дедушки. Отсюда понятно, что традиционные формы и методы школьного образования устарели. И выходит, хорошо это или плохо, телевидение во многом взяло на себя функцию воспитания американцев. Чему же оно их учит?

После того как настоящий художественный вкус у зрителей отбит рекламой, на смену ей идет насилие, оно на телеэкране занимает второе место вслед за рекламой. Детектив и гангстер, шериф и уголовник — вот главные герои бесконечной серии телефильмов и обычных фильмов (старых), демонстрирующихся по сотням каналов (в США насчитывается около 500 телестудий).

Вот свидетельство очень широко распространенного американского журнала «Ридерс дайджест»: «Телевидение представляет собой сплошной поток насилия, который накачивают в наши дома». Тот же журнал сообщает: подсчитано, что из каждых пяти часов вечерних передач четыре часа посвящены насилию; в среднем в час демонстрируется восемь эпизодов насилия. И снова и снова все тот же ключ, которым открывается этот ларчик. «Поток телевизионного насилия вызван одной причиной: он приносит прибыль»,— констатирует «Ридерс дайджест».

На телеэкране можно увидеть не только рекламу и кровь. Нередко передаются по-настоящему интересные программы (как развлекательные, так и на серьезные темы), но обилие на телевидении рекламы и насилия неизбежно приводит к тому, что количество низкопробных кадров переходит в общее низкое качество американского телевидения в целом, отнюдь не способствующего тому, чтобы люди и жизнь улучшались.

Профессор Роберт Хатчинс, бывший ректор Чикагского университета, пишет: «Телевидение могло бы стать новым и мощным орудием просвещения. Вместо этого нам продают мыло, пиво и развлекательные программы, составленные с одной только целью: держать зрителя в постоянном напряжении от одной рекламной вставки до другой. Использование книгопечатания только для производства комиксов — вот какие ассоциации вызывает американское телевидение».

Так же, как и в кино, показ на телеэкране всевозможных ужасов с самыми натуралистическими подробностями стал прибыльным бизнесом. Если раньше «индустрия грез» убаюкивала зрителя, то сегодня «индустрия ужасов» бьет по его психике, воле и разуму.

Юлиан СЕМЕНОВ

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

ТРЕТЬЯ КАРТА

ГАННА ПРОКОПЧУК (V)

Начальник архитектурной мастерской СС Герберт Эссен с каждым днем был все более мягок с Ганной, подолгу простаивая у нее за спиной, наблюдал, как она работала.

Воспитанный в Берлине, прошедший трехлетнюю практику в Сан-Франциско и Лондоне, СС штурмбаннфюрер Герберт Эссен был талантливым архитектором. В отличие от коллег, считавших патриотическим долгом громко ругать все иные школы, кроме готической, он позволил себе не соглашаться с мнением подавляющего большинства членов Германской гильдии художников.

«Мы должны брать все лучшее в мире и обращать на пользу нашего дела»,— эта его открыто высказываемая концепция находила поддержку в ведомстве хозяйственного управления СС,— обергруппенфюрер Поль был человеком рациональным, а всякий истинный рационализм предполагает допуск определенной смелости мышления.

Наблюдая за работой Ганны Прокопчук, любуясь точностью и смелостью ее решений, Эссен решил было попросить Поля перемолвиться с кем-либо в институте антропологии, подчиненном рейхслейтеру Розенбергу. Ганна была шатенкой с голубыми глазами; фигура у нее была великолепная, уши не оттопыривались — кто знает, быть может, ее мать подходит к типу нордического характера, и тогда расовая комиссия сможет утвердить талантливого архитектора истинно немецким зодчим.

Поль выслушал Эссена и покачал головой.

— Дерзайте, но до определенной меры, Герберт,— посоветовал он,— не считайте, что *нужность* дает индульгенцию на дерзость. Используйте ее работу в наших целях, вам никто не запрещает этого. Можете улучшить ее положение, прибавьте паек, я готов дать ей литер на проезд по Саксонии — пусть познакомится с нашей архитектурой, но не больше. Поглощать всегда лучше, чем раздавать. Может быть, во мне говорит хозяйственник, а не христианин, но тут уже ничего не поделаешь — профессия формирует человека по своим законам.

— Архитектура — это искусство, обергруппенфюрер, а люди искусства прощают все и принимают все, но они не могут работать как хорошо оплачиваемые невидимки. Каждое интересное здание талантливого архитектора обязательно отмечается медной табличкой с фамилией автора проекта. Прокопчук имеет такие таблички в Бразилии, Голландии и Мексике.

— Я очень сожалею, Герберт, но это не тот вопрос, чтобы я шел к рейхсфюреру или к Розенбергу,— более низкий уровень *не поймет* мою просьбу.— И, обозначив паузой, что к этой теме больше возвращаться нет смысла, Поль спросил: — Как у вас дела с типовыми проектами?

— Мы закончили привязки. По-моему, планировка получилась довольно удачной. Особенно для тех лагерей, которые надо будет строить в России. Я решил учесть национальный момент: славяне сентиментальны, поэтому строгость Дахау или Равенсбрюка будет действовать на них угнетающе. Небольшой сквер, окна — чуть больше по размеру — это мелочь, но, по-моему, такая мелочь, которая будет стимулировать труд, а не гасить его. Я решил предусмотреть летние площадки для театра, волейбольные поля, небольшую библиотеку — надо помнить, что четверть века Россия жила по законам коллективной собственности.

— Это трудно проходимо, Герберт. Вы не попали под влияние украинской архитекторши, а? — засмеялся Поль, и тело его мягко заколыхалось в большом кожаном кресле.— Сентиментальность надо ломать *непереносимой* строгостью.

Эссен любовался работой Ганны, медленно затягиваясь длинной, дамской сигаретой. Эти сигареты ему подарили в секретариате Поля — люди обергруппенфюрера в последнее время часто летали в Болгарию, а там отменный табак — сухой, ароматный, резкий.

— Вы чувствуете линию еще до того, как берете карандаш? — спросил он, воспользовавшись паузой в работе женщины.

— Не знаю,— ответила Ганна, обернувшись.

Эссен заметил, как женщина посмотрела на сигарету. Он протянул ей пачку:

— Оставьте себе.

— Благодарю.

— У нас сейчас трудно со снабжением. С табаком дело особенно плохо. Я постараюсь выхлопотать для вас карточки на табак. Только не курите при моих сотрудниках,— он вздохнул,— у нас не любят курящих женщин. Считают, что именно в них заключен порок.

— Я буду курить дома.

— Дома,— задумчиво повторил Эссен,— мы что-нибудь придумаем с вашим делом. Пройдет месяц-другой, и я, пожалуй, помогу вам с комнатой в черте города. Только не торопите меня.

— Вы очень добры... Ответа из Парижа еще нет?

— Я бы сразу поставил вас в известность.

— Как долго может идти ответ?

— Я, пожалуй, снесусь с комендатурой в Кракове. Напишите мне адрес ваших детей. Только один вопрос...

— Пожалуйста.

— Муж. Вы замужем?

— Формально — да.

— Ваш муж не был коммунистом или социал-демократом? Левым, одним словом?

— Нет. Он вне политики.

— Еврей?

— Настоящий, истовый католик.

— Истовый — это тоже плохо. Но, во всяком случае, с левыми он не был связан: для вас это лучше, для меня — хуже.

— Почему?

— Будь он левым, ответ пришел бы немедленно, они все на учете. Ну ничего, это выход — я снесусь с Краковом, не дожидаясь ответа из Парижа. Продолжайте работать, как работали,— мне будет легче добиваться для вас всяческих льгот.

...Двадцатого июня Эссен разбудил Ганну — он приехал за ней в три часа утра.

— Что с вами? — спросил он.— Не тряситесь так, пожалуйста. Мы вылетаем в Краков, я решил взять вас вместе с нашей группой.

— Сейчас, я сейчас,— не в силах удержать дрожь, повторяла Ганна, не понимая, видно, что стоит перед ним неодетая,— я сейчас, одну только минуту подождите меня, я сейчас.

Эссен не имел права брать Ганну. Он понимал, что стоило официально запросить Поля, и тот наверняка отказал бы: славянку в зону, которая послезавтра станет прифронтовой!

Но он помнил о просьбе этой талантливой женщины и решил, что поскольку путь их будет лежать через Краков, то почему бы не сделать ей добро? Работает она великолепно, и хотя Поль не поддержал его идею о качественно новом оформлении трудовых лагерей для славян, которые будут содержаться там как сельскохозяйственные и заводские рабочие, он все же решил эту свою убежденность опробовать на Ганне — в конце концов ему предстоит работать с ней, а не обергруппенфюреру. Пожалуй, из всех его сотрудников она быстрее остальных поймет на месте, как надо проектировать, схватит все основные узлы, а он будет заниматься лишь общими проблемами, проецируя тот лагерь, который был наспех создан возле Кракова, на все будущие лагеря (прежде всего для военнопленных, как сказал Поль).

Ганна вышла через пять минут — лицо ее было бледным до синевы.

— А где же сумка? — мягко улыбнулся Эссен.— Мы летим на пять дней. Надо взять мыло, полотенце, белье.

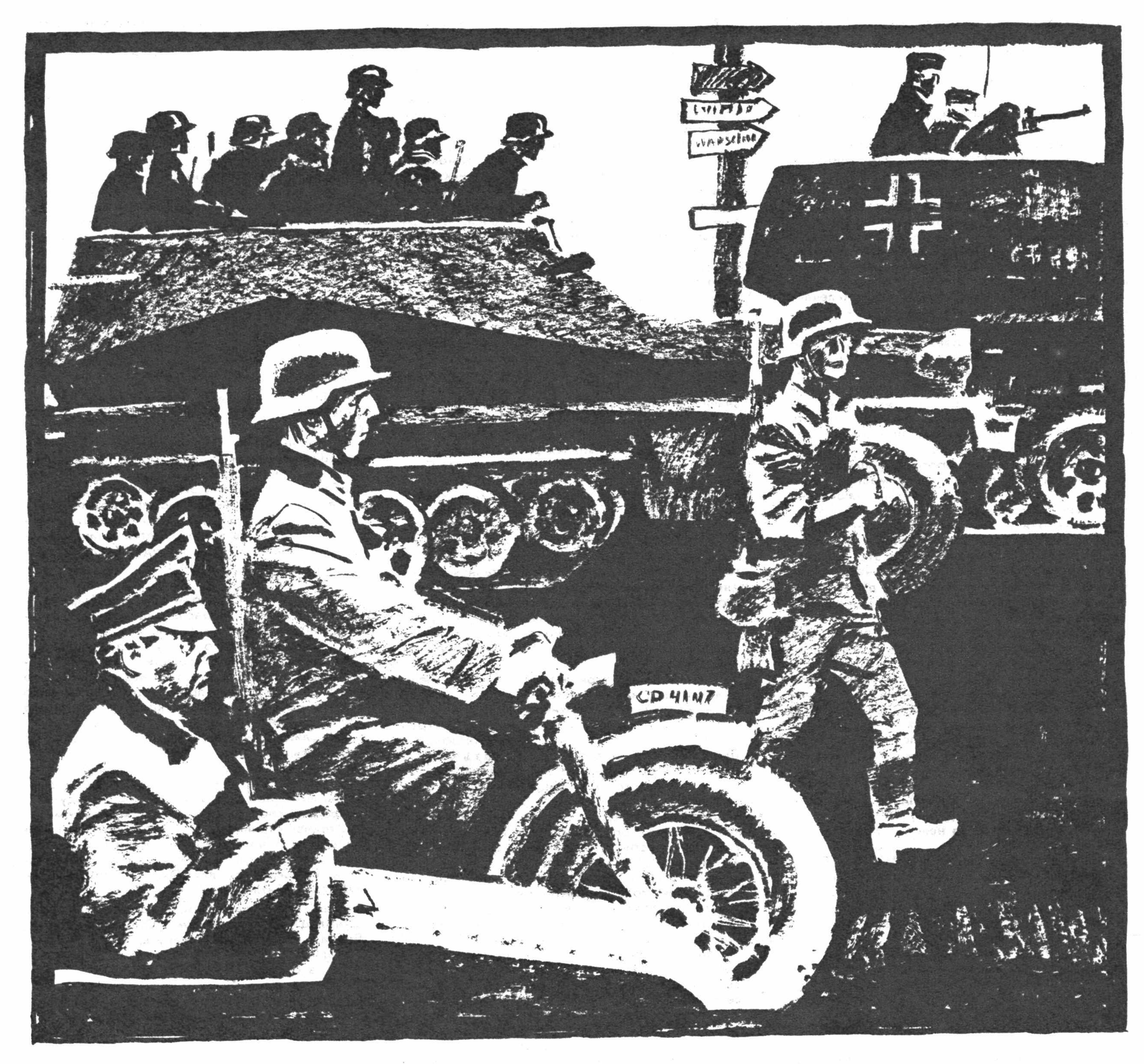
— Хорошо, сейчас, хорошо, я сейчас...

Эссен закурил, подумав о том, что до сих пор не выполнил своего обещания — он говорил Ганне, что достанет ей карточки на сигареты.

«На фронте можно будет запастись табаком,— подумал он.— Война развращает трофеями, но это так прекрасно — суровые и щедрые трофеи войны. Мужчина и в обычной жизни завоеватель, он всегда стремится вперед. Физиологически, кстати, тоже. Победив женщину, которая стала женой, он считает ее поверженной державой и стремится к новым завоеваниям. А женщина подобна начальнику тыла — она тщится закрепить полученное: и физиологически все сходится. Женщина всегда прагматичней в удержании наслаждений».

Эссену понравилась эта мысль, и вообще он сам себе сейчас нравился, он видел себя со стороны: пятидесятилетний человек, в модном костюме, который *смеет* брать с собой инокровку, отправляясь на границу, чтобы посмотреть лагеря, которые ему предстоит строить для других инокровцев. Сумасшедшая, внезапная радость охватила его от сознания своей спокойной и уверенной силы, от того, что он властен поступать так, как ему поступать хочется.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 37—46.

Ганна вышла, накинув на плечи толстую вязаную кофту. В руках у нее был маленький баул.

— Вы поразительны,— заметил Эссен,— я пока не встречал ни одной женщины, которая бы умела так быстро собраться.

Он взял из ее ледяных пальцев баул и пропустил вперед, уважительно распахнув перед ней скрипучую, со щелями, дверь барака.

В дребезжащем, холодном военном самолете Эссен сказал ей, что на обратном пути они остановятся в Кракове — он поможет ей найти родных.

— Вам это было очень трудно,— утвердительно сказала Ганна.— Судя по всему, было очень трудно добиться такого разрешения.

— Я его не добивался,— ответил Эссен.— Я просто хочу вам помочь. Так что головы нам будут снимать обоим.

Его высочеству главе
королевского итальянского
правительства
Бенито Муссолини, Рим.

Дуче!

Я пишу Вам это письмо в тот момент, когда длившиеся месяцами тяжелые раздумья, а также вечное нервное выжидание закончились принятием самого трудного в моей жизни решения. Я полагаю, что не вправе больше терпеть положение после доклада мне последней карты с обстановкой в России, а также после ознакомления с многочисленными другими донесениями. Я прежде всего считаю, что уже нет иного пути для устранения этой опасности. Дальнейшее выжидание приведет самое позднее в этом или в следующем году к гибельным последствиям...

...Русские имеют громадные силы — я велел генералу Иодлю передать Вашему атташе у нас, генералу Марасу, последнюю карту с обстановкой. Собственно, на наших границах находятся все наличные русские войска. С наступлением теплого времени во многих местах ведутся оборонительные работы...

...Но я ни на секунду не сомневаюсь в крупном успехе. Прежде всего я надеюсь, что нам в результате удастся обеспечить на длительное время на Украине общую продовольственную базу. Она послужит для нас поставщиком тех ресурсов, которые, возможно, потребуются нам в будущем...

...Если я Вам, дуче, лишь сейчас направляю это послание, то только потому, что окончательное решение будет принято только сегодня в 7 часов вечера. Поэтому я прошу Вас сердечно никого не информировать об этом, особенно Вашего посла в Москве, так как нет абсолютной уверенности в том, что наши закодированные донесения не могут быть расшифрованы. Я приказал сообщить моему собственному послу о принятых решениях лишь в последнюю минуту.

Материал, который я намерен постепенно опубликовать, так обширен, что мир удивится больше нашему долготерпению, чем нашему решению, если он не принадлежит к враждебно настроенной к нам части общества, для которой аргументы заранее не имеют никакого значения...

...В заключение я хотел бы Вам сказать еще одно: я чувствую себя внутренне снова свободным, после того как пришел к этому решению. Сотрудничество с Советским Союзом, при всем искреннем стремлении добиться окончательной разрядки, часто сильно тяготило меня. Ибо это казалось мне разрывом со всем моим прошлым, моим мировоззрением и моими прежними обязательствами. Я счастлив, что освободился от этого морального бремени.

С сердечным и товарищеским приветом.

Гитлер.

НАЧАЛО КОНЦА МОЖНО ПРЕДСКАЗАТЬ. (21.6.1941)

Диц заехал за Штирлицем в гостиницу около семи часов вечера. Небо было высоким, знойным, бесцветным. Над площадью Старого Рынка взвивались голуби; быстрые крылья их трещали, как деревянные. Высоко над крышами гомонливо, радостно и свободно метались стремительные, словно тире, ласточки.

— «Нахтигаль» начал движение из Жешува к Сану. Думаю, нам стоит послушать выступление Бандеры — он должен напутствовать своих легионеров.

— Вы все-таки пробились к нему через абвер? — спросил Штирлиц.

— Это оказалось не слишком уж трудным делом.

— Смотря для кого. Фохт сказал мне, что вы растете не по дням, а по часам.

— Кто дал ему право выносить такого рода суждения?

— Не понял? — сыграл Штирлиц.— Почему так резко?

— Он не знает нашей работы, всего ее объема. Мы в конце концов лишь сотрудничаем с ним, временно сотрудничаем.

— Он руководитель группы. Номинальный. Во всяком случае,— добавил Штирлиц и сразу же поймал себя на том, что подражает Магде. Она проговаривала фразу быстро и точно, а потом — в этом выявлялось ее женственное начало — добавляла что-то, смягчающее резкость формулировки. Это было похоже на то, как мать, отругав дитя, сразу же привлекает к себе и начинает молча гладить по голове. Теплой ладонью.

«Это снова от нее,— понял Штирлиц.— Говорят, дурное заразительно. Неверно. Доброе куда более заразительно, чем дурное. Если, конечно, добро при этом не выступает в одеянии святоши. Добро обязано уметь лихо ездить на мотоцикле, плясать фокстрот и пить вино. Эти внешние атрибуты привычного зла истинному добру не мешают...»

Машина неслась по дороге к Жешуву: леса казались синими, слышалась громадная тишина окрест; не было ни военных машин, ни солдатских колонн, ни патрулей.

«Как же они умело маскируются,— подумал Штирлиц.— Как слаженно работает их машина... А вдруг действительно все это большая игра в провокацию? — ожгло его.— Вдруг они не начнут завтра? Что, если я стал для них к а н а л о м и они играют с Москвой, давно разгадав меня?»

Он зажмурился на мгновение, потер веки пальцами, закурил, заставил себя не думать об этом ужасе — возможном ужасе.

— Как Мельник? — спросил Штирлиц только для того, чтобы не было тишины.

— Это станок, а не человек. Он поднялся. Ему посадили на задницу трех пчел — невероятная дикость! — и он поднялся. Что вы хотите, славяне... Конечно, он во многом проигрывает Бандере, вы правы...

— Я не считаю, что он проигрывает Бандере в чем-либо,— возразил Штирлиц.— Я так никогда не считал, Диц.

— Значит, я вас тогда неверно понял? — осторожно спросил Диц.

— Неверно. Ведь в Загребе Мачек и Павелич нам были нужны в равной мере. Нет?

— Хорватии была уготована иная участь.

— Тоже верно. И тем не менее вы меня неверно поняли, дружище... Почему вы сравнили Мельника со станком?

— Он может работать бесконечно, если его не «выключить». Он сейчас исследует долгосрочную политику на Украине. Нашу долгосрочную политику,— добавил Диц многозначительно.

— Перепрыгивает через этап? Почему?

— Видимо, он думает, что «ближнюю политику» достаточно четко «сработает» бандеровский «Нахтигаль».

— Вы считаете, Мельник хочет уравнять Бандеру с собой?

— То есть? — не понял Диц.

— Мельник был военным шпионом.

— Очень интересная мысль,— чуть улыбнулся Диц.

— Дарю,— сказал Штирлиц.— И забываю о подарке.

— Спасибо. Вероятно, вы правы. Он хочет сквитаться. Занятный нюансик...

— Что, что?!

— Я говорю, нюансик занятный. Когда оба выварены в дерьме, тогда равные шансы отмыться.

— Что касается «нюансика», не знаю, а по поводу «отмыться» — очень мудро, Диц, очень мудро.

Штирлиц снова был подобран и напряжен: он впервые встретился сегодня с Дицем с глазу на глаз после того случая с Еленой. Каждый из них понимал, что встреча эта должна определить очень многое, если не все.

Диц знал, что гестапо имеет своих людей в системе политической разведки Шелленберга. Штирлиц, в свою очередь, был убежден, что шеф не смог до сих пор получить ни одного «опорного пункта» в ведомстве Мюллера. То, что произошло два дня назад в краковской военной гостинице, когда Диц нарушил закон о чистоте расы, ставило двух этих людей в положение совершенно исключительное.

Существует, однако, опасность исключительного. Являясь по внутренней сути своей фактом о п е р е ж а ю щ и м, исключительное становится неким оселком проверки человека на прочность, выдержку, скорость и самоконтроль. Иной, оказавшись в ситуации исключительной, тщится обратить на себя, на внешнее выявление своей личности, часть этого не познанного еще состояния в р е м е н и. В этом случае сплошь и рядом высокое оборачивается низким, трагедийное — фарсом, мудрое — смешным.

Не все понимают и чувствуют суть исключительного. Чаще всего этим даром чувствования обладают музыканты и литераторы. Этим даром — в определенной степени — обладал Штирлиц. Он поэтому не торопил события, справедливо полагая, что если свершилось нечто исключительное, то проявлять торопливость, настойчивость, радость, юмор, силу — значит, в конечном счете проиграть выигранное.

Он исходил в своих рассуждениях из той данности, каковой являлся Диц. Штирлиц был убежден, что самое понятие «исключительного» тот проецирует лишь на себя одного только потому, что уверовал в свою арийскую особость. Тогда как исключительное — это тот или иной пик с о с т о я н и я человеческого духа, который влияет на последующие события. Он был прав, Штирлиц. Действительно, после того с л у ч а я Диц испугался, затаился, но не для того, чтобы нанести удар, а потому лишь, что наивно ждал, когда все з а б у д е т с я. Ничто не забывается — ни слово, ни поступок. Тот, кто верит, что можно забыть, тот ближе к плоти, чем к духу, ближе к животному, чем к человеку.

Штирлиц ждал этой встречи, он был убежден, что Диц захочет остаться с ним наедине. Он наметил ряд возможных линий поведения гестаповца, и каждую из этих линий проиграл в воображении, чтобы точно подстроиться к Дицу, когда тот будет п р е д л а г а т ь себя.

Штирлиц понимал, что на человека нельзя ж а т ь; на такого, как Диц, особенно. Если противопоставить ему методы, которые тот исповедовал, ничего путного не получится: всегда легче бороться против того, что тебе хорошо известно. Значительно труднее ждать неизвестного. Только это, считал Штирлиц, позволит ему держать Дица в руках, только это заставит того выдавать «смежную» информацию, которая поможет Штирлицу в служебном росте — чего же еще он мог добиваться компрометацией в отеле, как не этого?

Допуск вероятностей, подчас совершенно фантастический,— удел людей высокоталантливых, отмеченных искрой божьей. Диц не мог себе представить, зачем он нужен Штирлицу, кроме как для того, чтобы строить благополучие на костях ближнего. Он будет отдавать Штирлицу часть своей информации — ему ничего не остается делать. Он заставит Штирлица поверить в то, что он его друг. Пусть старается. Этого Штирлиц и желал.

...«Оппель-адмирал» свернул с пустынного асфальта шоссе Краков — Жешув на хорошо грейдированный проселок возле Дебицы, и через пять — семь километров Штирлиц увидел иную жизнь. В синих сумерках то здесь, то там урчали танки; армейские патрули светили в глаза острыми лучами карманных фонариков, проносились — в клубах серой, изрезанной подслеповатыми щелочками фар пыли — грузовики с солдатами; до границы оставалось совсем недалеко — через Жешув на Перемышль.

— Война,— тихо, словно самому себе, сказал Штирлиц и закрыл глаза.

— Да. Война и конец войне одновременно.

— Война и конец войне одновременно,— повторил Штирлиц, не открывая глаз: мимо их «оппеля» проходила колонна артиллерии; пушки были короткоствольные, сильные; солдаты ехали на тягачах — с засученными, как у мясников, рукавами, белозубые, безглазые — темные, пыльные провалы в надбровьях, будто вампиры, и Штирлиц не мог смотреть на них, он не мог заставить себя спокойно на них смотреть, потому что представлял, до холодного ужаса представлял, как взрывающая сталь, которая несет смерть, обрушится на его сограждан, которые сохраняют спокойствие и которые не ударяют первыми («Может быть, не могут? Тогда еще страшней, господи!»), и которые сейчас слушают оперетту по радио, и возвращаются с танцев из клуба, и любуются младенцем, разметавшимся в маленькой кроватке, и сидят над книгой, и шепчут первые слова любви — неумелые, нежные, тихие...

...«Нахтигаль» был построен тесным, душным каре. Легионеры стояли при полной выкладке — с автоматами на груди, увешанные длинными, у д о б н ы м и гранатами, с кинжалами в тяжелых металлических чехлах, сохранявших форму тесака — резкую, острую, кровавую — на поясах.

Стецко стоял в центре каре, в окружении Оберлендера, Херцнера, Шухевича, Лебедя и капеллана Гриньоха. Стецко был бледен, это заметно было даже в ночи, и его тонкие ноздри подрагивали, словно он надышался белого и мягкого кокаина.

— Братья! — громко, протяжно, как кавалерийский офицер, прокричал Стецко.— На рассвете вы ступите на землю Украины! Вы ступите на землю большевиков! Великий вождь немецкой нации и новой Европы Адольф Гитлер показал на деле, что, прежде чем нести свободу другим, надо выкорчевать зло у себя дома. Пример великого фюрера должен быть для вас священным. Да пусть не дрогнет ваша рука! Да пусть не закрадется в ваше сердце сомнение! Вперед, к победе! Хайль Гитлер!

Каре протяжно ответило:

— Зиг хайль!

«Хитро сказал Стецко,— отметил Штирлиц.— Мельник, значит, напрасно надеялся уравняться с бандеровцами в «грязи».

Штирлиц несколько раз уже замечал, что чувства его обгоняют события. Он не понимал еще, что должно случиться, но то, что нечто важное сейчас произойдет, обязательно произойдет, он ощущал кожей, холодом в пальцах, колотьем в сердце — не мыслью.

Штирлиц почувствовал верно — следом за Стецко вышел Лебедь.

— Братья! — тихо сказал он, словно перед ним не тысяча вытянулась, а пять человек.— Легионеры! Вас с затаенным ужасом ждут комиссары, исполкомовцы, чекисты, комсомольцы, профсоюзники — украинцы по крови. Не тешьте себя иллюзиями — украинский комиссар такой же враг нам, как комиссар московский, как жид или лях. Око за око! Зуб за зуб! Хайль Гитлер!

«Ишь, как расписали,— яростно подумал Штирлиц.— Все по нотам. Стецко — политик, Лебедь — хоть и зовет карать, но тоже льнет к политике. А сейчас они должны позвать к крови в открытую, чтоб все ступеньки пройти, ни одну не проскочить...»

Маленький, жилистый, с истерикой в глазах легионер, стоявший ближе всех к Стецко, возле желто-блакитного знамени, протяжно завыл:

— Смерть коммунии!

— Смерть!

«Вот оно как,— понял Штирлиц.— Только намекнуть надо вождю — паства уже заранее подготовлена к крови. Ну, сволочь вождь, из прохиндеев, ну, отольется тебе горе, ублюдок ты этакий...»

Роман Шухевич выкрикнул:

— Хай живе Степан Бандера!

— Хай живе!

— Зиг! — крикнул Шухевич срывающимся голосом.

— Хайль! — ответило каре.

Когда танки, пройдя пограничную полосу, сшибли полосатые столбы, когда по дымному полю, над которым вились едкие дымы, поднимавшиеся из свежих, кровоточивших еще кровью земли воронок, двинулись войска, Ярослав Стецко, стоявший рядом со Штирлицем, опустился на колени и, заплакав, начал истово креститься, повторяя:

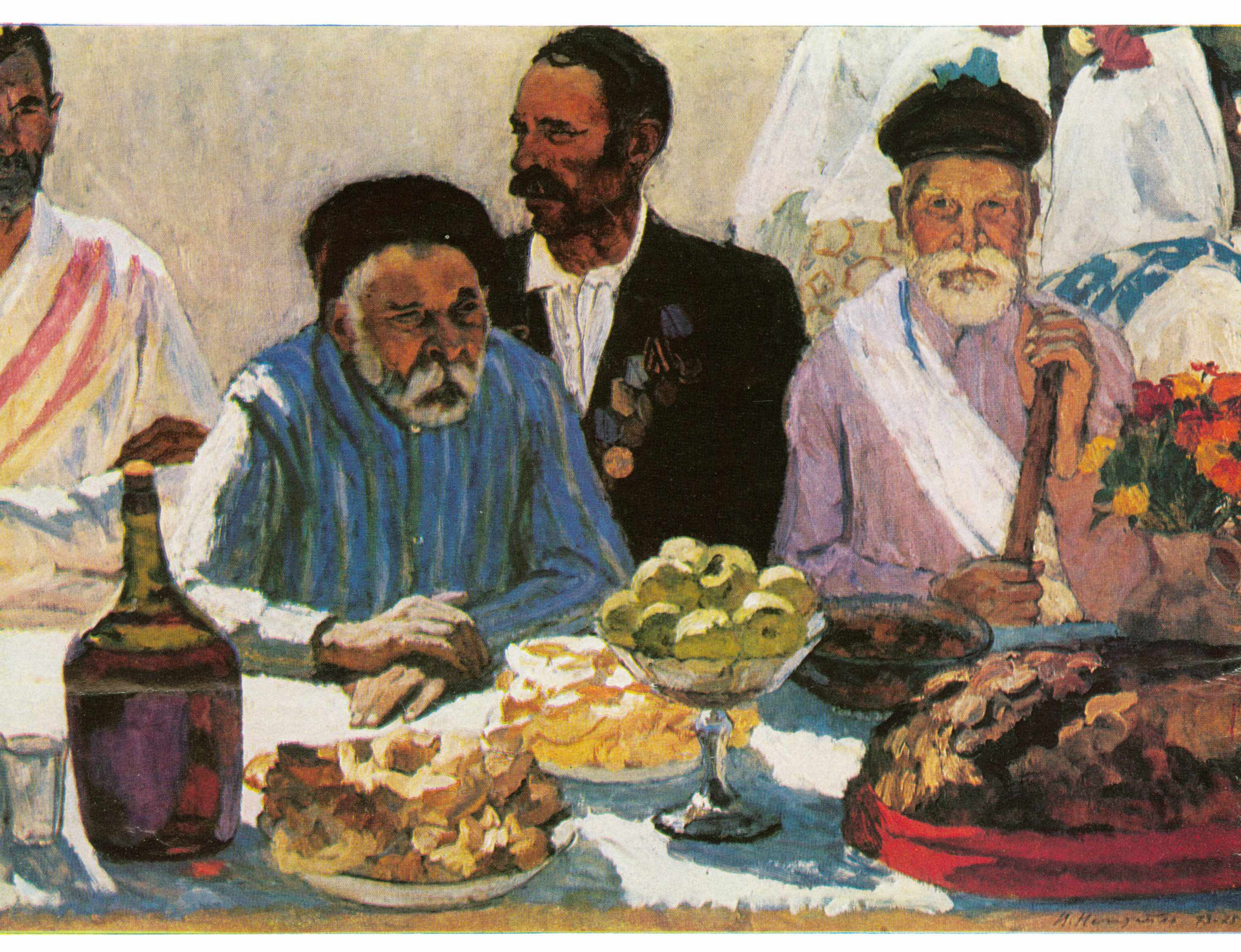
— Все, господи, все! Услышал ты нас, спас и воскресил...

Штирлиц вытер пот с висков:

— Хватит вам! Здесь зрителей нет! — и, обернувшись к Дицу, сказал устало: — Едем, а?

В. Игошев. Род. 1921. Из серии «ЛЮДИ ТАЕЖНОГО ПОСЕЛКА». Н. С. АНИМКУРОВ. 1975.

В. Нечитайло. Род. 1915. ЖДУТ ЖЕНИХА И НЕВЕСТУ. 1974—1975.

* * *

Лишь через три дня после начала войны головные части семнадцатой армии Штюльпнагеля смогли сломить сопротивление Красной Армии в Перемышле. «Нахтигаль», который шел следом за немцами, ворвался в городок. Именно здесь, в приграничье, жил тот дядька Остап Буряк, который говорил Миколе и его отцу Степану про то, как живут украинцы под Советами.

Рейзер вместе с тремя легионерами прыгнули в юркий, крашенный зелено-желтыми разводами бронетранспортер и, глянув в список, прогрохотали по тихой, замершей улочке Петровского к дому номер 9.

Мазаный домик казался голубым — так был он чист и заботливо выбелен. Аист, устроившийся на крыше, смотрел на людей надменным круглым глазом и вертел длинным клювом, словно жеманная красавица веером.

Рейзер кивнул легионерам, и они вышибли ногой калитку, ворвались во двор, полоснули очередью пса, который кинулся им в ноги, и ворвались в дом — одним махом: через дверь и дзенькнувшее окно.

Тот легионер, что махнул через окно, окровянился и, словно бы дождавшись этого, желанного, бросился на единственного мужчину, который сидел за столом, а рядом с ним была женщина с младенцем на руках, девочка и трое мальцов — тихие, пепельно-серые.

Он вытащил мужчину из-за стола, и женщина закричала тогда, и заплакали мальцы. Один из легионеров ударил женщину ногой в живот, и она, умолкнув, рухнула. Они выволокли мужчину, который не сопротивлялся им, затолкали его в бронетранспортер, и только там, в грохоте, спросили:

— Остап Буряк?

— Так.

— Начальник почты?

— Был.

— Имеешь родню в Люблинщине?

— Имею.

— Письма им слал?

— Слал.

Тот легионер, что порезался, прыгая в окно, схватил Буряка за уши, ловко наклонил его лицо вниз и два раза быстро ударил острым, жилистым коленом по носу и бровям.

— За что ж, паны добрые? — спросил Остап, поднимая к легионерам лицо, сделавшееся синим, а потом багровым, а после кровавым — в быстрых черных подтеках. Губы его сразу же вспухли, сделались белыми поначалу, а потом посинели, и изо рта потекли быстрые струйки крови.

Его вытащили из бронетранспортера, и он увидел вокруг себя каре, и лица людей в немецкой форме казались смазанными, похожими одно на другое, но среди этих похожих лиц он увидел вдруг Миколу, и застонал, и потянулся к нему, и командир Роман Шухевич быстро переглянулся с Рейзером.

— Микола,— сказал Шухевич,— знаешь его?

— Так то ж дядька Остап,— ответил побледневший хлопец.

— Хорошо, что сразу признал,— сказал Шухевич.— А ну, спроси его так, как вас наставники учили.

Микола вышел из каре, приблизился к Буряку и с ужасом поглядел в его синее лицо.

— Ну! — подбодрил Шухевич.— Давай, Микола. Люди ждут: устали люди, завтра снова в путь, отдохнуть надо...

— Спрашивай,— сказал Остап ровным голосом, поняв, видно, участь свою.— Ты спрашивай меня, Миколка, я отвечу, сынок.

— Ты большевик, дядька Остап?

— Не, сынок. Я не большевик.

— Ты на Советы работал?

— Работал, сынок. Работал я на Советы...

— Они заставили тебя?

— Не, Микола. Не заставляли. Я до них сам пришел.

— Мучили они народ?

— Не, Микола. Не мучили. Не мучили,— повторил Буряк,— может, где в ином месте мучили, а здесь мучений не было. Не было у нас мук, Микола, у нас жизнь добрая была под Советами.

Шухевич тонко крикнул:

— Микола, перед тобой большевистский наймит! Он предатель! Он продался им! Казни его так, как мы будем казнить всех предателей на Украине!

— Так то ж дядька Остап,— сказал Микола, обернувшись к Шухевичу.— Какой же он предатель?

— Тот, кто покрывает предателя,— сам предатель, Микола! — крикнул Шухевич.— Легион ждет!

— Да нет,— сказал Микола.— Пусть он отоспится, он же избитый весь...

Шухевич обернулся к легионерам:

— Степан!

Из каре вышел длинный, медлительный парень; он неспешно приблизился к Остапу, долго смотрел в его лицо, побелевшее под черной кровью, потом достал из ножен кинжал и протянул его Миколе:

— Держи, браток. В поддых. Бей с оттягом.

Микола попятился от длинного, медлительного парня, и тогда тот, став броским и быстрым, ударил невидным движением Остапа и, не обернувшись даже на упавшего, пошел в строй.

* * *

Через час после казни Шухевич, не дав легионерам отдыха, поднял людей по тревоге и погнал шляхом на Львов, чтобы войти в город вместе с немцами. Приказ этот, поступивший от Бандеры, был и для Шухевича неожиданным, но судя по тому, что Оберлендер согласился с «вождем», все было согласовано «наверху». Надо, значит, надо: «Вперед, к победе, хайль!»

«Центр.

Среди аппарата РСХА заметна растерянность — всенародное сопротивление агрессии, то сопротивление, которое оказывают части Красной Армии и пограничники, видимо, кажется «коллегам» неожиданностью — и Бандера и Мельник говорили прямо противоположное, уверяя своих руководителей, что народ Украины будет встречать Гитлера как освободителя. На самом деле бои идут кровавые, украинское, русское, польское население здешней местности уходит в леса, начинаются диверсии против агрессоров — неорганизованные еще, правда, но тем не менее весьма ощутимые. Солдатам запрещено вечерами ходить по оккупированным селам, запрещено ходить по одному, без оружия.

«Нахтигаль» заявил себя с первого часа войны группой опьяневших от крови уголовников: в селе Пидлисном, там, где был организован первый на Западной Украине колхоз, бандеровцы расстреляли весь советский актив, причем расстрелы звеньевых, колхозных бригадиров, орденоносцев проводились на глазах у маленьких детей и родителей.

Появилась листовка (рукописная), рассказывающая о зверском убийстве Василя и Ольги Коцки, соратников Ивана Франко. Вырезана семья легендарного Пелехатого.

Украинцы прячут в своих домах тех, кто уцелел из русских и еврейских семей, невзирая на угрозу расстрела.

Необходима срочная связь.

Прошу выделить — если возможно — украинского чекиста, знакомого с местными условиями: связь необходима постоянная и двухсторонняя. Пароль связника: «Вы совсем не изменились со времен «Куин Мэри». Отзыв: «Вы тоже плыли на этом судне? В каком классе?»

«Во втором».

Юстас».

Когда трескучие мотоциклеты «Нахтигаля» пронеслись по спящим еще улицам Львова, Роман Шухевич склонился к Оберлендеру, сидевшему рядом с ним в тряской люльке, и осевшим от волнения голосом прокричал:

— Сразу на Святоюрскую гору, да?!

Оберлендер молча кивнул головой, поднял на лоб огромные очки, закрывавшие глаза — лицо серое, только зубы ослепительно белы и белки кажутся переливно-перламутровыми.

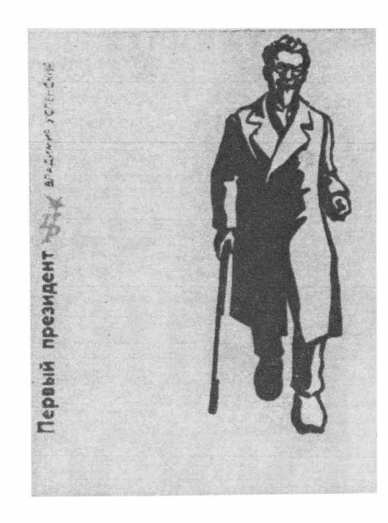
— Волнуетесь? — спросил он.

— А вы?

— А я нет. Как говорится, не сотвори себе кумира.

— Это вы без кумира можете, мы — нет.— Шухевич тронул плечо мотоциклиста и приказал ему: — К Шептицкому!

Продолжение следует.

ПОВЕСТЬ О «ВСЕРОССИЙСКОМ СТАРОСТЕ»

Когда мы произносим наполненные высочайшим смыслом слова «большевик», «профессиональный революционер», «боец ленинской гвардии», в числе первых вспоминаем имя Михаила Ивановича Калинина, соратника Ильича.

Удивительна и замечательна судьба этого человека, и это подтверждает новая книга о Калинине, написанная В. Успенским и выпущенная Политиздатом в серии «Пламенные революционеры».

Крестьянский паренек из бедняцкой семьи села Верхняя Троица, Михаил Калинин уезжает в Петербург, становится рабочим, приобщается к революционной деятельности. Правдивое большевистское слово окрыляло его, указывало единственно правильный и бескомпромиссный путь. Аресты и ссылки не сломили волю Калинина, из всех испытаний он выходит еще более закаленным и последовательным борцом.

Приближался Великий Октябрь. Михаил Иванович активно участвует в событиях. Сразу же после победы революции его выдвигают председателем Петроградской думы. Тяжелое это было время. Вот такие, к примеру, неутешительные вести поступали к новому «городскому голове»:

«— Три четверти трамваев стоят.

— Оранжереи без присмотра, погибнут цветы и редкостные растения.

— В приюты и богадельни не завезли продукты...»

Обыденная, требующая много сил и времени работа. И все-таки он размышляет о переустройстве «муниципального дела», заводит «папку будущего», куда откладывает все важное, что пока не может быть осуществлено. С величайшим трудом преодолевая саботаж старого чиновничьего аппарата, вникая буквально в каждую деталь, налаживает Михаил Иванович работу запущенного и дезорганизованного городского хозяйства.

Когда умер Председатель ВЦИК Я. М. Свердлов, Владимир Ильич Ленин выдвинул кандидатуру Калинина: «Кому же, как не ему, выходцу из крестьян, питерскому пролетарию, опытному партийному работнику, занять этот высокий пост?!»

Вместе со своей страной прошел М. И. Калинин все крупные этапы ее истории — гражданскую войну, годы восстановления народного хозяйства, первые пятилетки, Великую Отечественную. И всегда он — с народом и для народа. За долгие годы плодотворной и самоотверженной работы Калинина в качестве главы Советского государства в его приемную обращалось около восьми миллионов человек. К этому надо прибавить несчетное количество его поездок по стране, выступлений, встреч, статей...

Даже очень коротко рассказать обо всем этом невозможно. И вполне оправдано, на наш взгляд, то обстоятельство, что В. Успенский ограничил хронологию своего повествования, закончив его тем периодом, когда Республика Советов одержала победу на всех фронтах гражданской войны и взяла курс на мирное строительство.

Поставленную перед собой задачу В. Успенский решил достаточно успешно. Правда, встречается в книге досадная облегченность в обрисовке некоторых сцен. Естественному восприятию повествования местами мешает декларативность изложения — там, где слишком обильно используются документальные материалы и общеизвестные факты биографии.

Но основное впечатление — сравнительно небольшая по объему, написанная искренне и увлекательно книга читается с интересом.

А. ХОЛОДКОВ

Владимир Успенский. Первый президент. М., Политиздат, 1975, 446 стр.

Валерий ГАНИЧЕВ

Критики, литературоведы, исследователи по праву считают себя истинными ценителями писательских трудов. Их кропотливый анализ, тонкие сопоставления, искрометные умозаключения дают, казалось бы, самую законченную картину творчества писателя. Все понято, все объяснено, все тщательно расставлено по литературным полкам.

И тем не менее лишь соприкосновение с читателем, с жизнью выверяет истинную крепость литературного сооружения.

Разнесет ли житейскими волнами вскоре после спуска литературный корабль, затрещат ли неплотно сбитые его швы, потупит ли взор его создатель, услышав громко поданную вслед ему реплику: «Ну и угораздило создать такое...» — или нетерпеливой радостью будут встречать его новые произведения тысячи и тысячи благодарных читателей... Кто-то из них составит рабочую команду «бегущего по волнам» творения, другие поедут восхищенными пассажирами. Найдутся и третьи, что станут внимательно наблюдать за его движением с молчаливого и нередко враждебного берега.

Читательская почта — как много может рассказать она о судьбах книг, об этом втором соприкосновении...

В февральский полузимний день 1975 года мы сидели у Шолохова в Вешенской, в уютной угловой комнате его дома. Перед ним на столе лежали сотни писем.

— Почта одного-двух дней. О многом люди пишут. Спрашивают. Требуют. Вопросы ставят... Стараюсь отвечать... Но на все не удается, — с сожалением говорит Михаил Александрович.

— Разрешите познакомиться с почтой, если не секрет, — решаюсь я.

— Нет, секрета особого нет. Познакомиться можно будет. Хотя письма есть и деликатные...

Немало писем идет и в издательство «Молодая гвардия» — тем, кто издает книги Шолохова, — с просьбой переслать их писателю. Все они рисуют прекрасную картину огромной народной признательности.

Нельзя без волнения читать письмо Василия Никифоровича Исаенко из Алма-Атинской области. Он пишет о «Тихом Доне»:

«С этой книгой у меня связаны лучшие воспоминания о моем детстве. Детство, в котором я видел так мало хорошего. «Тихий Дон» — книга, которую я впервые в жизни держал в руках, слушал, как ее читали, а потом сам научился по ней читать. Это был мой первый букварь. «Тихий Дон» — это дорогой подарок от отца, которого я лишился малышом... В начале 30-х годов наша семья жила на пасеке в горах Заилийского Алатау, километрах в 30 от села. Всем было тревожно, шла коллективизация. В горах безобразничали банды кулаков, направляющихся в Китай. Граница была рядом. В короткие зимние дни отец, дядья и двоюродные братья возили лес на кордон, чтобы заработать на хлеб, а по вечерам рассказывали разные охотничьи истории, играли в карты. Однажды отец из города привез разные покупки и две книги: роскошно оформленные рассказы А. Чехова и «Тихий Дон» в скромном картонном переплете с надписью "Дешевая библиотека».

Сначала читали обе книги по очереди. Затем «Тихий Дон» завладел вниманием молодых и старых. Вечером, когда солнце заходило за белоснежные вершины гор и спускались сумерки, после ужина, бабушка убирала со стола, расстилала чистую скатерть, зажигала лампу (в обычное время горела свеча, керосин экономили). Отец доставал с полочки книгу и начинал читать. Чтение продолжалось до полуночи. Один чтец сменял другого. Слушали молча. Иногда братья смеялись или выражали свои чувства слишком громко, старшие одергивали их. Я внимательно слушал вместе со всеми, хотя очень многое не понимал. Когда читали текст молитвы, которая должна была сохранить казаков от смерти, бабушка велела переписать ее, выучила, читала при всяком подходящем для этого случае.

Когда книгу прочитали, отец подарил ее мне. Я стал с помощью братьев учиться по ней читать. За зиму я научился читать, за год до школы. С тех пор я благодарен этой книге, она вызвала во мне на всю жизнь любовь к книгам, к литературе. В голодном 1933 году отец умер. Его подарок, книгу «Тихий Дон», я берег как самую дорогую память о нем.

Началась война. Я ушел в 1941 году на войну. Возвратился после победы. Книга не сохранилась, мне было ее очень жаль.

У меня есть сын, и мне очень хочется оставить на память ему книгу «Тихий Дон».

Каждое такое письмо — настоящая исповедь. Шолоховские герои пришли из жизни и уходят в нее, заставляя людей глубоко сопереживать. Работница Ломоватского лесопункта Вологодской области Пелагея Степановна Паценюк пишет:

«Дорогой и многоуважаемый Михаил Александрович! Мне уже 55 лет. Осталось несколько месяцев, и я должна уйти на пенсию. Я в жизни столько пережила тяжелого и трудного для сироты. А всего окончила один класс школы. Я любила и сейчас люблю книги, которые нам очень помогают. И бесконечно рада, что на старости лет прочитала Вашу книгу «Поднятая целина». Я смеялась и плакала, под конец рыдала горькими слезами над Вашей книгой. Надо же человеку иметь такую голову, чтобы написать такую книгу. И в каждом слове истинная правда. Дед Щукарь, Давыдов, Нагульнов, Разметнов. Они будут всегда в моей жизни. Я работаю на пилораме 13 лет на холоде, на сквозняках. Но когда прихожу домой, я с удовольствием возьму Вашу книгу и читаю хотя три-четыре страницы, и у меня отпадает вся усталость. Большое спасибо Вам за Вашу хорошую книгу и за Ваш труд, что Вы написали такую книгу».

Ваши книги стали самыми дорогими спутниками жизни — это один из главных мотивов писем, идущих Михаилу Александровичу Шолохову.

«...Был даже период в моей жизни, где не прошло и ни одного года, когда я не взялся бы снова и снова за чтение "Тихого Дона».

Это строчка из письма Яна Ребане из города Вильянди, Эстонской ССР. Чувствуется, автору не просто даются слова («Я знаю, мой неграмотный русский язык не внушает доверия», — говорит он в самых первых строках), зато рукой его водило очень искреннее чувство:

«Так благодаря Вам, я научился перечитывать хорошие книги, чтобы понять их до конца. Кроме того, пробудил Ваш роман большой интерес не только к другим Вашим произведениям, но и к русской литературе вообще, интерес к жизни и истории великого соседнего народа.

Я уверен, что эта история не оригинальна, что существует очень много миллионов читателей, которых Вы научили любить и понимать хорошую литературу».

А вот другой стиль и слог. Но те же высокие душевные переживания.

С далекого Сахалина написала учительница Валентина Викторова свое письмо-воспоминание:

«Очень хочется выразить Вам свою огромную благодарность за Ваш щедрый, бесценный дар, за Ваши книги.

...Зимними вечерами отец читал матери вслух Ваш «Тихий Дон». Вот тогда я уже поняла, что такое искусство слова. Я, конечно, не знала этого термина, просто, слушая глуховатый голос отца, я полностью оказывалась во власти услышанного. Я все видела: и Аксинью, и Дарью, и примятую ногой траву, и коршуна в небе, и бескрайний Дон. Иногда голос отца сбивался, он покашливал, а мать откровенно заливалась слезами, приговаривала: «Господи, господи, да что же это делается?» Так были прочитаны три первые книги «Тихого Дона». А потом война, четвертая книга до нас не дошла, но о прочитанном нет-нет да и вспоминали: «А помнишь, как Пантелей Прокофьевич?», «А Дарья-то, Дарья...» И вот однажды мне пришлось ехать пригородным поездом из Невинномысска в Черкесск. Попутчиком оказался солдат. Разговорились. Речь зашла о литературе, он мне рассказал, что Ваш роман вышел отдельным изданием и что он читал четвертую книгу. Ехали мы часа три, и он все время рассказывал ее содержание. Говорили не как о литературных героях, а как о старых знакомых, причем знакомых близких.

Дома своим сообщением о продолжении романа я произвела переполох. Задавали вопросы, выспрашивали подробности. Узнав, что Дарья утопилась, мать долго не могла прийти в себя: «Да как же это она? Да что же она с собой наделала!..»

Я училась уже в институте. В один из приездов мать встретила меня новостью: «Гришка Мелехов живой! Соседка рассказывала, что он в Вешенской работает бригадиром».

Больше всего в ее сообщении взволновало то, что соседка ведь тоже безграмотна. Но о «Тихом Доне» тоже знает. Не хочет мириться с тем, что Григорий, возможно, погибнет, и сама придумала счастливый конец.

Михаил Александрович, родной наш человек! Простите мне такое вольное обращение, но нас, Ваших читателей, роднят с Вами Ваши книги. Спасибо Вам за них...»

Редким из книг в русской, в мировой литературе приходится жить такой живой жизнью.

Сибиряк Шестаков пишет:

«Если после прочтения обычной новинки незаметно забываешь о ней, то Ваши книги постоянно располагают на серьезные размышления, они нам сопутствуют в жизни.

Неповторимая по красоте поэма о Тихом Доне навечно вошла в золотой фонд мировой классики. Мы, советские люди, полны гордости, что русское имя ее автора, нашего соотечественника, стоит рядом с таким выдающимся именем, как Шекспир».

Прочитав «Тихий Дон», продолжает автор письма, «невольно скажешь: «Да, я был на Тихом Дону, искупался в этой реке, я видел донские степи и дышал чудесными запахами цветов. Я беседовал с казаками и замечал острый Аксиньин взгляд».

Сибирь — сказочно богатый край, где некогда медвежьи углы превратились в индустриально-промышленные города, которые выросли не только в непроходимой енисейской тайге, но и на вечной мерзлоте Заполярья. Сибиряки достойны высокой песни. И мы по-доброму завидуем, что такая песня сложена о Тихом Доне. И мы грустим, что такой песни еще никто не написал о могучем богатыре Енисее».

Доброе, взволнованное письмо пришло из города Тольятти от Валентины Михайловны Кузнецовой:

«Большое спасибо за Ваши книги, которые Вы написали и пишете, и низкий поклон за все Ваши жизненные рассказы. Как я начну читать Ваши рассказы, так всегда плачу, ведь это же все было на самом деле, ведь была такая жизнь, особенно когда читаю я рассказы про детей и про голод, у меня даже сердце замирает... У меня есть семья — муж и сын Андрей, ему 13 лет, он уже большой. А мне 35 лет, работаю на ТЭЦ ВАЗа, муж на ВАЗе, где выпускают «Жигули», сборщик. Живем мы хорошо, и у нас хорошая квартира, очень хорошая. В Тольятти все очень хорошие квартиры, наверное, лучше всех в мире. Так мне кажется...

...Дорогой Михаил Александрович, прошу Вас, приезжайте к нам в Тольятти, посмотрите наш город. Ох, и красивый наш новый город! А какой завод красивый, а как в цехах чисто! А сколько здесь маленьких детей! Веселый город! Дома такие красивые! Душа радуется... Напишите рассказ о нашем городе, о заводе. Правда, магазинов маловато, но это, наверное, со временем устроится. А так уж очень хороший город! Здесь все собрано воедино. Море Жигулевское, лес, поля пшеницы, и город белый и высокий, и завод, ох, красиво!

Приезжайте, сами увидите. Вы у нас поживете. У нас двухкомнатная квартира на 12-м этаже. Места хватит всем. Только приезжайте. Вас встретим».

В гости к себе, в Ленинград, на Нарвскую заставу, приглашает писателя и путиловец Александр Алексеевич Романов:

«Приезжайте и посмотрите, как неузнаваема стала и расцвела, помолодела наша старая застава. Как преобразилась ее главная магистраль — проспект Стачек».

Каких только проблем, государственных и общественных, местных и личных, не ставят в письмах, не доверяют писателю. Донские рыбаки требуют усилить контроль за водоемами. Мать просит помочь вылечить сына,

двое преподавателей из Алма-Аты предлагают восстановить в правах букву «ё», которая печатается без двух точек, военнослужащий из Закарпатья просит помочь в организации фестиваля казачьего искусства. Воспитанники трудовой колонии из Иркутской области пишут о том, что шолоховские книги помогают им распутывать свою жизнь: «Такой тишины, когда читали «Судьбу человека», у нас в классе еще не было. Мы знаем, что все силы Вы отдали служению людям. Мы же принесли горе. И у нас вопрос: «Как нам жить дальше?»

Письма учащихся, студентов, молодых рабочих свидетельствуют, что М. А. Шолохов — любимый писатель всех поколений советских людей.

«Сейчас мне 24 года. И я могу сказать, что умение понимать людей, понимать себя я получил с помощью Ваших книг. Большое спасибо»,— написал Алексей Кондауров из Черкасс.

«Молодежь с Вами, дорогой Михаил Александрович. Живите долго, творите на радость людям!» — пишут студенты биолого-почвенного факультета Ростовского университета.

И в этом заверении и пожелании — голос миллионов советских юношей и девушек. Как общий праздник нашей литературы и комсомола восприняли они празднование 70-летнего юбилея М. А. Шолохова. ЦК ВЛКСМ принял специальное постановление об участии комсомольских организаций в его проведении, прошли сотни встреч, читательских конференций, бесед, написаны тысячи сочинений в ходе Всесоюзного сочинения на тему «Они сражались за Родину».

Нашим недругам неймется принизить советскую литературу, опорочить ее. Не раз начинали они атаку против творчества выдающегося писателя современности. Каких только «исследований», «версий», «открытий», «заявлений» не следовало за многие годы его творчества! «Поздравляю Вас с постоянной ненавистью мировой буржуазии»,— пишет Шолохову Михаил Марковский из Львова.

«Исследователи», «доброжелатели», «разоблачители» уходили и уходят в небытие, а «Тихий Дон» шествует по миру.

Герои Шолохова сражаются и помогают строить новое общество. Письма, которые ежедневно ложатся на стол великого писателя, свидетельствуют о всенародной любви, о вере в победный ход нашей жизни и об ответственности за нее, которые порождают жизнеутверждающие книги Шолохова.

Очень радостным и наглядным проявлением этой любви и признательности стала недавняя встреча М. А. Шолохова со своими земляками в Вешенской. Теплые, от самого сердца слова, прозвучавшие в тот вечер в адрес Михаила Александровича,— это лишь малая частица благодарности, которую рождает его необыкновенный талант.

Фото Дм. Бальтерманца

БОРИС ШАЛЯПИН В МОСКВЕ

Художник Борис Федорович Шаляпин живет в США и играет заметную роль в художественной жизни этой страны. Он родился в Москве в 1904 году. Ему не было еще и двадцати пяти лет, когда Илья Ефимович Репин, увидев созданный им портрет отца — великого певца Федора Ивановича Шаляпина,— написал: «...Да это взрослый и **большой** художник... Особенная редкость — его **стиль**. Но портрет Федора Ивановича Шаляпина — такая убедительная картина. Начиная с позы — живой, как жизнь. Потом эта **значительность** фигуры, лица...»

Борис Федорович писал Теодора Драйзера и Сергея Прокофьева, Константина Коровина и Артуро Тосканини, Фрица Крейслера и Вана Клиберна, Галину Уланову, Майю Плисецкую... Он создал целую галерею портретов — живописных, скульптурных, в зарисовках,— изображающих его гениального отца в жизни и на сцене, в ролях.

Несколько лет назад вышла книга С. Чертока «Художник Борис Шаляпин». В предисловии к ней Сергей Тимофеевич Коненков писал: «...Хочу верить, что недалеко то время, когда у нас в Москве откроется выставка работ этого даровитого художника».

И вот теперь в Доме дружбы с народами зарубежных стран советские люди имеют возможность познакомиться с работами прогрессивного художника-реалиста.

Журналист Юрий Зарахович взял у Бориса Федоровича интервью, которое «Огонек» сегодня публикует.

Мы беседовали в номере 859 гостиницы «Украина», где остановился художник. Вскоре по телевидению должен был начаться репортаж об открытии его выставки в Москве, в Доме дружбы. Борис Федорович изредка поглядывал на экран телевизора. Шла детская передача — две девочки пели смешную песенку. Несколько раз он, радуясь, повторил:

— Ох ты, душенька!.. Просто душенька! Прелесть же какая!

Художник был в Москве третий раз за последние пятьдесят лет, но говорил на том изысканном русском языке, который сегодня уже кажется немного старомодным.

— Борис Федорович,— спросил я,— с какими чувствами вы ехали в Москву открывать свою первую выставку на родине?

— Волновался страшно. Наши русские люди врать ведь не будут. Нравится или нет, всегда скажут прямо. Я, знаете, всегда волнуюсь перед выставкой, как в те времена, когда открывал свой первый вернисаж в лондонском театре «Ковент-Гарден», где пел отец. Стоял там за углом и подсматривал. Я и сейчас волнуюсь, даже после того, как выставка уже открылась. Одним ведь нравится, другим — нет, дело вкуса. Но я никогда не думал, что меня так примут в Москве.— Борис Федорович, волнуясь, затянулся маленькой сигарой.

— А в молодости вы в Москве не выставлялись?

— Нет, что вы! Я ведь тогда только учился. Первая моя мастерская была в Ленинграде, я там год прожил с отцом и ходил на занятия в Академию художеств к Василию Шухаеву. Много он мне дал, очень много. А в Москве посещал ВХУТЕМАС на Мясницкой. Как она теперь называется? Улица Кирова, да? Учился у Архипова, у Кардовского. Там преподавал и Константин Коровин; к нему я приходил как к старшему другу и доброму наставнику. Просто, по-дружески беседовали. Помню, я обращался к нему с такими вопросами: «Что светлее, белый цвет в тени или темный цвет на свету?» В Москве я один раз только принял участие в конкурсе киноплакатов и... провалился. Но плакатами позже занимался много, делал в Париже для советских фильмов... С Коровиным мы проводили много времени. Он писал рассказы о своей жизни, читал их мне и брату Федору.

Очень я любил и Рахманинова. У него всегда было хорошо, весело. Я писал его портрет в Рамбуйе, там собиралось много народу, веселились. Сергея Васильевича многие считали человеком угрюмым, хмурым, а он только казался таким. На самом деле очень любил смех, шутки, розыгрыши.

Брат и я, мы оба дружили с Михаилом Чеховым. Какой талантище был! Никогда не забуду, как он в Москве Гамлета играл. Не красавца, не героя. Знаете, как иногда монолог читают — станут в гордую позу и громко: «Быть или не быть?» А он сидел и сам себя спрашивал: «Быть или не быть? Вот в чем вопрос». И постановка была изумительная. Между прочим, там тени отца Гамлета совсем не было. Вдруг загорался свет в башнях замка и слышалось: «Гамлет! Гамлет!» Это произносили десять человек за кулисами с разных сторон.

Но в Америке Чехов не мог играть из-за сильного акцента. Пришлось вместо сценической деятельности открыть актерскую школу. Прекрасная была школа... Язык, надо сказать, и для отца был камнем преткновения. Когда он пел по-русски, аудитория его не понимала, а из иностранных языков ему без акцента давался только итальянский. Он очень это переживал. Если пел по-русски, в зале раздавали листочки с переведенным текстом, но ведь это совсем не то: он терял контакт с аудиторией и очень мучился тем, что, когда поет, никто его не понимает. Отец всегда тосковал по России. Всегда. Как все русские.

Когда-то я тоже хотел петь, но отец меня отговорил, хотя и признавал, что я мог бы стать певцом, это было для меня очень лестно. Но он боялся, что со мной случится то же, что и с ним из-за языкового барьера. Хотя по-французски, по-английски, по-немецки и по-итальянски я могу говорить почти без акцента. Но, с другой стороны, я думал: «Начнут сравнивать, скажут: «Подражает». А это было бы несправедливо. Есть же и родственное сходство, естественное. Но я испугался, передумал... Потом жалел.

Как я работаю? Видите ли, я не могу писать для выставок, быстро. Когда пишешь, не все можно выставить и показать. А некоторые вещи стареют, в них больше не веришь. У меня никогда не было выставки работ одного года. Всегда разница в пять-шесть лет. За сорок лет работы у меня было четырнадцать выставок.

Стараюсь быть верным своему стилю. Абстракционизм можно принять как прикладное, декоративное искусство. Ну, скажем, линолеум в кухне украсить сложным узором или расписать стенку в комнате. Но когда какой-то негодяй расписывает лицо хуже бездарного ребенка... Разница между ребенком и им в том, что ребенок искренен. И воображение у него косвое, детское. Когда же взрослые люди сознательно малюют — это просто хулиганство. Я таких делю на три категории: первые — нечестные, которые делают это из-за моды и денег, вторые — глупые и бездарные, третьи — те, которые этим «творчеством» восторгаются,— снобы. Боятся, как бы их не сочли за простаков. Кричат, что нельзя отставать от времени, что надо быть современными. Но я ведь тоже не отстаю от времени, хотя я реалист.

— Борис Федорович, а вы были в своем старом доме?

— Когда я приезжал сюда в 1968 году, Сергей Тимофеевич Коненков прямо с вокзала повез меня к дому, к бюсту отца на Новинском бульваре, сейчас он называется улицей Чайковского. Я очень был тронут и тем, что Коненков меня туда повез, и тем, что память отца чтут. Коненков ведь с юности был для меня богом. Учитель мой, один из колоссальных скульпторов мира. Вы, кстати, знаете, что это он памятник Пушкину переставил? — Борис Федорович добродушно рассмеялся.— Помню, как он говорил: «Плохо, что Пушкину солнце светит в спину. Нужно, чтобы светило в лицо». И настоял, чтобы переставили. А то, что память отца утверждается народом, который он любил,— это невероятно лестно. Нет, не подходит такое слово. Не лестно — ценно.

— На открытии вашей выставки в Доме дружбы художник О. Г. Верейский сказал, что вы один из тех людей, которые представляют русскую культуру в Америке, которые дорожат культурными связями русского и американского народов. Что вы думаете о развитии этих связей, о сближении народов, о лучшем понимании друг друга?

— Чем ближе будут народы, тем лучше. Ведь к этому всегда стремились великие умы России — и Пушкин и Толстой... Неужели людям нельзя сговориться! Ведь человек может многое, было бы желание.

— Кто вам нравится из наших советских художников?

— Я мало знаю их творчество, но из того, что видел, мне нравятся работы Александра Дейнеки. Не все, конечно, но он, безусловно, большой художник.

— И последний вопрос. Предполагаете ли вы и в дальнейшем устраивать выставки в СССР?

— Да, очень бы этого хотелось.

Цезарь **СОЛОДАРЬ**,
специальный корреспондент
«Огонька»

ДВОЙНЫЕ

ТАК ГДЕ ЖЕ СУЩЕСТВУЕТ «ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС»!

«...К вечеру первого дня в вагон советских корреспондентов явились два вестника капиталистического мира: представитель свободомыслящей австрийской газеты господин Гейнрих и американец Хирам Бурман... Для разгона заговорили о Художественном театре. Гейнрих театр похвалил, а мистер Бурман уклончиво заметил, что в СССР его, как сиониста, больше всего интересует еврейский вопрос.

— У нас такого вопроса уже нет,— сказал Паламидов.

— Как же может не быть еврейского вопроса? — удивился Хирам.

— Нету. Не существует.

Мистер Бурман взволновался. Всю жизнь он писал в своей газете статьи по еврейскому вопросу, и расстаться с этим вопросом ему было бы больно.

— Но ведь в России есть евреи? — сказал он осторожно.

— Есть,— ответил Паламидов.

— Значит, есть и вопрос?

— Нет, евреи есть, а вопроса нету...

Из купе вышли совжурналисты, из соседнего вагона явилось несколько ударников, пришли еще два иностранца... Фронт спора был очень широк — от строительства социализма в СССР до входящих на Западе в моду мужских беретов...

Мистер Хирам Бурман стоял, прислонившись к тисненому кожаному простенку, и безучастно глядел на спорящих. Еврейский вопрос провалился в какую-то дискуссионную трещину в самом же начале разговора, а другие темы не вызывали в его душе никаких эмоций...»

Читатели, конечно, узнали строки из «Золотого теленка», сатирического романа Ильи Ильфа и Евгения Петрова.

Очень многое в этом романе — плоды неистощимой фантазии талантливых сатириков. Но диалог американского сиониста Бурмана с советским журналистом Паламидовым принадлежит к непридуманным эпизодам. Подобного американского публициста Ильф и Петров встретили в апреле 1930 года в специальном поезде, который вез на пуск Турксиба советских и иностранных журналистов и гостей.

Об этом рассказывал поэтессе Зинаиде Николаевне Александровой и мне советский прозаик Арон Исаевич Эрлих, друживший с Ильей Арнольдовичем Ильфом и Евгением Петровичем Петровым еще со времен совместной работы в «Гудке»:

— Принося в «Гудок» очерки о пуске Турксиба, Евгений Петров частенько делился с гудковцами своими меткими наблюдениями над пассажирами специального поезда. Очень смешно описывал Петров американского журналиста из сионистов, которого прозвал провинциалом из местечка Нью-Йорк. А Ильф утверждал, что тот корреспондент отважился поехать на открытие новой советской магистрали с единственной целью: вдохновиться на какую-нибудь сенсацию по «еврейскому вопросу» в духе среднеазиатской экзотики. Живой прообраз Хирама Бурмана был, рассказывали Ильф и Петров, не столько удивлен тем, что в Советском Союзе нет «еврейского вопроса», сколько разочарован, даже обижен этим. Словом, как сказано в романе, расстаться с этим вопросом американцу было больно...

Ох, многим, очень многим борзописцам было больно расстаться с «еврейским вопросом» в Советской стране за десятилетия, что прошли со дня встречи замечательных наших сатириков с сионистским писакой из Америки! И те, кто не может просуществовать без пресловутого «вопроса», продолжают упорно и методично придумывать и раздувать его.

Под диктовку главаря координационного комитета сионистских организаций Бельгии Зуссинда, являющегося президентом, руководителем, шефом многочисленных советов, лиг, объединений и прочая, и прочая, и прочая, антверпенские сионисты выпустили обширный манифест о «еврейском вопросе» в Советском Союзе. Это совпало с наивысшим пиком активности брюссельского филиала хулиганской «Лиги защиты евреев», созданной небезызвестным террористом Кахане.

Достойную отповедь разнузданной клевете дала Антверпенская федерация Коммунистической партии Бельгии в специальном обращении к жителям своего города:

«То, что в Европе не были уничтожены все евреи, так это благодаря победоносным советским армиям, освободившим их из концентрационных лагерей.

Может быть, кое-что прояснит и тот факт, что Советский Союз был одной из первых стран, признавших Израиль де-юре и де-факто. Однако это признание не означало, что Советское правительство должно было подписаться под последующей агрессивной политикой израильского правительства.

Ясно только одно: истерическая антисоветская пропаганда, проводимая американским раввином Кахане и нашим Зусскиндом, действует, как бумеранг. Еврейскому народу и государству Израиль нужна политика дружбы с советским народом, а также с другими народами, в том числе с бельгийским».

И все же бельгийские и голландские сионисты лихорадочно мечутся в поисках «еврейского вопроса». И, не найдя, придумывают.

Зачем же, однако, придумывать, если на нашей планете есть страна, где еврейский вопрос — наболевший, жгучий, тревожный, с подлинно расовыми оттенками — реально существует. И день ото дня обрастает, как снежный ком, все новыми и новыми конфликтами, катаклизмами, трагедиями.

Какая же это страна?

Та, где власть в руках сионистов.

— То, что я сейчас скажу, на первый взгляд может показаться чудовищным, но Израиль раздирают, да, да, именно раздирают и ранят дикие противоречия самого острого еврейского вопроса. Я убедилась в этом еще до войны 1967 года, когда переехала из Голландии в Израиль.

Моей собеседнице сейчас тридцать один год, хотя выглядит она гораздо старше — глаза тусклые, потухшие. Восемнадцатилетней девушкой, со всем пылом юности впитав в себя сионистские убеждения, она однажды резко выступила на собрании молодых сионистов одной из еврейских общин Амстердама:

— Мы все твердим и твердим: надо жить на родине отцов, надо возродить и укрепить страну предков, надо все силы отдать священной земле Израиля! Все слова, слова. Когда же начнутся дела? Как же мы сагитируем других, когда сами остаемся в Голландии! Я решила показать пример: уезжаю в Израиль!

Послышались дружные рукоплескания.

— Кто со мной?

А вот этот вопрос встретили томительным и гнетущим молчанием. Даже юноша, которому незадолго до того был отдан первый в жизни поцелуй, юноша, слывший самым красноречивым оратором общины и еще вчера под звездами уверявший девушку, что не мыслит своей жизни без нее, даже этот юноша, несколько минут тому назад казавшийся ей самым близким и дорогим человеком на свете, молчаливо смотрел отрешенным взглядом куда-то в сторону.

А после собрания остывший поклонник пытался образумить девушку:

— Ты привыкла к благам цивилизации. Ты не выдержишь жизни в палатках.

В ответ он услышал:

— Теперь-то я уж обязательно поеду. И в значительной степени назло тебе!

Девушке устроили торжественные проводы. Родители подруг, втайне косясь на нее, задарили девушку подарками. Богатый коммерсант, в текстильной фирме которого служил ее отец, пообещал ей периодически присылать в Израиль денежное вспомоществование.

Она поселилась в Иерусалиме и, хотя по своему образованию и склонностям могла рассчитывать на более высокооплачиваемую работу, сразу же согласилась пойти медицинской сестрой в инфекционное отделение госпиталя. Ее обнадеживали радужными перспективами: ведь она принадлежит к уважаемой прослойке «ашкенази» — выходцам из Европы. А ее дети будут уже совсем привилегированными израильтянами — «сабрами»: они ведь родятся в Израиле. И девушка...

Почему, впрочем, я не называю ее по имени и фамилии?

Не могу. Дал ей слово. Впрочем, не уверен, что при нашем знакомстве девушка не назвала вымышленное имя, настолько боится сейчас сионистов. Бежавшая обратно в Голландию из страны предков, она причислена амстердамскими сионистами к ренегатам и находится под их неослабным подозрением. Владелец фирмы, где она работает, и без того намерен избавиться от нее, посмевшей разочароваться в сионизме, да еще и в самом Израиле. Вот почему она согласилась встретиться со мной только в Гааге — благо не так уж далеко от Амстердама.

И не в отеле, не у своих родственников, а на глухой улочке близ памятника Свелинку — известному композитору XVI—XVII веков. В тот апрельский полдень дул холодный зимний ветер, вперемежку с дождевыми каплями падали неправдоподобно продолговатые снежные хлопья, но я не решился предложить своей собеседнице укрыться в кафе: там бы у нас разговора совсем не получилось.

Моя новая знакомая проявила себя в Израиле усердной, как она о себе говорит, экзальтированной сионисткой. Закрывала глаза на бытовые невзгоды, на очень многое, что ей не

Начало см. «Огонек» №№ 39, 43, 46.

нравилось в Израиле — уж очень оно расходилось с ее пониманием человечности и гуманизма.

Главное, ей удалось необратимо вырвать из своего сердца молодого амстердамского, как она говорит, сиониста «на словах». Воспоминания о его велеречивых призывах посвятить жизнь земле предков вызывали в ней горький смех, ибо она уже знала, что пылкий проповедник счастья на родине отцов благополучно поступил на юридический факультет Амстердамского университета.

К девушке в Иерусалиме пришла настоящая любовь. Действительно взаимная. Девушка всем сердцем чувствовала, что смуглый рабочий юноша, неизменно встречающий любую неприятность ослепительной улыбкой, в ней души не чает. Но...

КАК РАСТОПТАЛИ ЛЮБОВЬ

Нет, нет, он не обманул девушку. Не оказался краснобаем и пустозвоном. Не отказался разделить с ней тяготы жизни в неблагоустроенной тогда еврейской части Иерусалима.

Почему же новые друзья девушки, пожилые и молодые, назойливо уговаривали ее навсегда забыть о существовании полюбившегося ей юноши? Почему вдруг ею так заинтересовались профессиональные и добровольные свахи, оглушившие скромную медсестру ворохом блестящих кандидатур в мужья? Почему из Голландии посыпались письма от амстердамских друзей и родных: он недостоин тебя, забудь его, не калечь себе жизнь! Почему амстердамский коммерсант, у которого служил отец, прекратил присылку денежного пособия?

Ответ — для страны, где власть в руках сионистов,— предельно простой: улыбчивый, прямодушный парень был сефардом, семитом третьего сорта, выходцем из Марокко. В Америке его называли бы черным, в Израиле его назвали грязным[1]. И его брак с девушкой-ашкенази считается в Израиле смешанным. А ведь еще гитлеровские «ученые» доказывали, что при смешанном браке ребенок наследует только недостатки обеих рас!

Девушка не сдавалась. Она металась от одного сионистского деятеля к другому. Из одной организации в другую. Просила, умоляла, требовала. А сотруднику министерства религии, знавшему в юности ее отца, прямо выложила:

— Подумайте, дядя Зельман, мне даже доказывают, что сефардов следует селить в отдельных районах, что по своему низкому культурному уровню они полудикари и не могут ужиться с сабрами и ашкенази. Такие взгляды — это же чуть ли не желание воскресить в Израиле гетто и страшную традицию черты оседлости!

Дядя Зельман пришел в негодование... оттого, что девушка так резко критикует обычаи и взгляды самых чистокровных израильтян, и указал ей на дверь. Ее поддержали лишь две девушки из больничного персонала, но они оказались ничтожными песчинками в сравнении с могучей лавиной взращенного на сионистских корнях и взошедшего на шовинистических дрожжах израильского «общественного мнения».

Отчаяние толкнуло девушку на дерзкий шаг — она пошла искать правду в раввинате. И услышала такую ласковую сентенцию:

— Будь ты юношей, желающим жениться на нееврейке, мы бы выгнали тебя из раввината, даже не разговаривали бы с тобой. Запомни: еврейский юноша, соединившись с «гойкой», делает наше святое семя нечистым. Иное дело — девушка, выходящая замуж за нееврея: она хоть помогает этим укрепиться своему племени в чужом стане. Так что, милая, если уж ты такая блудливая, что решаешься разделить ложе с сефардом, то выходи лучше замуж за самого обыкновенного «гоя». А сефардам еще рано считать себя достойными девушки из ашкенази. Скверный пример ты подаешь нашим девушкам...

Разрыдавшись, девушка выбежала из раввината.

Наконец, вместе с влюбленным в нее сефардом обратилась она к сионистскому деятелю из прогрессистов. Личность сугубо современная, он не скрывал, а среди молодежи даже афишировал свое равнодушие к религии и ее канонам.

Участливо выслушав бедных влюбленных, прогрессивный сионист со вздохом сказал:

— Сердцем я с вами, дорогие мои. Сам был молодым и знаю, что такое любовь. Но сейчас, увы, не время бросать вызов раввинату и, главное, верующему крылу сионистов, отстаивающим чистоту еврейской нации. Большинство за ними. И они вмешиваются во все, их волнует все. Даже то, как обязан прославлять субботний день настоящий еврей, если очутится в этот день на космическом корабле...

Чем же закончилась печальная любовь девушки из Голландии к парню из Марокко?

— Нас все-таки разлучили,— услышал я под холодным дождем в Гааге.— И пелена спала с моих глаз! Все сионистские догмы и законы раскрылись мне в истинном свете. Оказывается, сионисты сами же возрождают проклятый «еврейский вопрос». Они делят нас на сорта и категории. В те тяжелые для меня дни как раз проходило бурное обсуждение в кнессете чрезвычайного вопроса «Кого считать настоящим евреем?». И я с ужасом узнала, как наиболее фанатичные сионистские круги оперируют теми самыми, прямо говоря, расистскими доводами, которыми нацисты обосновали свой звериный нюрнбергский закон о том, кого считать настоящим немцем. Какой стыд! Газеты начали тогда печатать отчеты о нашумевшем деле военно-морского капитана Вениамина Шалита. Он посмел попросить, чтобы его детей, родившихся от смешанного брака, записали в документах евреями. Начались долгие дебаты. Капитана поливали грязью. И наконец, суд отказал ему. А тут еще мне не давали покоя всяческие толки и пересуды о делении выходцев из разных стран на соответствующие группы, об израильтянах «коренных», «старых» и «пришлых», «новых». Не хватило человеческих сил перенести все это. И я решила покинуть Израиль и вернуться в Голландию! Как можно скорее!

«Как можно скорее». Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается: около полугода девушку мытарили и под всякими предлогами не выпускали из страны. Причем главную роль в этом сыграли амстердамские сионистские круги. Специально для беседы с ней прилетел из Голландии видный сионистский публицист. По его настоянию девушке дали хорошо оплачиваемую работу в Яффе, нравившейся ей больше всех израильских городов. Прилетом «уговаривающего» дело не ограничилось. Последовали непрерывные звонки из Амстердама, письма, телеграммы. Даже живущие в Роттердаме родственники дали понять нарушительнице устоев, что своим бегством из страны, где на деле осуществляются сионистские догмы, она поставит своих близких в неловкое положение.

И только когда обстоятельства сложились так, что на плечи девушки пали заботы о младшей сестренке, ей удалось вернуться в Амстердам.

Здесь ее вежливо, но весьма внушительно попросили поменьше рассказывать о своих израильских впечатлениях, а выводы об израильской модели модернизированного «еврейского вопроса» сочли попросту антисемитскими.

— С той поры, как вы уехали из Израиля, прошло несколько лет,— сказал я своей собеседнице.— Может, тамошние сионисты уже смягчили свое отношение к евреям «второго сорта»? Может, перестали настаивать на изоляции сефардов от сабров и ашкенази?

В ответ я увидел горькую усмешку.

— Увы! Люди, вернувшиеся из Израиля гораздо позднее меня, говорят совершенно другое. Сейчас наиболее ревностные поборники «чистопородного» еврейства относят к «второсортным» еще и евреев из Грузии и Бухары. В сионистских газетах не раз появлялись предложения поселять их в отдельных местностях. Так мне рассказывала женщина, вернувшаяся в Роттердам из Хайфы четыре месяца... нет, три месяца тому назад...

— Три месяца тому назад? Вы уверены?

Расслышав в моем голосе нотки сомнения, бывшая сионистка даже обиделась:

— А почему, скажите, вы не верите мне?

— Только вчера в Гааге я слышал, что за последние пять лет ни один голландский еврей, уехавший в Израиль, не покинул этой страны. Это сказала мне израильская подданная.

— Израильская подданная нагло лжет, так и скажите ей! От имени бывшей израильской подданной! Боже мой, я сама знаю несколько семей голландских евреев, покинувших Израиль сразу же после осенней войны семьдесят третьего! — Моя собеседница стала считать по пальцам, причем одной руки оказалось мало.— Амстердамцев я вам не назову, вы знаете почему — они напуганы так же, как и я. А вот если вы можете поехать в Утрехт, я готова созвониться со знакомой семьей. Мне кажется, они согласятся встретиться с вами. Кстати, они с большим убытком распродали свое имущество, только бы поскорее вернуться в Голландию... И многих пугают не только частые войны. Гораздо больше их беспокоит антагонизм во взаимоотношениях различных групп иммигрантов и коренных израильтян. Прибывающие в Израиль иммигранты резко отличаются друг от друга. Хотя все считаются евреями, у них очень мало общего. И по привычному образу жизни, и по месту рождения, и воспитанию, и по культурным запросам. Даже по внешним признакам. Посмотришь на них, потом в зеркало на себя — так и не поймешь, кто же из нас, как говорится, типичный еврей. Но каждый подбавляет масла в огонь, разожженный сионистами. А те раздувают его. Конечно, говорят при этом не о «еврейском вопросе», а о благородной борьбе за «чистое еврейство». Можете себе представить положение и настроение того, в чьей «чистоте» сомневаются?!

Моя собеседница умолкла, взгляд устремила куда-то вдаль и потянулась к сумочке за платочком. Может быть, вспомнила о своей большой любви, беспощадно растоптанной сионистскими ревнителями старого «еврейского вопроса» на новый лад.

В ОДНОЙ ИЗ ДЕВЯТИ КОМНАТ

Израильскую подданную, которой я должен был от имени бывшей подданной того же государства сказать, что она наглая лгунья, зовут Дора Моисеевна Баркай.

Так как сионисты в Голландии чувствуют себя несравненно увереннней, нежели те, кого они преследуют, Дора Моисеевна не просила меня засекретить от читателей ее имя. Мало того, там же, в Гааге, она пригласила меня к себе, на Ройхроклан, 102, в уютный двухэтажный дом с девятью комнатами. О количестве комнат упоминаю не случайно — об этом мне было сказано в первые же секунды нашего знакомства. Видимо, с точки зрения госпожи Баркай, высокая материальная обеспеченность должна была поднять ее авторитет в моих глазах.

Почему я охотно принимал редкие приглашения сионистов, читатель уже знает. А к Доре Моисеевне я даже поспешил — она свободно изъясняется по-русски.

Могу также объяснить, почему госпожа Баркай пригласила меня к себе. Ей стало известно, что советский драматург хочет написать пьесу о трагической судьбе советской девушки, вынужденной уехать вместе с родителями в Израиль. А Дора Моисеевна не совсем чужда театральному искусству. По ее словам, она работает в отделе или секторе гаагского муниципалитета, ведающем культурным обслуживанием иностранных туристов. Это связывает ее с концертными залами, варьете и, конечно, театрами. Правда, свою культработу она частенько прерывает из-за экстренных отъездов за границу — то в Лондон, то в Бангкок, то в Тель-Авив.

[1] Однако «грязный» марокканский еврей неожиданно для него иногда возводится в высокий ранг «чистокровного» семита — в тех случаях, когда надо предотвратить его брак с еще более «нечистой» еврейкой. Это на себе испытал Ханон Тургеман, вывезенный среди тысяч подростков в Израиль из марокканского города Касабланки. Три военизированных лагеря. Мучительное существование в необжитой пустыне Негев, где жилье окружали шакалы. Бродяжничество, безработица, служба в «усмирявшей» арабов воинской части. Изнурительная работа в типографии, принадлежавшей ярому сионисту Арону Прессу, виртуозно выжимавшему все соки из своих рабочих... «Лишь один раз за все эти годы мне, казалось, блеснул светлый луч счастья, надежды,— рассказал Ханон Тургеман в 1970 году.— В городке Петах-Тиква я познакомился с девушкой, которая пришлась по сердцу. Мы решили соединить свои судьбы, вместе идти по жизни. И тут выяснилась дикая вещь. Главный раввин города господин Кац вызвал меня к себе. «Ваша избранница не чистокровная еврейка, ее мать принадлежит к другой национальности. Наш закон запрещает смешанные браки». Мы с невестой были потрясены до глубины души. Пытались добиться справедливости в высших инстанциях. Все напрасно. Мы решили пойти наперекор этому расистскому закону. Но раввины не дремали. Нам объявили, что наш ребенок будет считаться незаконнорожденным».— **Ц. С.**

— Ваша пьеса никакого успеха иметь не будет.— Такова была вторая или третья фраза, услышанная мною в доме госпожи Баркай.— Скажете, «непридуманная ситуация»? Допустим. Но неинтересная, непоучительная, не трогающая зрителей. Они ничего для себя не почерпнут. И без театра каждый знает, как в новой стране, да еще находящейся на военном положении, трудно урвать свой кусок хлеба, найти свое место на земле. И положа руку на сердце хочу вас предостеречь: пьеса ваша не очень понравится в Израиле, зачем же вам нужно, чтобы вас занесли в кондуит наших активных идейных противников? Не нужно вам этого! Если вам так уж хочется написать пьесу из еврейской жизни, я вам порекомендую такую тему, такой сюжет, что зрители ахнут. Просто не понимаю, как никто из драматургов до сих пор не додумался до него!..

Истины ради должен сразу признать: Дора Моисеевна действительно предложила мне сенсационный сюжет, но к нему я вернусь несколько позже. Сейчас более важно изложить, почему трагедию вывезенной в Израиль молодой советской девушки она считает неинтересной, непоучительной, не трогающей зрителя.

— Писать надо о сильной личности. О такой, что и голод выдержит и у другого из горла кусок вытащит, но своего добьется. И такие люди в Израиле есть. Конечно, не так много, как, допустим, в Америке, но они есть. Я Израиль знаю как свои пять пальцев. И хотя в Гааге я живу, как видите, совсем неплохо в своих девяти комнатах, вот уже восьмой год я считаю дни, когда англо-американо-голландская химическая фирма наконец освободит моего мужа Андрэ от работы в Нидерландах и мы сможем снова жить в Израиле. Там я знакома и с носильщиками в аэропорту и с министрами. В Яффе меня ждет наш собственный дом, где родилась моя дочь. Как я сожалею, что она вынуждена жить в Лондоне, а не в Яффе! Моя доченька там была бы в почете. Она, слава богу, и ашкенази — родители ведь европейцы — и сабра — родилась в Палестине.

Да, я знаю в Израиле все категории населения, в том числе и олим-хадашим из Советского Союза, то есть самых свеженьких приезжих,— возвращается Дора Моисеевна к теме нашего разговора.— Поверьте мне, ни один из них не достоин быть героем пьесы. Мало в них европеизма. Не хотят, например, понять, что в современном цивилизованном обществе на поверхность выбиваются только сильнейшие, что за все блага жизни нужно бороться, сжав кулаки, что сливок хватает не для всех, некоторым достается только снятое молоко. А они совсем не такие. Возможно, это оттого, что к нам, в Израиль, в основном едут те, кто у вас попался.— Заметив мое недоумение, Дора Моисеевна снисходительно подмигивает:— Вы же прекрасно знаете, что один попался на недостаче товаров, другой получил взятку, третий тоже попался на чем-то горячем.

Ваши евреи разучились приспосабливаться. Надо иногда, допустим, показать себя верующим. Положа руку на сердце, среди израильтян истинно верующих процентов десять — пятнадцать. Даже среди тех, кого вы называете сионистскими активистами, больше неверующих... Неужели вы меня не понимаете? Словом, если сейчас религия помогает нам тверже стоять на ногах, ни от кого не убудет, если люди лишний раз увидят его у святой стены или в синагоге... А ваши олим не хотят этого понять. Почему? Мы же делаем вид, что верим им, будто их потянуло в Израиль ради отчизны предков, а не ради хороших дел, приятной жизни, ради настоящей Европы. Не хотят понять, что им бы только проваландаться как-нибудь первые три года. Недаром у нас шутят: «Первый год оле ненавидит «Сохнут», который дал ему ужасную квартиру. Второй год он ненавидит Гистадрут, который дал ему невыгодную работу, не по специальности. А на третий год он ненавидит... свежеприбывшего оле, которому нужно дать квартиру и работу».

Расхохотавшись, Дора Моисеевна спрашивает меня:

— Вы уловили тонкий смысл анекдота? Слабому, который выбился в сильные, всегда ненавистен другой слабый. Особенно если сильный еще не успел стать стопроцентным ашкенази. И затем человеку из Москвы разве может быть приятно, если его уравнивают с грузином?.. Кстати, знаете, почему распались два объединения олим из Советского Союза? Потому что все хотели усесться в один фаэтон. Теперь уже, слава богу, начинают как будто понимать, что европейским олим нужно свое объединение, а каким-нибудь среднеазиатским — свое...

Я спрашиваю:

— Неужели вы, сионистка, можете мириться с неравенством разных групп еврейского населения в еврейском государстве? Да еще по признакам в значительной степени расовым?

— Этническим! Этническим! — поправляет меня Дора Моисеевна.— Никогда вам не поверю, что для вас, интеллигентного человека, московский или киевский еврей одинаков с евреем бухарским или грузинским!.. Ах, вы такого деления не понимаете? Конечно, вы же меня предупредили, что вы коммунист. А я, как и все исповедующие учение Сиона, не могу в 1975 году одинаково относиться к еврею из Лондона и еврею из какой-то Саны. Хотя бы потому, что даже младенцы во всем мире знают, чья столица Лондон, а то, что Сана — столица полудикого Йемена, не знают даже самые образованные. Мы с моим мужем Андрэ достаточно культурные люди, но до тех пор, пока не столкнулись с евреями из Йемена, понятия не имели, что существует такая страна. Поэтому я не буду от вас скрывать: да, йеменцам, марокканцам, иракцам, словом, всем сефардам у нас в Израиле приходится намного хуже, чем евреям из Германии, Италии, Англии, короче, всем ашкенази. Но утверждать, что сефарды находятся у нас чуть ли не в таком положении, как арабы, это уже грубое преувеличение. Сефарды сефардами, но они же как-никак евреи. И теперь в Израиле стараются называть их не «черными», а просто «темнокожими». Что поделаешь, это же факт, что у еврея из Йемена кожа гораздо темнее, чем у еврея из Парижа. А чем темнее кожа, тем беднее культурный уровень, вот им и приходится пока что за это расплачиваться. А за что в других цивилизованных странах расплачиваются негры? За черную кожу... Кстати, сефарды сами считают себя черными. Вы разве не знаете, что их организация называется «Черные пантеры»? Пантеры стараются стать настоящей партией, они устраивают демонстрации, организуют протесты, считают себя эксплуатируемым классом Израиля. Но их кожа от этого светлее не станет, не так ли?.. Их дискриминируют?! Ой, боже правый, только не употребляйте термина «дискриминация» — никогда не соглашусь с вами. Если положить руку на сердце, то ашкенази больше докучают сабрам — тем, кто родился прямо в Израиле. Я лично тоже не люблю, когда сабры начинают этим кичиться и задирать нос!.. А о сефардах можете не беспокоиться. Пусть за них беспокоится Овадия Иозеф, их специальный главный раввин...

— Который недавно протестовал против дискриминации сефардов? И в знак протеста порвал с верховным израильским раввином Шоломом Гореном?

— Ну, если вы такими скучными подробностями напичкаете вашу пьесу, никто ее смотреть не станет!.. Так вот, запомните: общество построено так, что ашкенази вынуждены дать почувствовать сефардам этническую проблему. А она, повторяю вам, вызвана огромнейшей разницей в культурном развитии и запросах евреев европейских и евреев афро-азиатских, или, более деликатно говоря, восточных... Полного равенства пока еще не может быть в мире и особенно в молодых странах. Вот говорят «советские олим», «советские олим». А разве все советские олим одинаковы для Израиля? Было бы глупо утверждать это. С теми олим, которые первыми приехали из Советского Союза, еще цацкались — ведь первым быть всегда лучше. Многие из них уже почти «ватики», старожилы. И в израильском обществе к ним относятся гораздо лучше, чем к свеженьким олим. Тех так и называют — «олим-хадашим». Может быть, когда-нибудь и они перестанут быть «хадашим». Сефардам, конечно, хуже. Есть у нас сейчас более острые проблемы, чем цацкаться и нянчиться с ними!.. Что?! Сионизм боится возрождения арабской культуры на землях, которые мы завое... которые опять стали нашими? Не повторяйте такой наивности! Арабская культура была и есть не в Палестине, а в передачах советского радио и тезисах Израильской компартии. Словом, в каждой стране были и будут богатые и бедные, высокообразованные и невежественные. В Израиле сефарды зарабатывают меньше, не скрываю. И среди студентов их немного. И кварталы их погрязнее. И школ для их детей еще не всегда хватает — ведь каждому понятно, что хороший учитель не пойдет возиться с детьми евреев из Марокко или Ирака...

— Не с этим ли связан рост проституции среди молодежи тех районов ваших городов, где живут так называемые сефарды?— поинтересовался я.— Мне рассказывали, там много проституток школьного возраста.

— Напрасно ваша пропаганда твердит о проституции в Израиле, это выглядит просто наивно,— насмешливо улыбнулась Дора Моисеевна.— Неужели вы не понимаете, что для западного общества не такой уж это страшный бич. Проституция, подумаешь! У меня лично на этот счет такое мнение: торговлю телом я не одобряю, но, с другой стороны, проституция — она опять-таки признак настоящего демократического государства. Каждая женщина зарабатывает свой кусок хлеба как ей угодно и удобно... Ой, не смотрите на меня так, а то мне начинает казаться, что я действительно говорю что-то ужасное... Как жаль, выбросила газету. Американскую, «Геральд трибюн». Купила этот номер в Таиланде. Вам бы нужно было прочитать там очень интересное интервью с содержательницей публичного дома. Она выставила свою кандидатуру от демократической партии на пост депутата законодательного собрания штата... Андрэ, какого штата!.. Совершенно верно, Невада. Вот феноменальная память у моего мужа... Кандидатка и не думает скрывать свою профессию. Говорит, я занимаюсь бизнесом, как и многие другие американки... Вы поражены?.. Я не собираюсь вас критиковать: у вас свои взгляды на жизнь, у нас свои. Вас волнует и Вьетнам, и Чили, и как это англичане смеют притеснять ирландцев в Белфасте, даже жизнь африканцев в Родезии — и та вас волнует. А нам некогда волноваться за других. Мы, сионисты, в первый раз создаем еврейское государство — и, ей-богу, ничего страшного нет в том, что мы думаем только о себе и о том, чтобы нас стало больше. У родезийского негра нету квартиры из девяти комнат. Я как-нибудь переживу это. Я лучше позабочусь, чтобы показать вам цветные слайды, снятые в Израиле, и вы убедитесь, в каких великолепных домах живут там люди, которым удалось прочно стать на ноги в своем государстве. По-моему, это и есть настоящая идейность. Ну, вы, конечно, не согласны...

На экране телевизора замелькали хроникальные кадры о выборах в Португалии. Закончился сюжет — и хозяйка дома сказала:

— Вас, конечно, волнует, как будет жить Португалия?.. Положа руку на сердце, меня это тоже очень волнует. Хорошо было бы, если португальские евреи — правда, не очень уж там их много — решат переехать в Израиль. Но возможен и худший вариант. Он уже касается Нидерландов, где довольно активная португальско-израэлитская еврейская община. Она сумела недавно добиться, чтобы международный сионистский конгресс испанских и португальских евреев проводился именно в Нидерландах. Не знаете об этом конгрессе? Ну, если бы вы слушали «Голос Израиля», то знали бы, как замечательно он прошел... Да, пока эта община абсолютно с нами. Но когда в Португалии свергли фашистский режим Каэтану, в общине началось брожение. Некоторые стали подумывать: а не стоит ли переехать обратно в Португалию? Такие мысли, прямо скажу, меня тревожат: зачем нам, в Голландии, терять своих людей, и довольно активных!..

Позволю себе заметить, что не одну мою собеседницу тревожит торжество прогрессивных идей в Португалии. Крайне обеспокоен и лидер португальско-израэлитской общины, видный сионист, он же обер-раввин С. Родригес Перейра. Яростно выступает Перейра против любых демократических шагов нового португальского правительства. С его точки зрения, весь корень зла в Португальской коммунистической партии, из-за нее-де там национализировали банки и страховые общества. Еще так недавно часть состоятельных евреев в Португалии перечисляла немалые денежные пожертвования в сионистский фонд. А теперь, боятся Перейра и его единомышленники, как бы им не пришлось помогать «прокрутиться» португальским евреям, если национализируют принадлежащую тем крупную собственность.

ЕСТЕСТВЕННОСТЬ

В последние годы Есениана заметно расширилась. Свой вклад в постижение поэтического мира Есенина внесли критики, литературоведы, биографы, мемуаристы. Одна из лучших недавних книг написана Сергеем Кошечкиным, отдавшим работе над творческим наследием поэта не один десяток лет.

Рассказывая литературную, общественную и житейскую биографию создателя изумительных лирических стихов, автор обращает внимание на сложнейшие взаимосвязи и взаимодействия событий, определивших облик века, отмеченного небывалыми социальными катаклизмами. Поэт и породившая его среда показаны живописно, увлекательно и научно. В основу биографического повествования положена мысль, что Есенин рассказал в своих стихах о том, что было лично с ним, в его сердце, в его жизни. Предельная открытость, выраженная в редкостных по красоте метафорах и напевной ритмике, обеспечила поэту власть над словом, входящим в людские души. Но и это еще не все. Есенин обладал поразительным умением типизации: пережитое им — эхо того, что думали, ощущали, чувствовали современники бурно кипящей эпохи, неотрывной от наших дней.

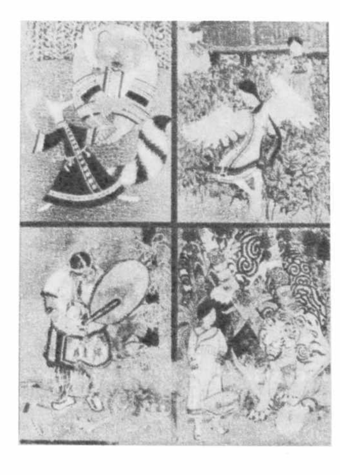
Монография рассчитана на самые широкие читательские круги, на тех, кто обычно не обращается к специальной литературоведческой книге. Но всякому из любителей стихов интересно получить ответы на вопросы, которые в свое время с такой откровенностью поставил сам Есенин: «Что случилось? Что со мною сталось?» Исследователь не стремится сгладить противоречия, с которыми встретился великий поэт и которые не могли не наложить отпечаток на его творчество. Вместе с тем автор последовательно, шаг за шагом показывает, как властно и неудержимо новое влекло к себе создателя поэтической формулы, действующей и сегодня безотказно на наши сердца: «...Через каменное и стальное вижу мощь я родной стороны». Монография дает возможность уяснить, что породило такие есенинские признания, как «тянусь к людям», «люблю людей», в чем именно заключается его любовь ко «всему живому».

Нельзя не отметить простой и доходчивый язык исследования, который под стать лирическому герою поэта. Перед читателем зримо возникает дивное «золототканое цветенье» есенинских творений.

Евг. ОСЕТРОВ

С. Кошечкин. Сергей Есенин. Раздумья о поэте. М., «Советская Россия», 1974, 224 стр.

СКАЗКИ АМУРСКОЙ ЗЕМЛИ

Геннадий Павлишин, с иллюстрациями которого знакомит своих читателей журнал «Огонек»,— интересный, самобытный художник. Он живет на Дальнем Востоке, в городе Хабаровске, хорошо знает и любит свой край и больше всего тайгу, без которой не мыслит ни своей жизни, ни творчества. Тайга для него — огромный, увлекательный мир познаний и открытий, своеобразная творческая мастерская и постоянный источник вдохновения.

Работая лаборантом Дальневосточного филиала Сибирского отделения Академии наук, он серьезно изучал художественное наследие малых народов Дальнего Востока, не раз держал в руках добытые археологами обломки сосудов и скульптур из обожженной глины — свидетельства древней культуры амурских племен каменного века, разглядывал причудливые украшения шаманов, любовался пластикой ритуальных божков, вырезанных из дерева и моржовой кости.

Художник и теперь частый гость в семьях народных умельцев, где передаются из поколения в поколение секреты художественного мастерства, завещанные далекими предками.

Богатый материал, накопленный в результате многолетних исследований, и блестящее знание тайги Павлишин талантливо переплавил в фантастический, красочный мир иллюстраций к сборнику «Амурские сказки», вышедшему в свет в этом году в Хабаровском издательстве.

В книге тридцать одна сказка разных народностей — нивхов, нанайцев, ульчей, орочей, удэге и других. Они передавались по бескрайним просторам амурской земли из уст в уста. Их собрал и сделал достоянием широкого читателя писатель Дмитрий Дмитриевич Нагишкин, сохранивший при обработке своеобразие местной народной речи.

Но особое богатство национального колорита принес в книгу художник. Созданные Геннадием Павлишиным иллюстрации неразрывно связаны с фольклором малых народов Дальнего Востока, их можно разглядывать часами, постигая своеобразие новой для нас, яркой и завораживающей художественной культуры.

Высокую оценку работы художника дал академик А. П. Окладников. В своем послесловии к книге он пишет: «Для каждой иллюстрации, для любой художественной композиции можно было бы дать строго научный специальный текст. Столь глубоко проник художник в этот большой и еще далеко не исчерпанный исследователями культурно-исторический мир. Павлишин нашел в нем себя и свой особенный творческий стиль, свою художественную манеру, что, увы, дано не многим. Как это ни удивительно, но в творчестве русского художника снова возродились в новом качестве — не как подражание, а как самобытное творчество — тысячелетние традиции народного искусства амурской земли. Так родилась эта замечательная книга, по-новому соединившая волшебное мастерство слова сказителей с талантливой кистью художника-реалиста».

На международной выставке «Книга-75», проходившей в Москве, «Амурские сказки» получили специальный диплом за высокое искусство художественного оформления и полиграфического исполнения. А в сентябре 1975 года — новая победа в международном соревновании иллюстраторов детской книги в Братиславе: за серию иллюстраций к «Амурским сказкам» Г. Павлишин получил заслуженную награду конкурса — «Золотое яблоко».

Т. МИХАЙЛОВА,
главный художник Госкомиздата РСФСР

Николай ЕЛИН,
Владимир КАШАЕВ

КАК СТАТЬ ЧЕМПИОНОМ

Я медленно брел с тренировки. Настроение было скверным. Опять я пришел к финишу восемнадцатым, обогнав только дядю Васю из группы здоровья, который участвовал в нашем забеге вне конкурса. Но самым неприятным было то, что после забега тренер учинил мне форменный разнос:

— При таком объеме тренировок ты никогда не добьешься успеха! Где твое трудолюбие?!

Я огляделся по сторонам и пожал плечами. Я не знал, где мое трудолюбие.

— Ты стал то и дело пропускать тренировки! — продолжал мой наставник.— Все свободное время проводишь с этой девушкой... как ее?

— С Валей...— покраснел я.

— Вот именно с Валей! Я понимаю, она очень хорошая девушка, но вряд ли ей будет приятно узнать о твоей скромной победе над дядей Васей. Нет, дружок, надо резко увеличить нагрузки. Останься на часок, мы с тобой прикинем все конкретно.

— Сегодня не могу,— пробормотал я.— Сегодня Валя хотела познакомить меня со своей матерью.

— С Тамарой Андреевной?

— Да,— удивился я,— вы ее знаете?

— Знаю немножко,— задумчиво произнес он и усмехнулся.— Боюсь, что нелегко тебе с ней придется. Ну, ладно, ступай. В последний раз я тебя отпускаю! Счастливого тебе знакомства! Да смотри тренируйся побольше!

...Валя ждала меня у остановки. Оба мы немножко волновались. Но волнения оказались напрасными. Тамара Андреевна встретила меня очень приветливо.

— Здравствуйте, здравствуйте! Проходите, пожалуйста, садитесь. Я слышала, вы хорошо бегаете?

— Да-а,— неуверенно протянул я.

— Тогда сбегайте, пожалуйста, за хлебом, если вас не затруднит. А то я захлопоталась и забыла купить.

Не мог же я отказать Валиной маме! Я встал и побежал. Булочная оказалась закрытой. Пришлось бежать за три квартала. Но зато Тамара Андреевна осталась довольна.

— Приходите к нам каждый день! Мне будет очень приятно вас видеть,— сказала эта добрая старушка.

Назавтра она попросила меня обменять ей книги в библиотеке.

— Библиотека у нас далеко, мне пришлось бы на трамвае ехать, а вы сбегаете в свое удовольствие.

...На следующий день я бегал за пять кварталов одалживать кастрюлю у какой-то знакомой Тамары Андреевны.

В пятницу Валя ласково поглядела на меня и сказала:

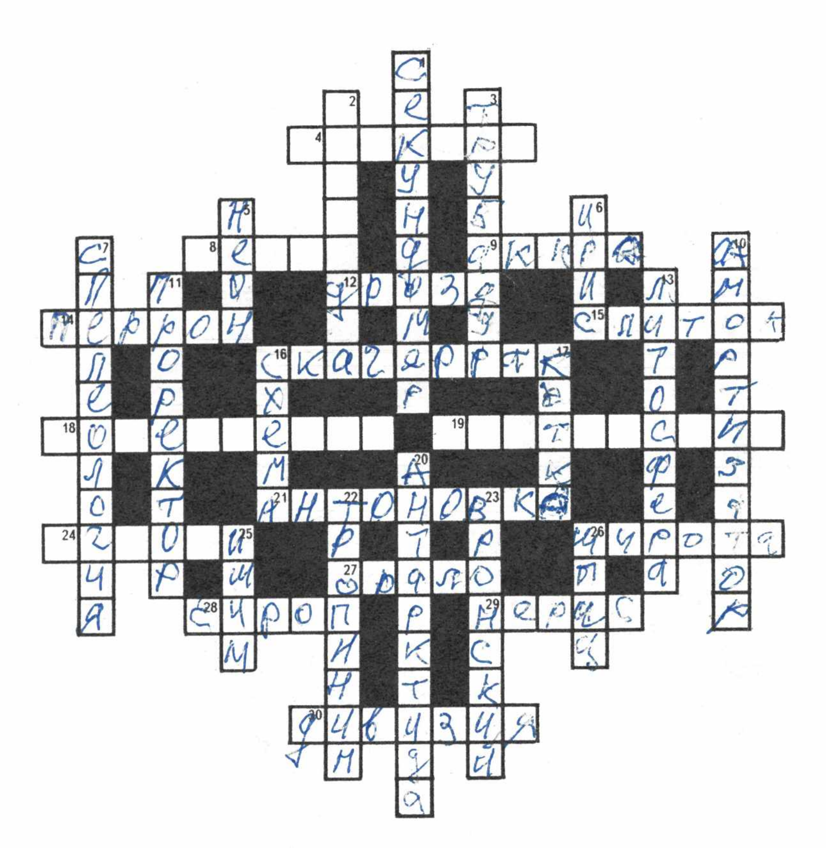
— Почему ты вчера не был у нас? Мама так скучала... Она в тебе души не чает!

В тот же вечер мне пришлось бежать в пригород, чтобы доставить пирожки Валиному дедушке. Кстати, оказалось, что дедушке нездоровится, и в течение недели я бегал навещать его. Потом я сбегал в близлежащую деревню, чтобы известить о дедушкином недомогании его брата. А через месяц...

Через месяц, вернувшись вечером к Вале с очередного задания, я застал такую картину: Тамара Андреевна стояла у телефона и громко говорила в трубку:

— Да, товарищ тренер! Согласно вашим указаниям, интенсивность тренировок постепенно увеличиваем... Что?... Скоростная выносливость хорошая... Время?.. Проверяю по секундомеру, как вы просили... Что?.. Есть, товарищ тренер! Есть! Будет сделано!

...А через два месяца я стал чемпионом района в беге на десять тысяч метров.

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Рыба семейства карповых. 8. Французский композитор XIX века. 9. Столица Республики Ганы. 12. Птица семейства ястребиных. 14. Железнодорожная платформа. 15. Застывший кусок металла. 16. Один из проливов, соединяющих Балтийское и Северное моря. 18. Музыкальная пьеса. 19. Советский архитектор. 21. Сорт яблок. 24. Комедия Н. В. Гоголя. 26. Одна из географических координат. 27. Старинное название сохи. 28. Концентрированный раствор сахара. 29. Литовская поэтесса. 30. Войсковое соединение.

По вертикали: 1. Прибор для измерения времени. 2. Звезда в созвездии Льва. 3. Опера Дж. Верди. 5. Химический элемент. 6. Травянистое растение с крупными цветками. 7. Отрасль знания, занимающаяся изучением пещер. 10. Устройство для смягчения ударов в машинах и сооружениях. 11. Заместитель руководителя высшего учебного заведения. 13. Земная кора. 16. Упрощенный чертеж. 17. Порт в Финляндии. 20. Материк. 22. Русский живописец-портретист. 23. Персонаж романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина». 25. Приток Иртыша. 26. Порода комнатных собак.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 46

По горизонтали: 5. Фазан. 8. Риторика. 9. Ипподром. 10. «Гудок». 12. Салат. 14. «Казак». 15. Винклер. 16. Либерия. 17. Вуаль. 18. Яснотка. 20. «Перекоп». 22. Фреза. 24. Турин. 27. Абзац. 29. Лявониха. 30. Иванушка. 31. София.

По вертикали: 1. «Хорошо!». 2. Шарада. 3. Калина. 4. Тундра. 6. «Жигули». 7. Родари. 11. Калитва. 12. Сервант. 13. Тюльпан. 14. Кабарга. 19. Сарьян. 21. Одарка. 23. Злотый. 25. Ушаков. 26. Иридий. 28. Брутто.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: На ледовую разведку. * Неустанно бьется атомное сердце корабля. Фото Ю. Лушина

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Иллюстрации художника Г. Павлишина к сборнику «Амурские сказки» (Хабаровское книжное издательство, 1975 г.).

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 3/XI — 75 г. А 00674. Подп. к печ. 18/XI — 75 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2513. Тираж 2 030 000 экз. Заказ № 1321.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Н. ТОЛЧЕНОВА
Фото А. НАГРАЛЬЯНА

Сохраняя образы прошлого, возникшие в глубине веков, народ, его искусство, его художники возвращаются к судьбам героев снова и снова, стремясь постичь их значение с позиций сегодняшнего дня. Чтобы затем эти образы вернуть современности.

Крупнейший казахский мыслитель и драматург Мухтар Ауэзов всегда волновался преданьями «старины глубокой». Он возвратил сказанию о любви красавицы Енлик и храброго батыра по имени Кебек живую жизнь, воссоздав в своей драме «Енлик-Кебек» подвиг героев — их стремление преодолеть силою любви запреты старейшин, обычаи враждующих между собою родов...

Прошли годы, и молодой композитор Газиза Жубанова в ряду других крупных своих произведений сочинила оперу «Енлик-Кебек». Это поистине эпическое, масштабное полотно выразительным языком музыки рассказывает о благородстве чувств героев, об их нравственной красоте.

Сейчас опера (либретто С. Жиенбаева) идет в Алма-Ате, на сцене Театра оперы и балета имени Абая.

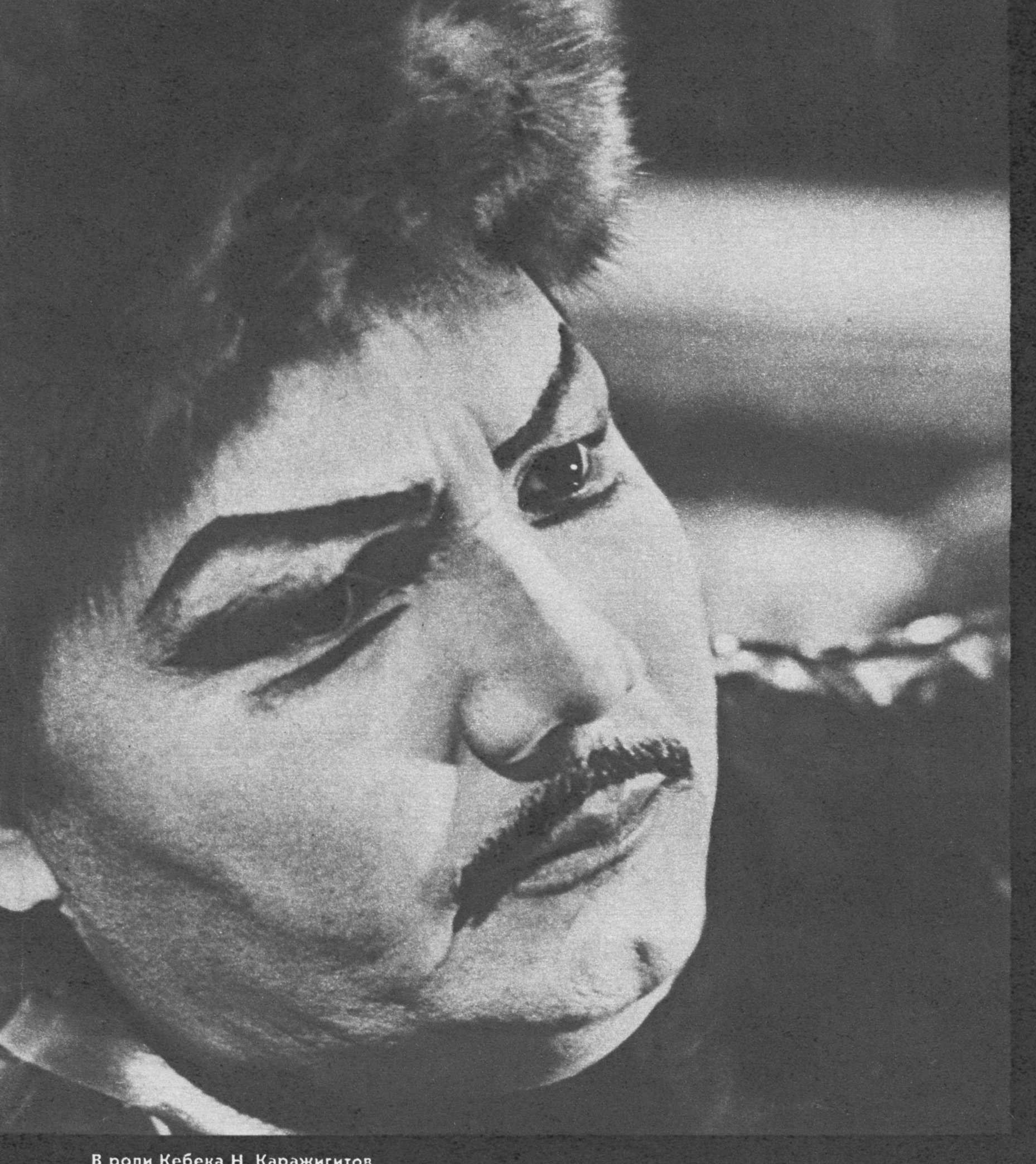
Постановка осуществлена известным театральным деятелем Азербайжаном Мамбетовым, главным режиссером Казахского театра драмы имени Мухтара Ауэзова.

Вслед за композитором Г. Жубановой и дирижер Т. Османов, и художник А. Кривошеин, и исполнители ведущих партий делают новую работу театра явлением поистине символическим. В ней ярко выражен качественный рост художественной культуры республики.

В известной мере символическим представляется мне — уже в самом спектакле — и значение большой совместной работы Газизы Жубановой и Азербайжана Мамбетова. Давний и прочный их союз, те добрые отношения, благодаря которым растут как художники в этой большой, дружной семье и собственные их дети, а за стенами дома — многочисленные ученики,— все это тоже словно выразилось посвоему и нашло себя в работе над сценическим осуществлением спектакля «Енлик-Кебек»...

Они очень разные: Газиза, всегда молчаливая, сосредоточенная, погруженная в свой затаенный, только ей одной подвластный и ею одною слышимый мир голосов и звуков, и Азербайжан — энергичный, упорный, решительный, видящий действительность в ее конкретике, в острых ритмах, ярких красках, выразительных мизансценах. Поэтому-то, наверное, их обоих вместе и воспринимаешь как олицетворенную живую Музыку и живой многоликий Театр...

Созданный ими обоими на сцене Алма-Аты оперный спектакль «Енлик-Кебек», думается, станет праздником не только казахского искусства... Он также выйдет далеко и за пределы легенды. Порукой тому — интернациональная, общечеловеческая, гуманная его суть. Как и высокий уровень его новаторских творческих решений.

В роли Кебека Н. Каражигитов.

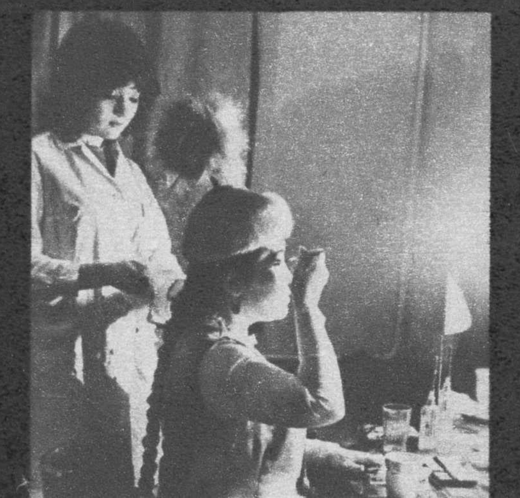
Енлик принимает решение.

Сцена из спектакля «Енлик-Кебек».

Встретились соперники...

Енлик — С. Курмангалиева перед выходом на сцену.

Суд старейшин.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663